

журнал социологических наблюдений и сообщений

Социальная реальность

1(23) 2008
февраль

Социальная реальность

ЖУРНАЛ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ
НАБЛЮДЕНИЙ И СООБЩЕНИЙ
№1'2008

Общество

■ ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ

Г. Кертман

Пойти к психотерапевту?5

■ ЧЕЛОВЕК НА РАБОТЕ

Д. Стребков, А. Шевчук

Фрилансеры в информационной экономике:
мотивация и организация труда23

■ РАДОСТИ ЖИЗНИ

И. Шмерлина

О любви к собакам, и не только...40

■ ОБРАЗОВАНИЕ

П. Лебедев, Д. Rogozin

Ситуационное картографирование школьного урока
информатики49

■ НОРМЫ И ЦЕННОСТИ

Е. Вовк

Счастье плюс...
Формулы успеха в современной России72

■ ЦИФРЫ

Опросы без комментариев61

■ БЕСЕДА

“Работа над биографиями – это общение с моими героями”

Интервью Бориса Докторова Владимиру Ядову ...85

■ РЕПЛИКА

О. Яницкий

Размышления о взаимодействии социологии и исторической науки105

■ КНИЖНЫЕ ДЕБРИ

И. Климов

“Сырое и приготовленное”, или К апологии рецензий111

Н. Харламов

О книге Э. Амина и Н. Трифта

“Торода: переосмысливая городское”117

Н. Фархатдинов

О книге Л. Мальковой “Современность как история: реализация мифа в документальном кино”124

■ МЕЖДУ ПРОЧИМ

Так говорил респондент...109

Главный редактор
Александр Ослон

Зам. главного редактора
Елена Петренко

Ведущие разделов и рубрик
“Общество”

Григорий Кертман
“Форум”

Леонид Блехер
Георгий Любарский
“Мастерская”

Иван Климов
“Цифры”

Людмила Преснякова
“Между прочим”

Анатолий Черняков

Арт-директор

Анна Данилова

Ответственный секретарь

Мария Каневская

Маркет-менеджер

Светлана Басманова

Редакторы выпуска

Анастасия Егорова

Мария Каневская

Светлана Королькова

Корректор

Наталья Шарова

Оригинал-макет

Любовь Софейчук

Рисунки

Александр Галицкий

Андрей Мирзоян

Учредитель и издатель
Фонд “Общественное мнение”

Президент

Александр Ослон

Директор по исследованиям

Елена Петренко

Директор по технологиям

Алексей Чуриков

Финансовый директор

Марианна Кононова

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-21257 от 28.06.2005

Поддержка издания:

Фонд Ельцина

При перепечатке ссылка на журнал
обязательна.

Формат 215×280 в 1/4

Тираж 700 экз.

Цена свободная

Номер подписан в печать

27.02.2008 г.

Адрес редакции журнала:

119421, Москва,

ул. Обручева, 26, корп. 2

тел.: (495) 745-87-65

факс: (495) 745-89-03

e-mail: sr@fom.ru

Электронная версия:

<http://socreal.fom.ru>

© “Социальная реальность”

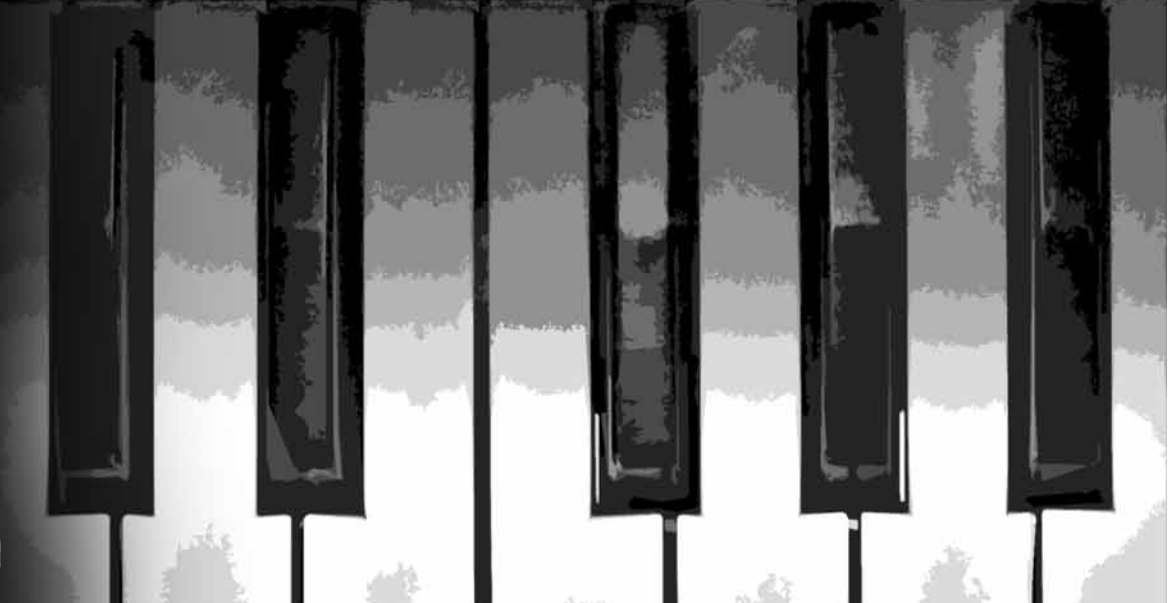
Отпечатано в типографии

ООО “Группа Море”

101898, Москва, Хохловский пер., д. 9

COBBLESTONE

Г. Кертман

Пойти к психотерапевту?

Еще сравнительно недавно практика обращения к психотерапевтам, психоаналитикам однозначно ассоциировалась в сознании наших сограждан с западным образом жизни. Кто-то видел в этом блажь, причуду, кто-то – заманчивый атрибут современной цивилизации, но в любом случае само собой разумелось, что добровольные и более или менее систематические визиты к специалистам этого профиля – нечто примерно столь же далекое от отечественной повседневности, как иноземная привычка беседовать с представителями правоохранительных органов исключительно в присутствии своего адвоката. А как обстоит дело сейчас: насколько освоена и легитимирована эта практика российским массовым сознанием, как она оценивается и интерпретируется нашими соотечественниками, в какой мере они склонны “примерять” ее на себя и многие ли действительно обращаются к психотерапевтам?

Логика предубеждений

Согласно данным опроса, проведенного в 2006 году¹, возможность обращения к “профессиональному психологу или психотерапевту” в принципе допускает для себя каждый третий из наших сограждан (33%), исключают – почти половина (47%) россиян. Многие – 20% – затрудняются дать ответ на этот вопрос. Как видим, ни о восприятии данной практики в качестве обыденной, общепринятой – как пойти в аптеку или на рынок, – ни о ее тотальном неприятии говорить сейчас не приходится. Распределение суждений очень ошутимо варьируется в зависимости от социально-демографических характеристик респондентов. Если среди женщин доли допускающих и исключаящих обращение к специалистам данного профиля практически одинаковы (38 и 40% соответственно), то среди мужчин первых вдвое меньше, чем вторых (28 и 54%). Обладатели вузовских дипломов признают для себя возможным обращение к психологам значительно чаще, нежели люди с более низким образовательным уровнем (42% среди респондентов с высшим образованием; исключают такую возможность

¹ Общероссийский опрос населения 27–28 мая 2006 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

в этой группе 41%). В Москве большинство опрошенных (52%) говорят, что в принципе могли бы обратиться к психологам, в других мегаполисах и крупных городах этот показатель немного превышает общероссийский (36% – в мегаполисах, 39% – в иных областных центрах), тогда как в малых городах и селах он ниже общероссийского (30 и 26% соответственно).

Особый интерес представляет дифференциация ответов в зависимости от возраста опрошенных (табл. 1).

В практическом плане внушительный разрыв между позицией молодых респондентов, которые чаще допускают, чем исключают возможность обращения к психологам, и представителей старшего поколения, весьма решительно отвергающих такую возможность, определенно указывает на перспективу расширения не только потенциальной, но и реальной клиентуры психотерапевтов. Вместе с тем он заставляет предполагать, что предубеждение против обращения к их услугам подвергается эрозии, и этот процесс связан с размыванием, ослаблением неких традиционных для нашего общества мировоззренческих установок, присутствующих сегодня “детям” в значительно меньшей степени, чем “отцам”.

Но на чем, собственно, основано данное предубеждение? Что побуждает почти половину участников опроса отвергать саму возможность прибегнуть когда-либо к помощи, совету профессионального психолога? Этих респондентов попросили аргументировать свою позицию, и 82% из них – то есть 39% от всех опрошенных – привели те или иные обоснования.

Чаще всего респонденты заявляли, что способны справиться с проблемами и неприятностями самостоятельно, без посторонней помощи, аттестовали себя как сильных, уверенных в себе, самодостаточных людей: “надеюсь на себя и на свои силы”; “считаю, что сам могу справиться с любой ситуацией”; “в состоянии самостоятельно найти выход из положения”; “сама справляюсь с эмоциями”; “вполне самодостаточен, привык свои проблемы решать сам”; “своя голова на плечах есть”; “уверен в своих силах”; “нервы крепкие”; “сама выйду из депрессии”; “я не нуждаюсь в советах и справляюсь сама”; “я достаточно сильный человек”. Подобные ответы дали 26% опрошенных, исключая для себя возможность обратиться к помощи психотерапевта (то есть почти треть от числа ответивших на вопрос). В этих высказываниях отчетливо слышится уверенность: консультации специалиста нужны только “слабакам” – тем, кто не верит в свои силы, не способен справляться с эмоциями, самостоятельно решать свои проблемы, находить выход из трудных ситуаций и т. д. Такая презумпция при-

Табл. 1

% от групп (по столбцам)

	Население в целом	Возраст, лет		
		18-35	36-54	55 и старше
Вы лично допускаете или исключаете для себя возможность в будущем обратиться за помощью, советом к профессиональному психологу или психотерапевту?				
Допускаю	33	44	31	<u>21</u>
Исключаю	47	<u>38</u>	48	56
Затрудняюсь ответить	20	18	20	22
❖ Отклонения от средних значений на 5 п.п. и больше в ту или другую сторону выделены соответственно жирным шрифтом или курсивом.				

дает обращению к психотерапевту статус свидетельства личностной несостоятельности – и неудивительно, что эти респонденты столь категоричны в своем несогласии когда-либо прибегнуть к его помощи.

А некоторые (6%) вообще полагают, что посещение психологов, психотерапевтов – удел душевнобольных, и объясняют категорическое нежелание когда-либо обращаться к ним тем, что психически здоровы: *“не дошел до сумасшествия”*; *“я не псих”*; *“пока еще с головой дружим и можем решить свои проблемы сами”*; *“я душевно здоровый”*; *“у меня нормально с психикой”*; *“я не душевнобольной”*.

Многие (18%) говорили, что не нуждаются и не будут нуждаться в услугах психотерапевтов, что им такая помощь не нужна: *“нет в этом необходимости”*; *“мне это не понадобится”*; *“у меня все нормально”*; *“к счастью, у меня не было таких проблем”*; *“мне там делать нечего”*; *“смогу обойтись без помощи специалистов”*; *“нет такой необходимости и не будет”*; *“мы люди простые, нам это не надо”*; *“мне это ни к чему”*; *“не нуждаюсь в их помощи”*; *“у меня нет таких проблем”*.

Казалось бы, эти реплики по большей части не содержат какого-либо “подтекста”, позволяющего судить о том, как их авторы расценивают визит к психотерапевту, – люди просто констатируют, что у них нет потребности в услугах последнего, и выражают надежду, что таковая не возникнет никогда. Однако учтем: эти респонденты только что заявили, что “исключают для себя возможность в будущем обратиться за помощью, советом” к специалисту данного профиля, и сейчас поясняют свой ответ. Между тем едва ли кто-либо стал бы *исключать* для себя возможность обратиться в *будущем*, например, к стоматологу или нотариусу на том лишь основании, что сейчас не нуждается в их услугах. В данном же случае такая экстраполяция оказывается для многих естественной – и это, очевидно, означает, что, говоря *“мне это ни к чему”* или *“у меня все нормально”*, опрошенные имеют в виду не преходящие обстоятельства своей жизни, а нечто гораздо более устойчивое – свои личностные характеристики, каковые, как им представляется, дают им пожизненную гарантию от визитов к психотерапевтам. Иначе говоря, авторы этих реплик – по крайней мере большей их части – убеждены, как и процитированные ранее респонденты, что услуги профессиональных психологов предназначены не всем, а определенному типу людей, и люди эти в чем-то ущербны, несостоятельны. Именно этот мотив оказывается доминирующим у тех, кто отрицает для себя возможность обращения к психотерапевтам: так или иначе он присутствует, как видим, в большинстве ответов.

Рассмотрим другие, менее распространенные мотивы. Каждый восьмой из числа исключających обращение к психологам заявляет о недоверии им, выражая сомнения в том, что они в принципе смогут оказать реальную помощь, либо ставя под сомнение профессионализм российских специалистов в этой области.

“Не доверяю я психологам”; *“не помогут”*; *“не очень-то верю в их помощь”*; *“не верю им”*; *“мне уже никто не поможет, сама буду жить потихоньку”*; *“не думаю, что это мне реально чем-то поможет”* (9%; ответы на открытый вопрос).

Возможность обращения к профессиональному психологу или психотерапевту в принципе допускает для себя каждый третий из наших сограждан, исключают – почти половина россиян

“Я считаю, что в нашей стране психологи подготовлены плохо”; “у нас нет профессионалов”; “низкий уровень подготовки специалистов”; “там много шарлатанов и черствых на самом деле людей” (3%; ответы на открытый вопрос).

Примерно столько же опрошенных сетуют на недоступность услуг психотерапевтов: чаще – из-за их дороговизны, реже – из-за очередей на прием либо отсутствия соответствующих специалистов там, где живет респондент.

“Это слишком дорогое удовольствие”; “не с нашими деньгами ходить к психологу”; “денег таких нет”; “мне не по карману”; “откуда у меня столько денег? А бесплатные – это как сыр в мышеловке” (8%; ответы на открытый вопрос);

“К нему не попадешь”; “у нас в деревне психолога нет, а в город ездить – далеко и дорого”; “большие очереди, к врачу трудно попасть, не то что к психологу”; “здесь нет таких служб” (3%; ответы на открытый вопрос).

Некоторые говорили, что предпочитают полагаться на помощь близких, друзей либо просто не любят “раскрываться” перед посторонними.

“Есть близкие люди, которые помогут”; “для этого есть друзья”; “у меня есть близкие, с которыми можно поделиться своими проблемами”; “любая подруга лучше психолога” (4%; ответы на открытый вопрос).

“Не готов раскрыться перед кем-то чужим”; “не привык делиться переживаниями с посторонними людьми” (2%; ответы на открытый вопрос).

Другие ссылались на то, что обращение к психологам – непривычная, нетрадиционная для России практика.

“У нас в стране это не заведено”; “всю жизнь прожили без психологов”; “нет привычки”; “как-то не принято это у нас” (3%; ответы на открытый вопрос).

Большинству россиян посетители психотерапевтических сеансов представляются отнюдь не успешными и цивилизованными людьми, а либо “слабаками”, либо людьми неадекватными, либо неудачниками, либо, наконец, представителями чужой и подозрительной социальной страты – богачами, бизнесменами

И наконец, звучала тема возраста – некоторые убеждены, что в старости услуги психотерапевта неактуальны.

“Поздно, умирать скоро”; “у меня уже такой возраст, что психолог не поможет”; “я уже отжила свое” (3%; ответы на открытый вопрос).

Рассматривая этот спектр мотивов “отказников”, следует иметь в виду, что с высказанными ими соображениями наверняка согласны и многие из респондентов, затруднившихся ответить на вопрос, допускают ли они для себя возможность обратиться к психотерапевту, – этим 20% участников опроса данный открытый вопрос не задавался, но едва ли сомнения, помешавшие им такую возможность допустить, зиждутся на каких-то принципиально иных основаниях. Да и для тех, кто считает для себя возможным прибегнуть к помощи профессиональных психологов, эти

соображения, как мы убедимся, не вполне чужды – пусть они и не являются для них определяющими.

Учтем и еще одно обстоятельство. Отвечая на подобные открытые вопросы, респонденты приводят те аргументы, которые приходят им в голову в первую очередь, и поэтому частота упоминания доводов позволяет судить об иерархии факторов, реально формирующих в массовом сознании предубеждение про-

тив обращения к психологам. Но это отнюдь не означает, что сравнительно редко упоминаемые здесь соображения в действительности разделяются немногими, – они просто могут быть менее актуализированными в данном контексте.

Если, в частности, о дороговизне услуг психологов как о мотиве, заставляющем респондента исключать для себя возможность обратиться к ним, заявили, отвечая на открытый вопрос, 8% “отказников”, то отсюда вовсе не следует, что прочие считают эти услуги недорогими. Участников опроса спросили об этом отдельно, и только 14% из них заявили, что услуги профессиональных психологов, психотерапевтов по цене доступны таким людям, как они, тогда как 47% – что эти услуги для них недоступны² (38% ответить затруднились). Причем среди тех, кто в принципе *допускает* для себя возможность прибегнуть к этим услугам, 23% считают их доступными для людей своего круга, а 44% – недоступными (среди исключających обращение к психологам – 12 и 48% соответственно). Не стоит искать в позиции этих респондентов противоречие: можно признавать, что некая услуга тебе не по карману, но при этом допускать, что когда-нибудь в будущем – то ли разбогатев, то ли до предела затянув пояс, то ли назанимав деньги у близких – ты все же ею воспользуешься. Однако если люди, считающие для себя в принципе возможным пойти к психотерапевту, склоняются к мнению о непомерной дороговизне такого визита, то это мнение – даже независимо от степени его достоверности – является, конечно, определенным препятствием для распространения соответствующей практики.

“Отказники” редко ссылались на нехватку психологов, психотерапевтов как на обстоятельство, исключающее для них визит к этим специалистам, но в целом респонденты чаще полагают, что в этой области существует “дефицит кадров”, чем их перепроизводство: 22% опрошенных думают, что психологов в стране слишком мало (чаще всего так говорят москвичи – 37%), тогда как 14% – что их слишком много (20% считают, что их “столько, сколько нужно”; прочие оценить ситуацию затруднились).

Однако в наибольшей мере, как мы видели, неприятие самой мысли об обращении к психотерапевтам связано с представлением о некоторой ущербности людей, пользующихся их услугами. Впрочем, если такое представление чаще всего актуализируется у большинства “отказников” в совершенно конкретном контексте разговора о причинах их нежелания прибегать к помощи профессиональных психологов, то это еще не означает, что россияне вообще считают ущербность, личностную несостоятельность основным, “видообразующим” признаком тех, кто к подобной помощи обращается. А как они в целом представляют себе таких людей? Выяснив это, мы, очевидно, поймем, как воспринимается нашими согражданами институт психотерапевтической помощи как таковой, как интерпретируется его социальная роль в сегодняшнем российском обществе.

Даже те, кто исключает для себя лично возможность обратиться к психологам, почти так же часто заявляют, что последние в целом заслуживают доверия и приносят пользу, как и отрицают это мнение

² Особенно часто, кстати, об их недоступности говорили москвичи (61%) и сельские жители (56%).

Образ пациента

Обратимся к ответам на открытый вопрос, который задавался всем респондентам: *“Как Вы думаете, кто, какие люди сегодня в России чаще обращаются за помощью, советом к профессиональному психологу или психотерапевту?”* Так или иначе ответили на него две трети опрошенных (68%)³.

Чаще всего приводились две версии, каждая – примерно в четверти высказываний (по 16% от всех опрошенных). Во-первых, респонденты подчеркивали, что клиенты психотерапевтов – люди состоятельные, нередко указывая при этом, что они принадлежат к миру бизнеса. В большинстве случаев такие высказывания звучали нейтрально – как констатация: *“кто материально себе может это позволить”*; *“бизнесмены, богатые люди”*; *“предприниматели”*; *“те, кто имеет деньги”*; *“более состоятельные”*; *“богатые, способные оплатить услуги*

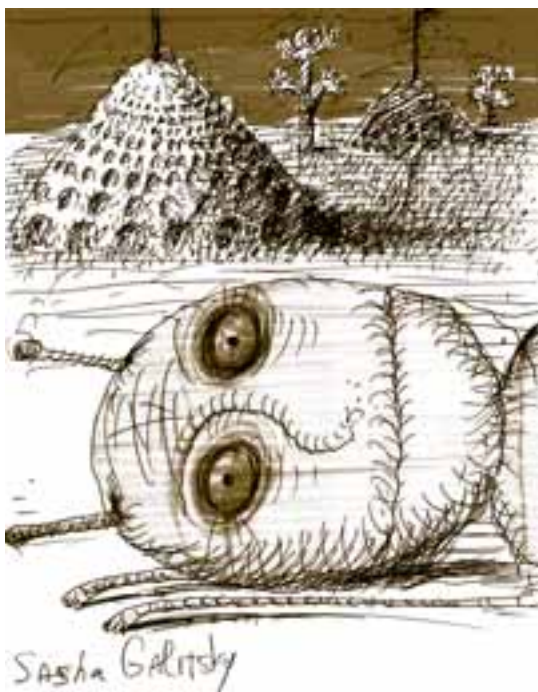
психолога”; *“у кого есть деньги, кому по карману”*; *“более зажиточные”*⁴. Но нередко в подобных ответах отчетливо слышалось раздражение, неприятие: *“кому деньги некуда девать”*; *“богатые с жиру бесятся”*; *“богатеи”*; *“богатые, кому нечего делать”*; *“олигархи”*; *“богатые бездельники”*. Учитывая известную неблагосклонность значительной части наших сограждан к состоятельным людям, можно предположить, что и за лаконичными и внешне безоценочными высказываниями, подобными приведенным чуть выше, нередко тоже скрывается неприязнь к этим посетителям психотерапевтических сеансов. Вместе с тем изредка слышалась и иная интонация – некоторые отмечали, что богатые, предприниматели особенно нуждаются в поддержке профессиональных психологов: *“занимающиеся бизнесом – очень эмоционально загруженные”*; *“богатые, у которых нервные работы”*; *“бизнесмены, не имеющие верных друзей”*; *“люди бизнеса, у которых огромный стресс”*.

Во-вторых, столь же часто звучала уже хорошо знакомая нам тема личностной слабости, несостоятельности. Только если ранее, когда речь шла о причинах нежелания части респондентов когда-либо иметь дело с психотерапевтами, соответствующие представления об их клиентах напрямую не формулировались (мы реконструировали эти представления, отталкиваясь от самопрезентаций опрошенных как людей сильных, твердо стоящих на ногах), то здесь участники опроса высказывались со всей определенностью: *“неуравновешенные, неуверенные в себе”*; *“слабовольные люди”*; *“люди, не умеющие совладать со своими слабостями”*; *“слабые, малодушные”*; *“которые не смогли самореализоваться”*; *“кто растерялся в жизни”*; *“у которых нет внутреннего стержня, которые не определились в жизни”*; *“слабые духом”*; *“нытики”*; *“кто не умеет справиться с неприятными событиями”*; *“скорее всего, это неудачники”*; *“слабаки”*.

Сумма ответов – выше, поскольку в некоторых высказываниях респондентов содержится не один, а два (иногда и более) содержательных ответа на открытый вопрос, и каждый из них учитывается при кодировке отдельно.

³ Сумма ответов – выше, поскольку в некоторых высказываниях респондентов содержится не один, а два (иногда и более) содержательных ответа на открытый вопрос, и каждый из них учитывается при кодировке отдельно.

⁴ Более 30 участников опроса ограничились одним словом: *“богатые”*.

Любопытно, что к подобным характеристикам клиентуры психотерапевтов практически в равной мере склонны как те, кто *исключает* для себя возможность прибегнуть к помощи специалистов данного профиля (причем исключает, как мы видели, прежде всего именно потому, что считает себя жизнестойким), так и *допускающие* такую возможность: 18% среди “отказников”, 16% – среди “потенциальных клиентов”.

Довольно часто людей, посещающих психотерапевтов, аттестовали как психически нездоровых: “кто не дружит с головой, больные люди, психи”; “душевнобольные”; “слабоумные”; “люди с отклонениями весной, осенью; параноики”; “те, кто с придуркой”; “с психическим отклонением”; “шизофреники, неуравновешенные люди” (10% опрошенных). Такие ответы “потенциальные клиенты” давали все же гораздо реже, чем “отказники”: 6% среди первых и 13% – среди вторых.

Но нередко о клиентах психотерапевтов говорили совсем в другом ключе – как о людях, нуждающихся в помощи, причем главным образом – не в силу собственного несовершенства, а вследствие сложных, неблагоприятных жизненных обстоятельств: “люди, у которых серьезные проблемы”; “кому трудно”; “у кого большие неприятности”; “у кого жизнь тяжелая”; “у всех бывают неожиданные ситуации в жизни”; “у кого слишком большие проблемы”; “все, кому плохо, кто в этом нуждается” (9%). Тут начисто отсутствуют обвинительный пафос и пренебрежительная интонация, столь заметные в двух предыдущих группах ответов. И неудивительно, что подобные реплики гораздо чаще принадлежат “потенциальным клиентам”, чем “отказникам”: 14 и 6% соответственно.

По существу близка к этой и группа реплик, авторы которых говорят, что к посещению психотерапевта людей часто подталкивают экстремальные ситуации, трагедии, стрессы: “люди, попавшие в тяжелую, кризисную ситуацию”; “кто горе перенес”; “есть такие ситуации, когда помощь профессионала нужна”; “жертвы катастроф”; “люди, получившие моральную травму”; “у кого беда”; “кто оказался в стрессовой ситуации” (7%; среди “потенциальных клиентов” – 8%, среди “отказников” – 5%).

Некоторые подчеркивали, что к профессиональным психологам обращаются “те, кому трудно разобраться в сложившейся ситуации”; “кто не может разобраться в своих проблемах” (4%). На первый взгляд, такие ответы кажутся близкими к пренебрежительным высказываниям о “слабаках”, но в действительности респонденты, возможно, чаще акцентируют здесь внимание на сложности жизненных ситуаций, чем на индивидуальных особенностях тех, кто в них оказывается. Во всяком случае отдельные реплики прямо указывают на это: “могут и волевые люди – за подсказкой о правильном решении”; “не больные – которые не справляются сами, нормальные люди”.

По мнению части опрошенных, особенно часто прибегают к помощи психотерапевтов люди одинокие, лишённые друзей и близких, а также те, у кого нелады в семье, неурядицы в личной жизни.

“У кого нет родных и близких”; “одинокие люди”; “у кого нет друзей и знакомых”; “те, кому больше не к кому обратиться за помощью” (3%; ответы на открытый вопрос).

Доверие психотерапевтам выражают почти половина молодых респондентов, треть представителей среднего поколения и четверть пожилых участников опроса. В целом же презумпция доверия к этому профессиональному сообществу распространена сейчас вдвое шире, чем презумпция недоверия

“Родители идут с проблемными детьми”; “у кого большие проблемы в семье с мужем или детьми”; “у кого сложности в личной жизни”; “у которых большие неприятности в семье” (3%; ответы на открытый вопрос).

Некоторые полагают, что к психотерапевтам чаще всего обращаются алкоголики и наркоманы (2%), дураки и бездельники (2%). Одни считают, что это, как правило, пожилые люди (2%), другие – что это подростки, молодежь (1%). Упоминаются в этом контексте руководители, политики (1%), люди умственного труда (1%), те, у кого напряженная работа (1%). Иногда, кстати, называются конкретные профессии: *“разные транспортные диспетчеры, учителя”; “военные”; “спортсмены”; “люди искусства”; “милиционеры” (2%).*

Особо стоит обратить внимание на небольшую группу реплик, авторы которых рассматривают практику обращения к психотерапевтам как атрибут причастности к современной цивилизации и явно уверены в том, что такую практику в принципе следовало бы освоить каждому: *“продвинутые, современные”; “кому не безразлична своя судьба”; “свободные, знающие”; “успешные люди, идущие в ногу со временем”; “цивилизованные” (2%).*

Однако большинству россиян, как видим, посетители психотерапевтических сеансов представляются отнюдь не успешными и цивилизованными людьми, а либо “слабаками”, либо людьми неадекватными, либо маргиналами, либо неудачниками, заслуживающими пусть не осуждения, не пренебрежения, но жалости, сочувствия, либо, наконец, представителями чужой и подозрительной социальной страты – богачами, бизнесменами. Неудивительно поэтому, что для многих визит к психотерапевту – шаг не только нежелательный, но и в известной мере дискредитирующий: поступок, распространяться о котором не следует.

Этот аспект проблемы, наряду с прочими, подробно обсуждался на фокус-группах⁵.

Модератор: Скажите мне, пожалуйста, такая вещь, как обращение к психологу профессиональному, – это вещь, о которой неловко рассказывать там своим знакомым, окружающим или ничего такого, чего стесняться следовало бы, в этом нет?

Участник: Для меня было бы неловко.

Модератор: Неловко, Сергей? Почему?

Участник: Ну, сейчас сформулирую. Значит, я иду к доктору, к этому психотерапевту, то есть я уже сам себе подписываю приговор – слабости своей, что я не могу выход <найти>... ну, то есть я недостаточно образован, скажем так” (ДФГ, Москва).

Модератор: А как вы вообще считаете, эта тема – она запретная или о ней можно говорить безо всякого стеснения?

1-я участница: Я считаю, запретная.

Модератор: Почему?

1-я участница: Потому что я сталкивалась с таким. Пришлось мне поделиться, а потом расплачивалась за это.

2-й участник: Посмеялись потом?

1-я участница: Да. Поэтому я стараюсь теперь – только с дочерью” (ДФГ, Воронеж).

⁵ Дискуссионные фокус-группы в Москве, Санкт-Петербурге и Воронеже 6 июня 2006 года.

“1-я участница: Я думаю, наше общество еще не готово к тому, чтобы обсуждать это так открыто.

Модератор: Почему Вы так считаете?

2-я участница: Потому что у нас очень много зависти, очень много злости.

1-я участница: Да.

3-я участница: Да” (ДФГ, Воронеж).

Впрочем, далеко не все участники дискуссий считают, что визит к психологу лучше утаить от окружающих. А некоторые не только не видят причин делать из такого визита секрет, но, напротив, говорят, что обязательно – и охотно – рассказывали бы о нем окружающим.

“С удовольствием бы сходила, с удовольствием заявила бы всем об этом, да” (ДФГ, Москва).

“Это нормально – обращаться к психотерапевту или психологу, а потом с друзьями делиться опытом” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Если бы я ходила, наверное, я бы обсуждала это с друзьями, и это было бы очень весело, наверное” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Можно говорить, не стесняясь, потому что это значит, что ты следишь за собой, за своим здоровьем” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Все эти реплики, заметим, принадлежали довольно молодым респондентам (от 22 до 27 лет). Одна из участниц дискуссии в Санкт-Петербурге, где подобные высказывания звучали особенно часто, обратила внимание на это обстоятельство и прокомментировала его следующим образом.

“Вы знаете, я сейчас послушала – очень хорошо прослеживаются два поколения. Молодое поколение говорит: да, мы пойдем, это модно в определенных слоях, мы блеснем, нас поддержат. А более взрослое поколение, которое еще помнит, что такое было в наше время обратиться к психотерапевту – а его разницы от психиатра совершенно нет... И вот я сейчас прекрасно понимаю, что если бы я даже и пошла к психоаналитику и сказала бы об этом... Нет, я, конечно, кому-то из своих знакомых сказала бы, но я бы не сказала этого на работе, потому что эта грань – где психотерапевт, а где психиатр – она не четкая. А молодежь уже другая, другое поколение, и им ничего не стоит сказать об этом. Я думаю, что у нашей светской элиты, у каждого есть свой психоаналитик, к которому они могут прийти и сказать: у меня был стресс, собачка заболела, и как мне выйти? У них проблемы другие, понимаете? А если я приду и расскажу, что у меня заболела собака, и обратилась к психоаналитику, вы представляете, что будет у меня на работе?” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Монолог очень показательный. Констатируя различия в позициях представителей разных поколений, участница дискуссии поначалу объясняет их тем, что старшие скованы предрассудками советских времен, а младшие от этих предрассудков свободны. Похоже, она несколько завидует молодежи⁶, которой, по ее

⁶ Ей, кстати, 45 лет – так что ссылка на “наше время”, когда обратиться к психотерапевту было немыслимо, выглядит не слишком убедительно.

Несколько наивное представление о работе психолога, абсолютизирующее роль коммуникативных навыков и игнорирующее иные аспекты профессионализма, способствует “одомашниванию” института психотерапевтической помощи и формированию позитивного отношения к нему

мнению, неведом психологический барьер, мешающий старшему поколению обращаться к помощи психотерапевтов и открыто говорить об этом. Однако вместо того, чтобы признать рациональность позиции молодых, респондентка тут же вводит иное – не возрастное, а едва ли не “классовое” – различие, с явным раздражением высказываясь о “светской элите” и фактически обвиняя молодежь в бездумном подражании изнеженной, “глянцевой” публике. Между тем несколькими минутами ранее эта же участница дискуссии призналась, что недавно, увидев в цикле телепередач, посвященных психологии и психотерапии, сюжеты, которые напомнили ей эпизоды ее собственной жизни и проблемы, связанные с сыном, она подумала: *“надо же, чего же я столько лет мучилась? Мне нужно было просто сходить и все узнать”*. Но, говоря о межпоколенческих различиях, респондентка предпочла в качестве гипотетического повода своего визита к психоаналитику упомянуть не вполне реальные, собственные семейные проблемы, а нечто в этом контексте заведомо экзотическое и едва ли не карикатурное – стресс, вызванный болезнью собаки, – защищая, таким образом, традиционный взгляд на институт психотерапии как на атрибут чуждого простым людям образа жизни.

Устойчивость установки, побуждающей избегать обращения к психотерапевту, а если его все же приходится посетить – молчать о таком визите, иллюстрирует и следующий диалог.

“Участница: Двадцать лет назад мне пришлось обратиться со своим ребенком, и это было очень стыдно в те годы. Нельзя было даже рассказывать, потому что это было даже как-то зазорно.

Модератор: А сейчас?

Участница: Сейчас отношение изменилось, потому что больше рассказывается об этом, даже, бывает, по телевидению показывают такие передачи.

Модератор: Как вы считаете, нужно, можно ли говорить об этом безо всякого стеснения или нет?

Участница ДФГ: Ну, я бы, например, не стала.

Модератор: Почему?

Участница ДФГ: Я считаю, что это как проявление моей слабости; значит, я сама не справилась” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Эта респондентка, в отличие от процитированной ранее, имеет опыт обращения к психотерапевту. И не только с ребенком: по ходу фокус-группы она говорит, что ходила к специалисту соответствующего профиля – у нее была тяжелая депрессия после развода. Кроме того, она замечает, что отношение к такой практике в обществе стало гораздо более толерантным, чем в прошлом. И тем не менее – предпочитает не говорить окружающим о том, что посещала психотерапевта, поскольку видит в этом нечто дискредитирующее.

Распространенность такого предубеждения заставляет предположить, что участники массового опроса не всегда правдиво отвечали на вопрос о том, обращались ли они когда-нибудь “за помощью, советом к профессиональному психологу или психотерапевту”. Утвердительно ответили на него лишь 6% опрошенных⁷; среди молодежи (возраст до 35 лет) – 7%, среди относительно пожи-

⁷ В Москве доля заявивших о таком опыте вдвое выше – 12% опрошенных.

лых (старше 54 лет) – 5%. Однако вполне вероятно, что некоторые из тех 93% участников опроса, которые сказали, что к психологам не обращались, в действительности имели соответствующий опыт, но предпочли не сообщать о нем незнакомому человеку – интервьюеру.

Кроме того, следует учесть, что люди вступают в контакт с психологами, психотерапевтами не только по собственной инициативе. Один из участников фокус-группы в Санкт-Петербурге, например, лежал в госпитале после серьезной травмы, и там с ним неоднократно беседовал психотерапевт; другой, оказавшись без работы, был направлен биржей труда на бесплатные групповые занятия, в ходе которых психологи, по его словам, “помогали избавиться от комплекса безработного” (оба, кстати, говорят, что получили реальную пользу). Кто-то имел дело с детским психологом – пригласили в школу. вполне вероятно, что на вопрос о том, обращались ли они когда-нибудь за помощью к психологам, такие люди ответили бы отрицательно – и не в силу желания что-либо утаить, а просто потому, что ситуации, в которых они контактировали с психологами, определяются иначе: они действительно не обращались за помощью. Но с учетом как этого обстоятельства, так и рассмотренного выше предубеждения, надо полагать, что доля россиян, пользовавшихся услугами профессиональных психологов, в действительности превышает – не будем гадать, насколько именно – зафиксированный опросом показатель (6%).

Сказанное относится и к распределению ответов на вопрос о том, есть ли у респондентов родственники или знакомые, которые обращались за помощью к профессиональным психологам, психотерапевтам. Положительно ответили на него 16% опрошенных (2% – сказали, что таких родственников, знакомых у них много, 14% – что мало), отрицательно – 71%, прочие с ответом затруднились. Но фактически здесь фиксируется лишь “нижняя планка”: каждый шестой россиянин наверняка знает о посещении таких специалистов кем-то из своих близких...

Образ психотерапевта

“Коллективная репутация” сообщества психотерапевтов находится еще в стадии формирования. Во всяком случае почти половина опрошенных (47%) затруднились ответить на следующий вопрос: “Одни считают, что профессиональные психологи и психотерапевты в целом заслуживают доверия, что обращение к ним обычно приносит пользу. Другие считают, что профессиональные психологи и психотерапевты в целом не заслуживают доверия, что обращение к ним обычно не приносит пользы. Какая точка зрения вам ближе – первая или вторая?” Однако прочие вдвое чаще выражали доверие этому профессиональному сообществу, чем отказывали ему в доверии: 35% поддержали первую точку зрения, 18% – вторую⁸. Причем любопытно, что даже те, кто

⁸ Отметим, что в такой же пропорции распределились и ответы тех 6% респондентов, кто лично обращался к психологам, на вопрос о том, остались ли они удовлетворены результатами: 4% – удовлетворены, 2% – недовольны.

Телепередачи, посвященные проблемам психологии, смотрят две пятых россиян. Представляется довольно неожиданным тот факт, что молодые и представители среднего поколения смотрят эти передачи чаще, чем пожилые, – особенно если учесть, что последние в целом проводят у телевизора гораздо больше времени

исключает для себя лично возможность обратиться к психологам, почти так же часто заявляют, что последние в целом заслуживают доверия и приносят пользу, как и отрицают это мнение: 25 и 28% в данной группе соответственно (среди допускающих возможность обращения – 55 и 9%).

Обратим еще раз внимание на межпоколенческие различия, определенно благоприятствующие развитию института психотерапевтической помощи в нашей стране: доверие психотерапевтам выражает почти половина молодых – в возрасте до 35 лет – респондентов (45% – при 17% сторонников противоположной точки зрения), треть представителей среднего поколения (32% против 18%) и четверть пожилых – старше 54 лет – участников опроса (26% против 20%).

Респондентов, давших тот или иной ответ на этот вопрос, попросили обосновать свои точки зрения. Аргументация считающих, что психологи заслуживают доверия, а обращение к ним обычно приносит пользу, сводилась в основном к двум доводам. Одни – 35% от числа занимающих такую позицию – декларировали почтение к профессионализму как таковому и к специальному образованию как его неотъемлемому, в данном случае, атрибуту.

“Доверяю профессионалам”; “имеют высшее образование, обучались, имеют сертификат”; “это их профессия”; “профессионалы всегда приносят пользу”; “если учились, то, наверное, не зря: могут помочь”; “это грамотные, обученные люди”; “это целая область науки, есть целые направления выхода из сложной жизненной ситуации”; “недаром их учат в институтах, чтобы людям помогли” (12%; ответы на открытый вопрос).

Отметим, что в некоторых высказываниях этого толка психологи отождествлялись с медиками: *“они ведь врачи; врачам нужно доверять”; “это же врачи, они могут помочь”; “они давали клятву Гиппократу”*.

Другие – 33% от числа полагающих, что психологи заслуживают доверия, – апеллировали к практике, говорили о том, что представители этой профессии реально помогают людям.

“Они помогают людям разобраться в себе”; “они помогают пьяницам и наркоманам справиться с проблемами”; “они снимают стрессы, поддерживают”; “помогают найти точку опоры”; “они спасают людей от суицида”; “по телевизору говорят о том, что они помогают” (11%; ответы на открытый вопрос).

Иногда в подобных репликах акцент делается на то, сколько важно бывает человеку в трудный момент *“кому-то выговориться – легче становится на душе, спокойнее”*. Кто-то сравнивает психолога со священником: *“это как к попу на исповедь сходить – исповедался, и полегчало”*. Кто-то подчеркивает: *“с чужим человеком лучше поговорить, он даст совет, со стороны проблемы виднее”*.

Тут психотерапевт предстает не столько квалифицированным экспертом, видящим пациента насквозь благодаря специальным познаниям, приобретенным в ходе многолетней учебы, сколько просто внимательным и терпеливым собеседником, которому можно *“поплакаться в жилетку”*. Такое, житейское, понимание его функций (не совсем, конечно же, обоснованное, поскольку владение соответствующим амплуа входит в профессиональный инструментарий

исключает для себя лично возможность обратиться к психологам, почти так же часто заявляют, что последние в целом заслуживают доверия и приносят пользу, как и отрицают это мнение: 25 и 28% в данной группе соответственно (среди допускающих возможность обращения – 55 и 9%).

Респонденты, которые смотрят “психологические” телепередачи, склонны допускать для себя возможность посещения специалистов этого профиля, тогда как среди тех, кто такие передачи не смотрит, безоговорочно преобладают люди, подобную возможность исключают

психолога) распространено, судя по материалам групповых дискуссий, довольно широко. Показательно в этом плане, как участники фокус-групп реагируют на вопрос, смогли бы они работать психологами, получив должное образование. Приведем ответы участников лишь одной групповой дискуссии (опуская уточняющие вопросы модератора):

“Запросто. Я и без образования мог бы <...> Ко мне нормально относятся, уважают <...> Часто бывает, сидишь в кафе, вытешь, подсаживается кто-то, начинает душу изливать, совершенно незнакомый, и слушаешь их всех, и, вроде, им даже лучше делается”.

“Почему бы нет? Я считаю, что вполне уже можно работать, потому что опыт есть работы с людьми”.

“Конечно, у меня к этому делу очень большая предрасположенность”.

“Смог бы <...> Мне просто это нравится”.

“Наверное, смог бы <...> Четыре года назад я ушел из войск командиром части. Собственно говоря, это единственная должность психолога в армии, понимаете?”

“Сейчас, в моем возрасте – да, смогла бы, мне и образования не надо, потому что я, в принципе, прошла через это, я понимаю, что это такое” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Некоторые сомнения относительно своей способности работать психологом выразила лишь одна участница этой фокус-группы – аспирантка (27 лет), предпочитающая, кстати, в трудные минуты жизни обращаться к древнеиндийской философии. Остальные, как видим, полностью убеждены, что их личностные особенности и жизненный опыт гарантировали бы им успех на этом поприще.

Впрочем, несколько наивное представление о работе психолога, абсолютизирующее роль коммуникативных навыков и игнорирующее иные аспекты профессионализма, способствует, по-видимому, “одомашниванию” института психотерапевтической помощи и формированию позитивного отношения к нему.

Но вернемся к ответам на открытый вопрос. Некоторые респонденты обосновывали мнение о том, что психологи заслуживают доверия, ссылками на собственный опыт и опыт знакомых.

“Знаю людей, которым помог психолог”; “мне помогло”; “из моих знакомых кто обращался – результат в целом положительный”; “я своему доверяю психологу, он и другие болезни вылечит” (2%; ответы на открытый вопрос).

Еще один более или менее часто приводившийся довод состоял в том, что о пользе, приносимой психологами, свидетельствует само существование психотерапевтической практики. Это аргумент “от противного”: не заслуживали бы психологи доверия – не было бы у них клиентуры.

“Если люди обращаются, значит, кому-то помогают”; “иначе бы к ним никто не обращался”; “раз такие службы есть, они, значит, нужны людям – иначе они бы уже экономически прогорели” (2%; ответы на открытый вопрос).

Респонденты, считающие, что психологи доверия не заслуживают и пользы не приносят, чаще всего говорили о низкой квалификации российских специалистов в этой области и обвиняли их в корыстных мотивах.

“Очень мало специалистов хороших среди психологов”; “они очень неквалифицированные в своем деле”; “слабая подготовка кадров”; “низкая квалификация” (3%; ответы на открытый вопрос).

“Они только деньги выколачивают из людей”; “сейчас это модно, вот они и стригут деньги”; “нужны деньги для того, чтобы обратиться к ним”; “они все в корыстных целях этим занимаются, для своего обогащения” (3%; ответы на открытый вопрос)⁹.

Кроме того, некоторые просто декларировали недоверие психологам (*“все это чепуха”; “не верю я ни в каких психотерапевтов и экстрасенсов”; “не верю никому”* – 2%), утверждали, что никакой помощи от них ожидать нельзя (*“пустая болтовня”; “у психотерапевтов у самих психика разрушена”; “все они трепом занимаются, какая с них польза?”* – 2%), аттестовали их как *“шарлатанов”* и *“мошенников”* (1%) и т. д.

Но в целом, повторим, презумпция доверия к этому профессиональному сообществу распространена сейчас вдвое шире, чем презумпция недоверия (35 и 18%). И если отно-

сительное большинство россиян исключают для себя возможность обращения к психотерапевту, то дело тут, как мы убедились, не столько в специфике образа этого специалиста, сколько в специфике образа пациента.

Что же касается представлений наших сограждан о психотерапевтах и их работе, то они во многом, похоже, формируются телевидением. Участники групповых дискуссий, во всяком случае, довольно часто ссылались на телевизионные передачи. Как показывают данные массового опроса (табл. 2), “телепередачи, посвященные проблемам психологии”, смотрят 39% россиян (9% – часто, 30% – редко)¹⁰. Среди зрителей заметно преобладают женщины – что неудивительно. А вот тот факт, что молодые и люди среднего поколения смотрят эти передачи чаще, чем пожилые, представляется довольно неожиданным – особенно если учесть, что последние в целом проводят у телевизора гораздо больше времени.

Причем респонденты, которые смотрят “психологические” телепередачи, чаще склонны допускать для себя возможность посещения специалистов этого

⁹ Тут стоит заметить, что, как показывают исследования общественного мнения по самым разным сюжетам, определенная часть наших сограждан склонны априори трактовать материальную заинтересованность любого потенциального контрагента, предоставляющего те или иные услуги, как основание для отказа ему в доверии. Эта установка заслуживает, пожалуй, специального изучения.

¹⁰ Надо полагать, респонденты относят к числу “посвященных проблемам психологии” не только сугубо просветительские программы, непосредственно нацеленные на повышение психологической грамотности населения, но и самые разные передачи, в которых обсуждаются сложности межличностных отношений (семейных, производственных, соседских и т. д.) и различные житейские ситуации, требующие от их участников определенной психологической устойчивости и компетентности. Однако одной из важнейших предпосылок идентификации этих передач как “посвященных проблемам психологии” является, по-видимому, участие в них профессиональных психологов – в качестве экспертов, комментаторов или в какой-либо иной роли.

Большинство россиян ни к кому не обращаются за советом и помощью, когда скверно на душе, когда возникают проблемы в личной жизни, сложности в отношениях с кем-либо. В особенности это относится к мужчинам и гражданам преклонного возраста

профиля, тогда как среди тех, кто такие передачи не смотрит, безоговорочно преобладают люди, подобную возможность исключающие (табл. 3).

Немалым спросом пользуются у наших сограждан и различные публикации, посвященные психологической проблематике, – речь, понятно, в большинстве случаев идет о книгах, журнальных и газетных статьях, рассчитанных на массового читателя: каждый четвертый участник опроса хотя бы изредка читает такие тексты. Как и в случае с телепередачами, молодежь и люди среднего возраста проявляют к ним больше интереса, чем пожилые граждане (табл. 4). И опять-таки, читающие гораздо охотнее допускают мысль о посещении психотерапевта, чем те, кто к публикациям о психологии не притрагивается (среди читающих часто – 53%, редко – 48%, среди нечитающих – 27%).

Табл. 2

% от групп (по столбцам)

	Население в целом	Пол		Возраст, лет		
		мужчины	женщины	18-35	36-54	55 и старше
Скажите, пожалуйста, Вы смотрите или не смотрите телепередачи, посвященные проблемам психологии? И если смотрите, то часто или редко?						
Не смотрю	60	68	<u>52</u>	59	<u>54</u>	68
Смотрю часто	9	7	11	8	11	8
Смотрю редко	30	<u>24</u>	35	32	34	<u>22</u>
Затрудняюсь ответить	2	1	2	1	2	2
❖ Отклонения от средних значений на 5 п.п. и больше в ту или другую сторону выделены соответственно жирным шрифтом или курсивом.						

Табл. 3

% от групп (по столбцам)

	Население в целом	Телепередачи, посвященные проблемам психологии		
		не смотрят	смотрят часто	смотрят редко
Вы лично допускаете или исключаете для себя возможность в будущем обратиться за помощью, советом к профессиональному психологу или психотерапевту?				
Допускаю	33	<u>24</u>	52	45
Исключаю	47	54	<u>36</u>	<u>38</u>
Затрудняюсь ответить	20	22	<u>12</u>	17
❖ Отклонения от средних значений на 5 п.п. и больше в ту или другую сторону выделены соответственно жирным шрифтом или курсивом.				

Табл. 4

% от групп (по столбцам)

	Население в целом	Пол		Возраст, лет		
		мужчины	женщины	18-35	36-54	55 и старше
Вы читаете или не читаете какие-нибудь публикации или книги, посвященные проблемам психологии? И если читаете, то часто или редко?						
Не читаю	73	77	70	71	70	81
Читаю часто	9	7	11	10	12	5
Читаю редко	16	15	17	18	17	12
Затрудняюсь ответить	1	1	1	1	1	2
❖ Отклонения от средних значений на 5 п.п. и больше выделены жирным шрифтом.						

Очевидно, как телевизионный, так и печатный “ликбез” в области психологии убеждает в практической полезности рекомендаций психологов, а также пробуждает – или легитимирует – потребность в самоанализе, которая, в свою очередь, стимулирует интерес к психологической проблематике. Многие россияне прислушиваются к голосам профессиональных психологов, активно обживающих в последние годы медийное пространство, и это явно способствует эрозии стереотипов, маркирующих клиентуру психотерапевтов либо как представителей неких чужеродных (квазиэлитарных, “паразитических” и т. д.) социальных групп, либо как лично несостоятельных, “слабаков”.

Инородный институт vs отечественный менталитет?

Существует точка зрения, согласно которой практика обращения к психотерапевтам, психоаналитикам, получив широкое распространение в странах Запада (и прежде всего – в США) в силу индивидуалистических традиций и социальной атомизации, остается неорганичной для нашей страны – с присущими нам коллективистскими традициями, открытостью, доверительностью в межличностных отношениях и т. д. Этот мотив то отчетливо, то приглушенно звучал, в частности, на групповых дискуссиях. Например, так.

“Весь смысл этого психоаналитика в чем? В том, что человек с ним разговаривает откровенно. У них, у американцев, у них как принято, у них, не у нас... что это вот моя проблема, я ее никуда не выношу, она вот во мне сидит – и все. А у нас же как? Вот русские – мы как делаем? Иногда поругался с женой, взял бутылку, пошел во двор, с мужиками вытил, расказал – ах, эта, ох <...> они: вот молодец, правильно. Кулаком стукнул по столу, спокойно пошел спать” (ДФГ, Москва).

Но насколько в действительности принято сейчас в России делиться переживаниями с окружающими? Судя по данным массового опроса (табл. 5), большинство россиян ни к кому не обращаются за советом и помощью, когда скверно на душе, когда возникают проблемы в личной жизни, сложности в отношениях с кем-либо. В особенности это относится к мужчинам и гражданам преклонного возраста¹¹.

Табл. 5

% от групп (по столбцам)

	Население в целом	Пол		Возраст, лет		
		мужчины	женщины	18-35	36-54	55 и старше
Нет человека, у которого никогда не бывало душевных переживаний, проблем в личной жизни или в отношениях с другими людьми.						
Лично Вы, когда у Вас возникают душевные переживания, проблемы в личной жизни или в отношениях с другими людьми, обычно обращаетесь или не обращаетесь к кому-нибудь за советом, психологической поддержкой, помощью?						
Обращаюсь	37	30	44	42	37	31
Не обращаюсь	58	65	51	52	59	64
Затрудняюсь ответить	5	5	4	6	3	5
❖ Отклонения от средних значений на 5 п.п. и больше в ту или другую сторону выделены соответственно жирным шрифтом или курсивом.						

¹¹ Заметим, кстати, что в Москве, которая, как известно, “слезам не верит”, предпочитают в трудную минуту обращаться к другим людям 42% опрошенных, а в селах, где, как принято считать, живы общинный, коллективистский дух и традиции взаимопомощи, – 34%.

Обсуждался этот сюжет и на фокус-группах. Некоторые из участников говорили, что при серьезных стрессах, переживаниях предпочитают обращаться к близким.

“Я, конечно же, к подружке побегу <...>. Это самый лучший способ выйти из стресса” (ДФГ, Москва).

“А если чего-то расскажешь, то тебе легче становится. Поделишься, тебе, может, посочувствуют в чем-то, пожалеют” (ДФГ, Москва).

“Первый вариант – это разговор с кем-то из близких. То есть это свое состояние нужно кому-то передать, с кем-то поделиться, и может быть, услышать слова поддержки, какую-то помощь получить” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Лучше выговориться, конечно” (ДФГ, Воронеж).

Другие, напротив, считают это недопустимым.

“Я не нагружаю знакомых и близких людей своими проблемами. Я знаю, что им от этого будет еще тяжелее. И вытлескивать на них свой негатив – ничего хорошего в этом нет. Я справляюсь или сама, или обращаюсь к Богу, или начинаю просто корить себя: что же я расплакалась, другим еще хуже, вспоминаю тех, кому еще тяжелее” (ДФГ, Воронеж).

“Я предпочитаю все в себе держать. Никого не грузить своими проблемами, ничего” (ДФГ, Воронеж).

Особого внимания заслуживает монолог 34-летнего москвича:

“На своих знакомых перекалываю свои проблемы, я считаю, просто-напросто жестоко. У них свои – у каждого человека своих личных забот полон рот. Поэтому, когда ты приходишь к другу и начинаешь ему делать излияние души, он как бы будет сидеть, кивать, но сидеть и думать, что все это – на хрена мне твои проблемы, у меня своих-то полно. Поэтому как бы со знакомыми, с товарищами я встречаюсь только по радостным поводам.

Я поступаю как нормальный, обычный просто русский человек – я беру водку, дня два пью, потом выхожу из этого дела и начинаю заниматься разрешением всех проблем, которые меня ввели в это состояние. Все” (ДФГ, Москва).

Столь убежденный противник “излияний” (но не возлияний) – тот же самый респондент, которого мы уже цитировали немного выше: это именно он доказывал, что американцам психоаналитики нужны, потому что они носят свои проблемы в себе, тогда как нам – ни к чему, поскольку мы все можем обсудить во дворе за бутылкой. Но если эти соображения об отличии отечественного менталитета от западного принадлежат человеку, который, как американец в его собственном описании, предпочитает не делиться своими проблемами со знакомыми, то это дает основания полагать, что мы в данном случае имеем дело с сугубо стереотипным суждением, не заслуживающим особого доверия.

Стоит отметить в связи с этим, что участники дискуссий рассказали о множестве приемов, способов, которыми они пользуются, чтобы самостоятельно справиться с душевными переживаниями, стрессами и т. д. Чаще всего речь шла

Табл. 6

% от групп (по столбцам)

	Население в целом	Лично Вы, когда у Вас возникают душевные переживания, проблемы в личной жизни или в отношениях с другими людьми, обычно обращаетесь или не обращаетесь к кому-нибудь за советом, психологической поддержкой, помощью?	
		обращаюсь	не обращаюсь
Вы лично допускаете или исключаете для себя возможность в будущем обратиться за помощью, советом к профессиональному психологу или психотерапевту?			
Допускаю	33	44	<u>27</u>
Исключаю	47	<u>37</u>	54
Затрудняюсь ответить	20	19	19

❖ Отклонения от средних значений на 5 п.п. и больше в ту или другую сторону выделены соответственно жирным шрифтом или курсивом.

о выпивке, но нередко упоминались и занятия спортом, и иные физические нагрузки – танцы, к примеру. Кому-то помогает поднять настроение и преодолеть депрессивное состояние кока-кола с шоколадом, кто-то пользуется советами, почерпнутыми из популярных публикаций по психологии.

“Представить самое плохое, что может случиться, если какие-то проблемы или стресс, – и ужаснуться этому худшему варианту. И когда ты этот вариант принимаешь, то твоя ситуация уже воспринимается нормальной. И таких много сейчас приемов для работы с собственной психикой” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Так что ни данные массового опроса, ни результаты групповых дискуссий не дают оснований говорить, что развитые традиции взаимной психологической

помощи, склонность россиян делиться своими проблемами с близкими людьми не оставляют места для профессиональной психотерапии в нашей стране. Но и сама исходная посылка, на которой основаны подобные рассуждения, – посылка, согласно которой клиентуру психотерапевтов составляют главным образом люди, не умеющие или не желающие делиться своими проблемами с близкими, – оказывается на поверку ошибочной. Выясняется, что люди, склонные в трудные минуты обращаться за советом и поддержкой к окружающим, к близким, гораздо чаще допускают для себя возможность обратиться и к специалисту, чем те, кто предпочитает носить свои душевные переживания в себе (табл. 6).

Так что “любительская”, дружески-родственная “психотерапия” ни в коей мере не препятствует укоренению института профессиональной психотерапевтической помощи в нашей стране, формированию представления об обращении к специалистам соответствующего профиля как к вполне обыденной, конвенциональной практике; препятствует, напротив, присущая многим замкнутость, закрытость, коммуникативная некомпетентность. Однако результаты исследования определенно свидетельствуют о тенденции к легитимации этой практики – тенденции, которая связана со сменой поколений и поэтому в обозримом будущем, по-видимому, необратима. ■

Люди, склонные в трудные минуты обращаться за советом и поддержкой к окружающим, к близким, гораздо чаще допускают для себя возможность обратиться и к специалисту, чем те, кто предпочитает носить свои душевные переживания в себе

Д. Стребков, А. Шевчук

Фрилансеры в информационной экономике: мотивация и организация труда

“Электронные фрилансеры” – новая категория работников

Становление информационного (постиндустриального) общества связано с существенными изменениями в системе занятости населения. Меняются как сферы и содержание трудовой деятельности, так и формы ее организации. Можно выделить несколько основных направлений таких изменений.

Во-первых, произошел исторический сдвиг в хозяйственной структуре от промышленности к сектору услуг. В США уже к шестидесятым годам XX века в секторе услуг было сосредоточено более половины всех занятых и производилось более половины общественного богатства. В середине семидесятых годов этот рубеж перешагнули страны Западной Европы и Япония. Сегодня соответствующие показатели для развитых стран составляют около 70%, и тенденция к дальнейшей деиндустриализации экономики сохраняется. Причем и в промышленности все меньше работников заняты непосредственно производственными операциями, а доля управленческого, информационного, научно-технического персонала растет. Можно с полной уверенностью говорить о формировании “сервисной экономики”, в которой люди преимущественно оказывают услуги, а не производят материальные объекты.

Во-вторых, наблюдается повышение интеллектуальной составляющей практически любого труда, который все больше связан с производством и обработкой информации. Исследовать, анализировать, разрабатывать, организовывать, управлять, консультировать, информировать – вот типичные для постиндустриальной экономики формы трудовой деятельности. Даже

Термин “фрилансер” (от английского freelancer – свободный копьеносец, наемник) первым употребил Вальтер Скотт в романе “Айвенго”, назвав так средневековых наемных воинов, сол-

дат, которые несли службу не из политических или идеологических соображений, а исключительно из финансовых. В современном значении фрилансер – человек, выполняющий работу без заклю-

чения долговременного договора с работодателем, внештатный работник. Сегодня фрилансерами также называются солдаты-наемники – в противовес полиции и регулярной армии. ■

промышленные рабочие из полуквалифицированных работников ручного труда превращаются в операторов сложной машинной техники, управляемой компьютерами, а основным действующим лицом информационной экономики становится профессионал – высококвалифицированный работник умственного труда.

В-третьих, системы стандартизированной занятости и наемного труда подвергаются эрозии. Получают большее распространение гибкие и изменчивые формы занятости: неполная, временная, множественная и др. Все больший объем работ выносится за пределы предприятия, размывая его границы. Ряд футурологов (Ч. Хэнди, Д. Пинк) утверждают, что “человек организации” – наемный работник, включенный в системы трудового законодательства и коллективных договоров, вытесняется фигурой независимого поставщика услуг – “фрилансера”, или “свободного агента”¹. Он обладает высоким уровнем автономии в вопросах контроля за трудовым процессом, самостоятельно формирует портфель заказов, действуя на свой страх и риск.

В-четвертых, компьютерные сети позволяют получать и передавать работу на расстоянии, что делает необязательным совместное присутствие людей в определенном физическом пространстве. Современный “телеработник” может трудиться удаленно (дома, в гостинице, в кафе или машине), при этом находясь в постоянном контакте с коллегами и заказчиками. На место зримой формы предприятия, сосредоточенной в фабричных цехах и высотных офисах, приходит виртуальное предприятие, представляющее собой совокупность про-

странственно рассредоточенных электронных рабочих мест, связанных между собой компьютерной сетью.

Сегодня на пересечении вышеописанных тенденций формируется новая категория работников. Речь идет о независимых профессионалах, не состоящих в штате организаций, а самостоятельно выходящих на рынок в качестве независимых подрядчиков, работающих удаленно. По аналогии с неологизмами “e-mail” (электронная почта) и “e-business” (электронный бизнес) американский экономист Томас Малоун предложил для их обозначения термин “e-lancer” (электронный фрилансер)². Можно также встретить похожий термин “web-lancer” (сетевой фрилансер).

Подобная форма занятости распространена в первую очередь собственно в сфере IT – информационных технологий (программирование, разработка игр, программ, баз данных и т. п.), особенно в связи с развитием Интернета (создание и поддержка сайтов). Она также широко проникла в более традиционные профессии (графические дизайнеры, журналисты, переводчики и др.). Труд электронных фрилансеров требует значительного “человеческого капитала” и связан с обладанием знаниями (особенно в сфере IT), производством и переработкой информации, проявлением творческих способностей. Основными средствами производства являются компьютеры и другая оргтехника, которая становится все более дешевой, ком-

Произошел исторический сдвиг в хозяйственной структуре – от промышленности к сектору услуг. Можно говорить о формировании “сервисной экономики”, в которой люди преимущественно оказывают услуги, а не производят материальные объекты

¹ См. например: [Хэнди. 2001. С. 196–207; Пинк. 2005].

² [Malone, Laubacher. 1998; Малоун. 2006].

пактной и мобильной. Сегодня многие могут позволить себе иметь дома и даже носить с собой собственный компьютер, что дает возможность обходиться без традиционного работодателя и быть вне системы наемного труда. Основным каналом коммуникации являются компьютерные сети.

Инфраструктура рынка услуг электронных фрилансеров представлена специальными интернет-сайтами – “биржами удаленной работы”. Интересно, что они не только являются местом встречи предложения и спроса, но и вырабатывают “правила игры” на рынке, формируют механизмы регулирования контрактных отношений и укрепляют доверие. Первый и крупнейший из подобных сайтов Elance.com появился в 1999 г., что по сути ознаменовало институционализацию новой категории работников – электронных фрилансеров. Сегодня на этом сайте зарегистрировано более 800 тысяч независимых профессионалов.

Таким образом, электронные фрилансеры – это самостоятельная категория работников в структуре современной занятости, которая включена в реализацию ключевых для постиндустриального общества функций по производству и обработке информации. По-видимому, данная группа имеет значительный потенциал роста. Это связано как с развитием самого информационного сектора, так и с дальнейшим проникновением информационно-коммуникационных технологий в экономику, вызывающим реструктуризацию трудовой деятельности представителей традиционных профессий.

Подобные процессы, связанные с расширением сфер распространения свободной занятости, характерны в том числе и для российской экономики. У нас в стране уже появились и активно развиваются свои виртуальные биржи труда – специальные ресурсы, посвященные деятельности российских фрилансеров, такие как, например, www.free-lance.ru. Услугами этих сайтов пользуются десятки тысяч свободных работников (разработчиков сайтов, дизайнеров, переводчиков, фотографов и т. п.) и их заказчиков (клиентов).

Самоидентификация российских фрилансеров

В настоящей работе представлены результаты эмпирического исследования свободной занятости в России, посвященного вопросам мотивации и самоидентификации российских электронных фрилансеров и выявлению принципов организации ими своего трудового процесса. Основу исследования составил опрос фрилансеров, занятых в сфере информационных технологий (программисты, веб-дизайнеры) и в сфере переводческих услуг³. Всего было опрошено одиннадцать IT-фрилансеров и четырнадцать фрилансеров-переводчиков. Использовался метод глубинного полуструктурированного интервью. Сбор эмпирических данных проводился с апреля по июнь 2007 года.

³ Проект № 06-05-0008, реализованный в рамках Инновационной образовательной программы ГУ-ВШЭ “Формирование системы аналитических компетенций для инноваций в бизнесе и государственном управлении”. Помимо авторов статьи в исследовании принимали участие студенты ГУ-ВШЭ В. Вязникова, Д. Диас Исла, А. Зубкова, М. Кашин, М. Степанова и Е. Шабанова.

Как показали результаты исследования, значительное число работников, не будучи фрилансерами в чистом виде (т. е. людьми, работающими на разных заказчиков и осуществляющими свою деятельность исключительно на основе разовых трудовых договоренностей, ограниченных по времени), совмещают несколько трудовых статусов, сочетая самостоятельную занятость с работой в штате какой-либо организации либо учебой в вузе.

Таким образом, наряду с “чистыми” фрилансерами мы обнаружили еще две важные пограничные группы. Первая – это люди, у которых фриланс занимает значительную часть времени. Для них это устойчивый, стабильный заработок; тем не менее в качестве подстраховки они используют и работу по найму, которая не требует больших временных затрат.

Вторая группа занимает промежуточное, неустойчивое положение. Эти люди рассматривают фриланс в основном в качестве дополнительного приработка. Скорее всего такое состояние не может продолжаться долго. Из этой группы люди со временем уходят, либо увеличивая долю фриланса в своем “портфеле работ”, либо отказываясь от него и переходя на “нормальную” (то есть фиксированную) занятость в какой-либо организации.

Стоит отметить, что многие респонденты воспринимают свободную занятость как определенный этап карьерного роста, более свойственный молодым, ничем не обремененным людям. Однако даже сменив основной вид занятости со свободной на постоянную (или на собственный бизнес), представители этой категории не отказываются от фриланса полностью, время от времени выполняя заказы, приходящие от знакомых и друзей.

“Ну и плюс еще какие-то проекты по фрилансу выскакивают небольшие. В основном для друзей, для знакомых, для родственников – что-то нужно сделать. Почему бы не помочь?” (Александр, 25 лет, IT-сфера).

Отвечая на вопрос: *“Как Вы сами себя называете, какими словами определяете свой вид деятельности?”*, – респонденты использовали две основные модели самоидентификации. Большинство определяли свой статус по характеру занятости, чаще всего называя себя *фрилансерами* или используя другие более или менее синонимичные термины: *свободный художник, контрактник, внештатный работник, телеработник, аутсорсер, шабашиник* и даже *предприниматель*. В то же время некоторые применяли слова и выражения, характеризующие не статус, а сферу занятости: разработчик сайтов, переводчик, инженер в сфере технической информации и т. п.

Тем не менее на прямой вопрос о том, считают ли они себя фрилансерами, большинство ответило положительно. А это значит, что данный термин вполне может использоваться социальными исследователями для обозначения исследуемой категории граждан. Он точно отражает специфику их работы и отделяет их от других работников, которые фрилансерами не являются. В то же время само это слово является новым, оно лишь недавно вошло в русский язык и стало активно использоваться для самообозначения свободных работников. Те респонденты, которые имеют большой стаж высокооплачиваемой самостоятельной занятости, отмечают, что раньше они себя называли иначе, а слово “фрилансер” в то время *“не было в обиходе”*.

Получают большее распространение гибкие и изменчивые формы занятости: неполная, временная, множественная и др. Все больший объем работ выносится за пределы предприятия, размывая его границы

Среди опрошенных не оказалось ни одного человека, который сожалел бы о том, что работает фрилансером. Большинство респондентов относятся к данному виду деятельности спокойно, нейтрально, рассматривая его как обычную работу, не лучше и не хуже, чем у других, со своими преимуществами и недостатками. В то же время некоторые участники опроса говорили, что не просто удовлетворены, а даже гордятся характером своей деятельности.

“Окружающие в основном удивляются и, чего скрывать, завидуют свободному графику и отсутствию начальства. Я горжусь тем, что я смогла найти постоянных клиентов, а также новых, которых я уже давно сама не ищу, они сами приходят” (Татьяна, 32 года, IT-сфера).

Начало трудовой деятельности в качестве фрилансеров

Наши предположения о том, что деятельность фрилансеров связана с высококвалифицированным трудом и требует наличия высшего образования, полностью подтвердились в ходе проведенных интервью. Лишь двое опрошенных (оба из IT-сферы) имеют всего лишь среднее или среднее специальное образование. Остальные либо учатся в настоящее время в вузе (9 человек), либо уже получили высшее образование (13 человек).

Тем не менее только у половины респондентов специальность, полученная в вузе, соответствует их деятельности в качестве фрилансеров. Остальные же получили образование в одной сфере, а работают совершенно в другой. Данная пропорция характерна как для тех, кто работает в IT-сфере, так и для тех, кто занимается переводческими услугами. А вот причины смены специальности у тех и других довольно сильно отличаются. В случае с IT-специалистами основную роль чаще всего играл интерес к новому виду деятельности. Это люди, по-настоящему увлеченные техникой, компьютерными и веб-технологиями. Та специальность, по которой они обучались в вузе (экономика, юриспруденция, физика), по тем или иным причинам не привлекала их, и в результате хобби становилось их основной профессией и начинало приносить серьезный доход.

“Это молодые люди... Чаще всего увлекающиеся компьютерами всерьез, для которых это – стиль жизни. То есть они знакомятся через Интернет, общаются через Интернет, количество контактов в «аске» у них превышает десятикратно количество телефонов в мобильном, они помнят адрес электронной почты своих родителей, но не помнят их домашний адрес” (Александр, 25 лет, IT-сфера).

Кроме того, у нас в стране долгое время не было профессионально подготовленных специалистов в области программирования, веб-дизайна. Вузы только недавно стали вводить подобные учебные курсы в свою программу. В результате многие молодые люди были вынуждены поступать в вуз только для того, чтобы получить диплом, а параллельно с учебой занимались работой,

связанной с IT. Некоторые из них для того, чтобы повысить свою конкурентоспособность на рынке труда, позднее получили дополнительное образование в области компьютерных технологий.

В ситуации с переводчиками просматриваются иные мотивы перехода на новую специальность. Эти люди, как правило, хорошо знали иностранные языки еще с детства, обучались в спецшколах с углубленным изучением язы-

ка. Затем, поступая в вуз, они выбирали специальность, которая была для них в тот момент интересна или казалась наиболее перспективной, однако по окончании вуза найти работу по специальности им не удалось, поэтому они начинали заниматься тем, что хорошо умели делать, – переводами с иностранных языков. Таким образом, здесь переход к новому виду деятельности был чаще вынужденным, в то время как в IT-сфере он осуществлялся чаще всего добровольно.

Кроме того, в группе переводчиков оказались люди, чья нынешняя занятость лишь частично соответствует полученной в институте специальности: это те, кто окончил отделение иностранных языков педагогического вуза, но, не найдя себя в качестве учителя, занялся переводческой деятельностью.

“В школе платят копейки, даже когда поступал – была задача просто выучить язык. Дальше все бы устроилось. Язык выучил, а собственно специальность в наше время значения не имеет абсолютно. Дипломированным специалистом быть нужно, а в какой специальности – не важно. И вообще, во фрилансе единственно важно – разбираться в предмете, над которым работаешь” (Ярослав, 26 лет, переводчик).

При этом необходимо отметить, что в обоих случаях немаловажную роль в смене специальности сыграли не только интерес или необходимость, но и возможность работать в свободном режиме, желание быть независимыми

Исследовать, анализировать, организовывать, управлять, консультировать – вот типичные для постиндустриальной экономики формы трудовой деятельности

Сегодняшних фрилансеров можно определить 10 признаками

1. Он не знает, что такое страх потерять работу.
2. У него тысяча друзей и две тысячи приятелей.
3. Почти 24 часа в сутки у него включены “аська”, сотовый телефон и мозг.
4. Он не верит, что вам искренне нравится ваша работа с 9:00 до 18:00.
5. Он ни за что не поймет, как можно во всем подчиняться начальнику и почему нельзя пропустить корпоративную вечеринку.
6. Он работает, когда все спят, и идет развлекаться в разгар рабочего дня.
7. Он никогда не променяет свою свободу на соцпакет и возможность отчислять проценты в пенсионный фонд.
8. Он зарабатывает столько, что никогда не может посчитать, сколько.
9. Между интересной работой и высокооплачиваемой работой он выберет работу интересную и высокооплачиваемую одновременно.
10. Самое сложное для него – заставить себя работать, но еще сложнее – заставить себя отдохнуть.

работниками – то, чего они не могли получить, работая по своей “исходной” специальности.

“Не работаю [по специальности], потому что антропологи работают, в том числе, в отдаленных местах, а у меня нет такой возможности” (Дарья, 20 лет, переводчик).

“Мне было бы неудобно сейчас совмещать работу по специальности с учебой. То есть работу именно экономистом, поскольку она предполагает, как правило, полную занятость и непосредственно в офисе” (Ольга, 20 лет, переводчик).

По собственному признанию большинства опрошенных, их приход во фриланс был случайным. Это не была долгосрочная и продуманная стратегия трудовой деятельности; не было значимой мотивации, чтобы предпочесть именно свободную занятость, а не работу по найму. Как правило, первый случайно полученный заказ изменял представление человека о том, как может быть организовано рабочее время и рабочее место, побуждал “втянуться” в эту деятельность.

Очень часто решающую роль в выборе респондентом свободной формы занятости оказывают социальные сети. В этом случае друзья и знакомые выступают либо в качестве примера для подражания, либо в качестве первых и потенциальных заказчиков.

“Началось со знакомых: попросили сделать какой-то сайт за небольшое количество денег. И я решил сделать сам, так как было просто... Потом опять кто-то обратился по знакомству” (Иван, 28 лет, IT-сфера).

В ряде случаев приход во фриланс был обусловлен неожиданным изменением жизненных обстоятельств респондента. В интервью в качестве таковых назывались увольнение с постоянного места работы, беременность, отпуск по уходу за ребенком.

Мотивы выбора свободной занятости

Размер материального вознаграждения обычно рассматривается в качестве важнейшего фактора, мотивирующего трудовую деятельность человека. Особенно это касается постсоветской России. Социологические опросы фиксируют, что для россиян заработная плата является главным предметом неудовлетворенности и основным мотивом при смене работы (двукратный перевес по удельному весу над следующими по значению мотивами). Если в конце восьмидесятых годов только каждый четвертый утверждал, что работа для него – это прежде всего источник получения средств к существованию, то в 2000 году таких было уже 70% [Рывкина. 2004. С. 117].

Мы не обладаем данными о реальных заработках фрилансеров, однако их субъективное мнение по данному вопросу представляет определенный интерес. Сравнивая уровень оплаты труда людей, работающих в свободном режиме, и “обычных” наемных работников, наши респонденты, как правило, давали сдержанные, нейтральные оценки своих заработков. Несмотря на то что доходы фрилансеров очень сильно дифференцированы, в ходе опроса чаще звучало мнение, что возможностей для материального обогащения больше при традиционной форме занятости.

Компьютерные сети позволяют получать и передавать работу на расстоянии, что делает необязательным совместное присутствие людей в одном месте

Другим важным фактором трудовой мотивации считается *профессиональный рост*. Фрилансеры отдают себе отчет в том, что упускают определенные карьерные и профессиональные возможности, поскольку крупные компании предлагают своим сотрудникам различные программы повышения квалификации, тренинги и стажировки.

“Работая в офисе, проще планировать свою карьеру, рассчитывать, что, например, через два года вы займете такую-то должность, а еще через три – такую-то. Хотя сделать карьеру вполне может и фрилансер. Например, от переводчика до старшего переводчика, а затем – до руководителя проектов” (Мария, 24 года, переводчик).

Несмотря на то что по обеспечению уровня доходов и возможностей профессионального роста фриланс не всегда дотягивает до стандартизированной занятости, у него есть целый ряд преимуществ, которые в глазах респондентов часто перевешивают возможные недостатки.

Первую, пожалуй, наиболее значимую для фрилансеров, группу мотивов можно обозначить общим словом: “СВОБОДА”.

Прежде всего к этим мотивам относится *свободный, гибкий график работы*. На это обстоятельство обращают внимание подавляющее большинство опрошенных. У людей появляется возможность по собственному усмотрению распоряжаться своим временем 24 часа в сутки, возможность в любое время встречаться с друзьями, путешествовать и т. д. Здесь можно выделить два ключевых момента.

1. Оптимизация рабочего времени в течение суток с целью повышения эффективности трудового процесса.

“Работу в офисе я считаю вообще глупостью, потому что у человека есть какие-то часы активности. Допустим, сейчас ты можешь два часа поработать, и ты сидишь и работаешь, а потом у тебя остается время, когда ты не можешь просто, мозг не работает. А если ты работаешь в офисе, то ты должен все эти часы сидеть за компьютером и изображать активность. По-моему, это очень давит на психику, и человеку от этого лучше не становится. А когда ты фрилансер, ты можешь выделить как раз эти два часа, поработать, а потом свое личное время что хочешь, то и делай” (Михаил, 20 лет, IT-сфера).

2. Оптимизация рабочего времени в течение недели с целью минимизации затрат на проведение досуга и одновременно улучшения его качества. Благодаря свободной занятости у человека появляется возможность отдыхать, когда другие работают, и работать, когда остальные отдыхают.

“Это очень дорого – жить по расписанию – для любого человека. Рядом с домом редко кто работает, это значит, что я буду тратить время на дорогу туда-обратно, а время – очень дорогой фактор. Я буду больше тратить именно в финансовом плане на отдых. Если я захотел покататься на горных лыжах зимой, я делаю это в будни с утра: в десять утра дела закончил, почту отправил и поехал кататься. Нормальная погода, солнышко светит, снежок, и это в три раза дешевле! В три! То же самое с боулингом, с бильярдом – везде в будни и ночью дешевле” (Роман, 24 года, IT-сфера).

Слово “фрилансер” недавно вошло в русский язык и стало активно использоваться для самообозначения свободных работников

Важным преимуществом свободной занятости является то, что человек *не привязан к своему рабочему месту, к конкретному офису*, у него появляется реальная свобода перемещения, поскольку благодаря развитию информационно-коммуникационных технологий он может самостоятельно организовать себе рабочее место там, где ему удобно.

“Я в любой момент могу уехать куда угодно, мне нужен только ноутбук и мобильный телефон” (Мария, 24 года, переводчик).

Наряду со свободным графиком фриланс предлагает еще и *свободу выбора работы* – возможность самостоятельно решать, чем именно заниматься, какие заказы выполнять. У человека появляется возможность браться за более интересные проекты, более критично, более внимательно подходить к их отбору. Свобода в выборе проектов позволяет достичь оптимального баланса в соотношении рабочего и свободного времени.

“Когда ты работаешь на кого-то, и тебе сказали: «Делай», – ты делаешь. Если тебе это совсем неинтересно, то это никого не волнует. А тут мне неинтересно – ну и не буду я это делать, идите к другому” (Михаил, 20 лет, IT-сфера).

Наконец, четвертая ипостась свободы фрилансеров – это *свобода от компании*. Человек является независимым от своих работодателей, он в буквальном смысле “сам себе хозяин”. Благодаря отсутствию постоянного контроля со стороны руководства, отсутствию необходимости подчиняться корпоративным правилам, наконец, отсутствию какого-либо коллектива он получает возможность в полной мере проявить свою индивидуальность, не завися в своей деятельности от других людей, не отвлекаясь на аппаратные игры, не участвуя в корпоративных интригах. В большинстве случаев фрилансеры – это люди, которым чужды офисные ценности, их объединяет нежелание ходить в костюме, притворяться лояльными и соблюдать установленные правила поведения. Одним словом, они не желают быть “офисным планктоном”.

Все перечисленные выше параметры в какой-то степени создают у человека ощущение исключительности, избранности, непохожести на других, и это само по себе является достаточно значимым мотивирующим фактором при выборе свободной занятости.

“Мне казалось, что я занимаюсь чем-то, чем занимаются не все. <...> То есть мне это было прикольно, что вот я могу здесь сидеть дома, работать, получать деньги, зарабатывать столько же, сколько человек, которому приходится каждый день просыпаться в 8 утра, ехать через пол-Москвы, работать в офисе, вечером возвращаться еще домой” (Александр, 25 лет, IT-сфера).

Следующая группа мотивов может быть объединена словом “УДОБСТВО”. О многих из них речь уже шла выше. К ним относятся:

- возможность работать дома;
- возможность ухаживать за маленьким ребенком;
- отсутствие необходимости ездить каждое утро на работу.

В то же время, несмотря на все эти положительные стороны, фрилансеры понимают, что чем-то им приходится жертвовать. Свободная занятость приносит

“Биржи удаленной работы” являются местом встречи предложения и спроса и вырабатывают “правила игры” на рынке

далеко не только преимущества. В качестве недостатков такой формы занятости опрошенные называют:

- отсутствие карьерного роста;
- отсутствие годовых премий, бонусов, социального пакета;
- отсутствие прироста заработка за отработанное время (“за выслугу лет”).

Несмотря на активную коммуникацию в Интернете на профессиональных сайтах и форумах, многим фрилансерам не хватает непосредственных контактов с коллегами, хочется реальных связей, прямого общения.

Вызывает у них опасение и нестабильность дохода, которая сопровождается неуверенностью в завтрашнем дне. Данные риски усугубляются возможностью обмана со стороны заказчика.

Сегодня формируется новая категория работников – независимые профессионалы, не состоящие в штате организаций

Вероятно, с течением времени эти проблемы, накапливаясь, создают у фрилансеров ощущение неудовлетворенности, потребность в переменах. Они обращают внимание на свое социальное окружение, видят, чего добились их однокурсники, сокурсники, сравнивают себя с ними. Многие из

них начинают задумываться о том, что пора переходить на стандартную занятость. Так, в ходе интервью лишь два человека (оба – переводчики) категорически отвергли возможность работы по найму полный рабочий день в “традиционной” организации – это “ядро” убежденных фрилансеров. Остальные либо уже начали совмещать фриланс с работой в штате, либо готовы это сделать в будущем.

Стратегии подхода к свободной занятости

У респондентов было выявлено четыре основных стратегических подхода к фрилансерской деятельности.

1. Убежденные фрилансеры: и сейчас, и в будущем они планируют работать только в режиме свободной занятости, видят в этом возможность более полной самореализации, достижения независимости от кого бы то ни было. В большинстве своем это творческие личности, не желающие работать в офисе.

2. Осторожные фрилансеры: предпочитают совмещать фриланс с основной занятостью в “традиционной” компании.

3. Временные фрилансеры: совмещают свободную занятость с учебой в вузе, а после его окончания планируют переходить на постоянную занятость.

4. Вынужденные фрилансеры: совмещают свободную занятость с воспитанием ребенка либо не могут устроиться на постоянную работу в своем городе. Для каждой из этих стратегий существуют свои мотивирующие факторы, определяющие выбор свободной формы занятости в противовес традиционной.

У убежденных фрилансеров это:

- Стремление быть независимым и более свободным в своих действиях, нежелание работать в “традиционной” организации: “[Возникло] желание быть более самостоятельным, более свободным, более мобильным. Захотелось полной свободы” (Алексей, 22 года, IT-сфера). Они совершенно сознательно отказались от работы в штате какой-либо организации, отдав предпочтение свободной занятости: “Понял, что полный рабочий день – это не мое. Привык сам планировать свое время и расходовать его оптимально. Офис не привлекает” (Ярослав, 26 лет, переводчик).

- Желание иметь больше свободного времени. Как правило, фрилансеры не стремятся к максимально возможному доходу и стараются не загружать себя работой сверх необходимого. Они предпочитают работать в спокойном режиме, в удобное для себя время. Свободное время представляет для них большую ценность, нежели приобретение материальных благ. Соответственно, фриланс для них – это возможность получать тот же самый доход, который они имели бы при стандартной занятости, но за меньшее количество рабочего времени.

Для *осторожных фрилансеров* характерны следующие мотивы:

- Желание получить дополнительный доход. Как правило, эти люди находят возможность удачного совмещения основной и дополнительной занятости – так, чтобы они не мешали друг другу, а в идеале одно дополнялось бы другим. Соответственно, фриланс здесь рассматривается в основном как источник дополнительного заработка.

- Возможность заниматься своим хобби и одновременно получать за это деньги. Часто люди не хотят или не имеют возможности бросить основную работу, однако их собственные увлечения вполне позволяют зарабатывать деньги.

Временные фрилансеры часто руководствуются таким мотивом, как стремление получить практический опыт по специальности в условиях, когда они не имеют возможности работать полный рабочий день. В основном такой мотив называют студенты, подрабатывающие в свободное время фрилансерами.

“Надо куда-то применять свои знания. И вот еще опыта надо набраться. А поскольку сам ничем заниматься обычно заставить себя не можешь, берешь заказчика. Он заказывает тебе что-то делать, и начинаешь...”
(Михаил, 20 лет, IT-сфера).

Пять самых больших ошибок во фрилансе

1. Занижение цены

Если фрилансер назначает почасовую оплату, то, выполнив работу быстрее, чем предполагалось, фактически сам себя накажет. Принимая заказ на работу, требующую немалого опыта и специальных знаний, фрилансеру следует вспомнить старого плотника – когда клиент жаловался на высокую цену за закрепление скрипучей доски в полу, тот отвечал: вы платите 1 доллар за гвоздь и 999 долларов за то, что я знаю, куда его нужно забить.

2. Чрезмерная занятость

Ни один работодатель не имеет эксклюзивного права на время вольнонаемного работника, даже если считает, что хорошо платит, – кроме времени на выполнение работы, нужно время на то, чтобы предлагать свои услуги на рынке и налаживать связи. В идеале надо иметь не больше четырех или пяти совмещаемых работ и время для отдыха, чтобы потеря одной из работ не стала слишком ощутимой.

3. Неумение продавать свои услуги

Проблема, как продать свои услуги, станет неразрешимой, если фрилансер не сможет преподнести себя должным образом и убедительно доказать, что он и его умения – именно то, что нужно заказчику. Чтобы преуспеть в продаже своих услуг, фрилансеру следует разузнать и принять к сведению все, что касается данного работодателя. И самое главное – надо больше слушать, чем говорить.

4. Ответ «да» на любое предложение

Неудачная сделка или плохой работодатель могут навредить намного больше, чем потеря работы. Не следует соглашаться на все что попало.

5. Прекращение общения с работодателями после сдачи работы

Бывший работодатель может стать самым надежным поставщиком новых заказов – причем как сам заказывать новые работы, так и давать хорошие рекомендации. ■

Наконец, для *вынужденных фрилансеров* основной мотив – это возможность работать дома. Данный фактор очень важен для молодых мам, которые не хотят выпасть из рабочего ритма, однако не имеют возможности проводить в офисе по 8–10 часов в день.

Организация трудового процесса

Одной из важных задач настоящего исследования являлось выявление принципов, в соответствии с которыми организован трудовой процесс российских фрилансеров, в том числе определение способов формирования ими своего “портфеля работ” (критерии отбора, количество проектов и т. п.), принципов организации рабочего времени в течение дня, недели, года, а также методов и горизонта планирования трудовой деятельности.

Оказалось, что среди наших респондентов лишь половина одновременно работают с большим количеством проектов (три и более). У остальных получается в каждый конкретный момент времени иметь дело лишь с одним-двумя заказами.

Ответы переводчиков и работников IT-сферы на вопрос о стратегии распределения рабочего времени на выполнение проектов очень сильно различаются. Однако и там, и там есть группа совместителей, которым приходится работать в свободное от основной работы или учебы время. Их возможности планирования трудового процесса сильно ограничены внешними обстоятельствами. К этой же группе можно отнести и женщин с маленькими детьми: им удается работать, только когда ребенок спит.

В остальном рабочий процесс переводчиков организован и систематизирован гораздо лучше, нежели труд программистов и веб-дизайнеров. У них есть внутренние стандарты, касающиеся нормы выработки (количество страниц в день), труд не столь творческий и разнообразный, как в IT-сфере, лучше поддающийся учету и планированию. Не случайно все шесть человек, заявившие о распределении объема своей работы во времени, оказались именно переводчиками.

“Нет, мне кажется, это не совсем творческая работа, скорее системный подход нужен. Распределяя объем переводов на определенное количество отрезков, я просто знаю, когда мне нужно сесть, сколько нужно сделать и когда закончить” (Александра, 23 года, переводчик).

Один человек даже указал на то, что старается всегда выполнять свою работу заранее, не дожидаясь истечения установленных заказчиком контрольных сроков. Другой переводчик придерживается стратегии распределения работы в течение дня в зависимости от сложности проекта.

“Утро, как правило, уделяется наиболее тем проектам, где необходим свежий взгляд и идея. Трудоемкие проекты исполняются во второй половине дня. Чисто механические этапы обычно оставляются на вечер” (Николай, 27 лет, переводчик).

Фрилансеры, работающие в сфере IT, ведут себя совершенно иначе. Если переводчики в большинстве своем склонны к четкой организации труда, то IT-спе-

Важной особенностью работы фрилансеров является совмещение личного и рабочего пространства

циалисты часто действуют спонтанно, по настроению, работают тогда, когда их посещает вдохновение. Здесь практически никто не задумывается о методичном планировании трудового процесса. В лучшем случае человек контролирует, чтобы несколько проектов не оканчивались одновременно, чтобы не наваливалось сразу несколько “дедлайнов” (последний срок сдачи заказа). Чаще всего распределение текущей работы происходит по принципу выполнения того проекта, который необходимо сдать заказчику раньше:

“...Все затягивается, а потом обнаруживается, что здесь вот сроки поджимают, это бросаешь – бросаешь к другому” (Александр, 25 лет, IT-сфера).

Очень часто работа над проектом происходит в самый последний момент, когда фрилансера уже сильно поджимают контрольные сроки, когда затягивать дальше уже не представляется возможным.

“В свободное время я сижу, обдумываю, как я буду это делать. <...> Пока не прижмет, я могу вяло очень делать, а потом уже, когда надо, я практически моментально все делаю. У меня за то время накапливается много идей, как это реализовать, и я просто беру все это и реализовываю” (Михаил, 20 лет, IT-сфера).

В то же время абсолютное большинство фрилансеров самостоятельно расставляют приоритеты между своими проектами, определяя для себя, какие из них в настоящий момент более важны, а какие – менее, каким следует уделить повышенное внимание, а какие отложить “на потом”. Таким образом, проекты, которыми приходится заниматься и IT-специалистам, и переводчикам, не равнозначны между собой. Рассмотрим, от чего же завит выбор этих приоритетов.

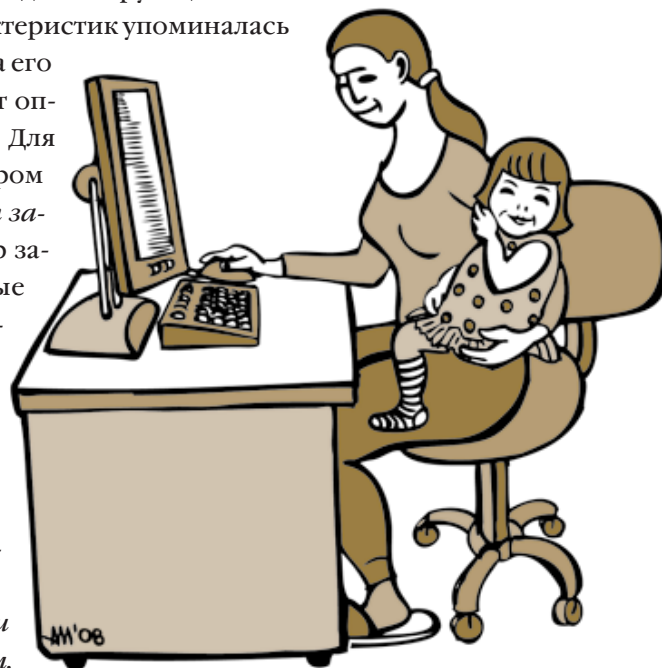
Результаты исследования показали, что какого-то единого, общего для всех критерия в среде фриланса не существует; было высказано довольно много разнообразных суждений, но ни одно из них нельзя назвать доминирующим.

Естественно, что в качестве одной из важных характеристик упоминалась цена проекта, то есть *размер оплаты*, полагающейся за его выполнение. Тем не менее далеко не всегда приоритет определяется уровнем материального вознаграждения. Для многих респондентов гораздо более важным параметром оказался установленный заказчиком *срок выполнения заказа*. В этом случае, планируя свою работу, фрилансер занимается преимущественно теми проектами, которые ему необходимо сдавать раньше остальных. Способность выполнить свою работу точно в срок – необходимое качество фрилансера, без которого на этом рынке не обойтись.

Третий важный критерий, принимаемый во внимание исполнителем, – это *перспективность заказчика*, т. е. возможность дальнейшего долгосрочного сотрудничества с данным клиентом:

“...За простой проект он платит хорошие деньги, и если завтра у него появится проект выше уровнем,

Большинство фрилансеров самостоятельно расставляют приоритеты между текущими проектами, определяя для себя, какие из них в настоящий момент более важны, а какие – менее

деньги могут быть еще больше, и мне этот заказчик интересен, мне лучше ему сделать” (Александр, 25 лет, IT-сфера).

Фрилансеры стремятся максимально увеличить свой социальный капитал, приобрести хорошую репутацию. Как правило, именно от этого зависит количество и качество поступающих к ним заказов.

Помимо перспективности заказчиков свободные работники учитывают еще и их лояльность – то, насколько они готовы идти на компромиссы по вопросам оплаты, сроков, качества выполнения работы. Также принимается во внимание тип заказчика, его сфера деятельности.

“При необходимости выбирать одну работу из нескольких приоритетной считаю работу для промышленности (для заводов, для КБ), затем – для разного рода проектных институтов, а в последнюю очередь – для торговли и прочих «офисов»” (Александр, 66 лет, переводчик).

Некоторые фрилансеры придерживаются строгой очередности, приступая к выполнению нового заказа только после того как окончен предыдущий. Таким образом, здесь приоритет определяется временем поступления заказа. Такая модель поведения в большей степени характерна для переводчиков, нежели для IT-специалистов.

Наконец, немаловажный критерий, характерный именно для свободных работников и отличающий их от всех остальных, – это возможность расставлять приоритеты исходя из своего личного интереса к тому или иному проекту, а также из уровня его сложности. Люди, работающие в штате какой-либо организации, как правило, не имеют такой возможности.

Еще один аспект организации труда фрилансеров – это продолжительность их рабочего дня. Анализ количества времени, уделяемого фрилансерами своей работе, показал, что в целом они совсем не перерабатывают, как могло бы показаться на первый взгляд. Большинство из них уделяют работе около 5–6 часов в день, и лишь очень немногие трудятся по 8 и более часов. Если сравнить это с режимом работы в “традиционной” организации, где установлен 8-часовой рабочий день, плюс, как правило, необходимо тратить на дорогу до офиса и обратно

(в среднем по 2 часа в день), то мы видим, что деятельность фрилансеров протекает в гораздо более спокойном и щадящем режиме. И это еще раз показывает, что фрилансеры чрезвычайно ценят свое свободное время. Для них фриланс – это во многом возможность уделять больше внимания себе, а не своей работе.

При этом – что очень важно – у многих респондентов время трудовой деятельности не совпадает с традиционным временем работы большинства организаций. Более половины опрошенных – как IT-специалистов, так и переводчиков – предпочитают работать в режиме “вечер-ночь”.

Интересно, что здесь помимо обычного обоснования, связанного с индивидуальными режимами трудоспособности (“совы” – “жаворонки”), используются и другие, весьма логичные аргументы.

“Я, как «сова», предпочитаю работать ночью, потому что ночью тихо, спокойно и никто не мешает: никто не будет звонить по телефону, никто не будет стучаться в «аську», да и вообще – машины не гудят. Поэтому

Фрилансеры стремятся максимально увеличить свой социальный капитал, приобрести хорошую репутацию – от этого зависит количество и качество поступающих к ним заказов

му предпочитаю работать ночью. Наверное, часов с десяти вечера и часов до пяти утра” (Александр, 25 лет, IT-сфера).

Тем не менее существуют, конечно, и фрилансеры, предпочитающие обычный трудовой график, который предполагает работу утром и днем. Таких в нашей выборке оказалось около трети.

Что касается количества рабочих дней, то здесь уже отличия от стандартизированной занятости не так заметны. У большинства фрилансеров рабочая неделя не нормирована, тем не менее, как правило, им приходится заниматься выполнением проектов от четырех до шести дней в неделю, что в целом соответствует трудовому режиму большинства “традиционных” организаций.

Бывают в работе фрилансеров и периоды длительного отдыха. Однако традиционный отпуск сроком в несколько недель раз в году могут себе позволить лишь некоторые переводчики, у которых работа, как правило, течет монотонно и последовательно и поэтому есть возможность запланировать “каникулы”. В сфере IT люди стараются не выпадать так надолго из рабочего режима, зато они могут легко себе позволить отдых в течение 3–4 дней в любое удобное для них время.

“Нет, долгосрочного отпуска у меня не было, но было несколько поездок. Уехать на три-четыре дня – проблем нет совершенно никаких” (Алексей, 22 года, IT-сфера).

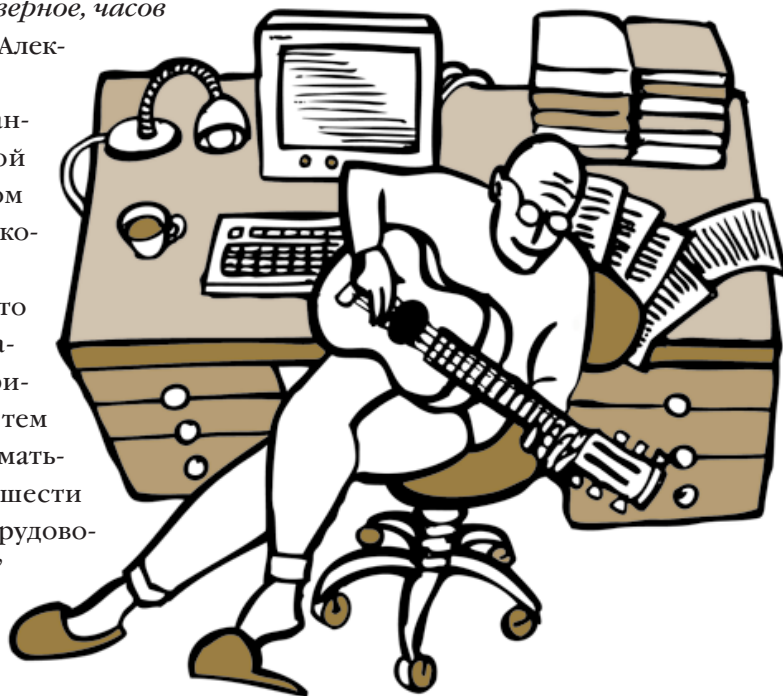
Клиентами фрилансеров, как правило, являются организации, очень мало кто из них занимается выполнением заказов для частных лиц. Поэтому трудовой режим свободных работников очень сильно коррелирует с сезонным режимом работы российских компаний. Эти люди, несмотря на свой независимый статус, привязаны к бизнесу и, соответственно, вынуждены жить с ним в одном ритме.

Как правило, работа фрилансеров синхронизирована с деятельностью компаний-заказчиков. Периоды затишья наступают сразу после Нового года (январь), в период майских праздников (конец апреля – начало мая) и летом (июль-август).

“...Вся Москва вымирает, никому ничего не надо становится, никто не звонит, не пишет...” (Роман, 24 года, IT-сфера).

В то же время наибольшая активность наблюдается в осенний период, появляются новые заказы, народ “начинает шевелиться”.

“Осенью идет такая активизация бизнеса, все возвращаются из отпусков, куча гениальных идей, да и скоро Новый год, не успеешь глазом моргнуть. ... До Нового года все скидывают бюджеты, нужно потратить как можно больше до Нового года” (Александр, 25 лет, IT-сфера).

Большинство фрилансеров уделяют работе около 5–6 часов в день; лишь очень немногие трудятся по 8 и более часов

Важной особенностью работы фрилансеров является то, что у большинства из них рабочее место находится непосредственно там, где они живут: в их собственной квартире, на даче или в общежитии. Происходит совмещение личного и рабочего пространства – точно так же, как рассмотренное ранее совмещение личного и рабочего времени. Можно было бы предположить, что подобная ситуация будет негативно отражаться на трудоспособности фрилансеров; однако, как показали результаты исследования, сами они в большинстве случаев придерживаются противоположного мнения, считая свой домашний офис преимуществом. И для этого у них есть несколько важных оснований.

1. Отсутствие отвлекающих факторов: никто рядом не разговаривает по телефону, никто “не пристает с болтовней”, нет необходимости “решать проблемы с коллективом”. Можно сосредоточиться на работе и полностью посвятить себя выполнению проекта.

2. Экономия времени: нет необходимости каждый день проводить несколько часов в дороге до офиса и обратно.

3. Наличие под рукой всех необходимых материалов для работы: компьютерных программ, словарей, справочников и т. п.

4. Отсутствие жесткого контроля со стороны руководства, возможность спокойно и методично выполнять свою работу.

5. Привычная обстановка, повышающая работоспособность и способствующая достижению максимальной эффективности:

“Мозг лучше думает в привычной обстановке” (Александра, 20 лет, переводчик).

Очень мало кто из опрошенных фрилансеров считает работу в домашней обстановке недостатком. Как правило, это те, кому не удастся избавиться от отвлекающих факторов: им мешают сосредоточиться телефонные звонки, звук радио или телевизора, разговоры и перемещения по квартире родных.

Кроме того, домашняя обстановка не располагает к работе и нередко способствует снижению трудовой мотивации: постоянно возникают соблазны переключиться на какое-нибудь другое, более приятное занятие.

“Я расслабляюсь дома, и из-за этого работа идет не очень быстро” (Дарья, 20 лет, переводчик).

“Работаю дома, хотя это, конечно, отвлекает – хочется походить по квартире, там попить чаю, посмотреть телевизор или просто почитать” (Владимир, 22 года, переводчик).

Таким образом, проблемы, с которыми сталкиваются фрилансеры во время работы у себя дома, делятся на две категории: во-первых, это внешние отвлекающие факторы (разговоры домашних, телефонные звонки, лай собаки, музыка, ремонт у соседей и другие шумы), а во-вторых, это собственное искушение (желание заниматься более интересными делами, ICQ, интернет-сайты и т. п.). От того, насколько высок уровень самоконтроля у чело-

века, насколько крепка его воля, способность преодолеть соблазны и устранить отвлекающие факторы, зависит эффективность его работы и производительность труда. В то же время существует реальная опасность привыкания к такому расслабленному режиму, что может негативно сказаться на трудоспособности.

“Подобная работа дезорганизует человека, эффективность его уменьшается. Когда я могу поспать до обеда, потом могу сходить погулять куда-нибудь, вечером вернуться, ухудшается жизненный ритм какой-то. <...> В общем, это все как-то по-детски” (Александр, 25 лет, IT-сфера).

Тем не менее большинству опрошенных, по их собственным словам, удастся успешно справиться со всеми описанными выше проблемами.

* * *

Результаты проведенного исследования позволяют сделать первый шаг на пути к пониманию трансформаций, происходящих в структуре занятости. В то же время очевидно, что группа работников, которых мы называем “электронными фрилансерами”, заслуживает более пристального внимания со стороны социологов. Наряду с уже рассматривавшимися в настоящей статье вопросами мотивации, самоидентификации и организации трудового процесса данной категории работников интерес представляют такие аспекты темы, как:

- выявление основных социально-демографических характеристик электронных фрилансеров;
- анализ трудовых отношений между заказчиком и исполнителем;
- исследование социальных взаимодействий в профессиональных сообществах: значимость социальных связей при поиске и выполнении работы, роль интернет-ресурсов в качестве каналов циркуляции деловой информации, проблемы социального признания, самоутверждения;
- выявление основных финансовых стратегий фрилансеров: решение проблемы нестабильности доходов, финансовое планирование, сберегательное и кредитное поведение. ■

Литература

- Малоун Т.У. Труд в новом столетии. Как новые формы бизнеса влияют на организации, стиль управления и вашу жизнь. М.: ЗАО “Олимп-Бизнес”, 2006.
- Пинк Д. Нация свободных агентов: как новые независимые работники меняют жизнь Америки. М.: Издательский дом “Секрет фирмы”, 2005.
- Рывкина Р.В. Социология российских реформ. М.: ГУ–ВШЭ, 2004.
- Хэнди Ч. Время безрассудства. Искусство управления в организации будущего. СПб.: Питер, 2001.
- Malone T., Laubacher J. The Dawn of the E-Lance Economy // Harvard Business Review. Sep-Oct. 1998.

От того, насколько высок уровень самоконтроля у человека, насколько крепка его воля, способность преодолеть соблазны и устранить отвлекающие факторы, зависит эффективность его работы и производительность труда

И. Шмерлина

О любви к собакам, и не только...

“Собака для охоты, собака-пастух, ездовая собака, боевая собака, собака пищевая и собака без определенного применения – просто собака”
В. Дольник. Археология человеческих пристрастий

В российском обществе любят собак: в своей симпатии к ним признались 70% респондентов, и лишь 8% сказали, что не любят этих животных. Нейтрально, равнодушно относятся к собакам 20% опрошенных¹.

К собакам одинаково (в большинстве случаев – *одинаково хорошо*) относятся мужчины и женщины, люди высокообразованные и не окончившие среднюю школу, молодые и старые, обитатели мегаполисов и сельские жители (табл. 1).

Собственную собаку в доме или во дворе держат 41% россиян. Но этот показатель сильно варьируется в зависимости от места жительства респондента. Меньше всего доля собаководовладельцев в мегаполисах (11%), больше всего – на селе (70%). В малых городах собак держат 44% жителей, в больших – 31%, в Москве – 16%.

Большинство россиян имеют, по их словам, беспородных собак (58% от всех владельцев). К породе сторожевых отнесли свою собаку 16%, к служебной породе – 9%. Охотничьи и декоративные породы назвали по 6% опрошенных собаководовладельцев, бойцовые породы – 2%, пастушьи – 1%.

Судя по ответам респондентов, чаще всего породистых собак держат в больших городах и мегаполисах (62% владельцев, при этом в Москве – порядка 70%), реже всего – на селе, где преобладают беспородные собаки (73% ответов сельских собаководовладельцев). Неудивительно, что именно жители больших городов и мегаполисов чаще всего, судя по их ответам, заботятся о воспитании своих “благородных” питомцев: примерно каждый второй собаковод-владелец (48%), живущий в большом городе или мегаполисе, заявил, что его пес уже обучен служебным командам или будет проходить такое обучение, когда подрастет. На селе дрессуре, как правило, не придают значения: три четверти владельцев собак не обучали своих животных служебным командам (или, если речь идет о щенке, не собираются это делать).

По степени распространенности в России собака – второй после кошки спутник человека. Кошек держат более половины россиян (54%), и фактор мес-

¹ Общероссийский опрос населения 9–10 сентября 2006 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов). Дискуссионные фокус-группы в Москве, Санкт-Петербурге и Воронеже 29 августа 2006 года. Далее по умолчанию приводятся данные упомянутых опросов.

Табл. 1

% от групп (по столбцам)

	Население в целом		Пол			Возраст, лет			Образование			Доход на члена семьи, руб.			Тип населенного пункта				
	мужчины	женщины	18-35	36-54	55 и старше	ниже среднего	среднее общее	среднее специальное	высшее	до 2000	2001-3999	4000 и больше	Москва	мегаполисы	большие города	малые города	села		
Одни люди любят собак, другие относятся к собакам равнодушно, а третьи – собак не любят. А лично Вы любите собак, относитесь к ним равнодушно или не любите их?																			
Собакам люблю	70	72	69	72	72	66	66	73	71	67	67	68	74	<u>65</u>	67	75	70	72	
Отношусь к собакам равнодушно	20	20	20	19	17	25	23	17	20	22	20	22	19	24	23	<u>15</u>	20	20	
Собакам не люблю	8	6	9	7	9	7	9	8	6	8	12	7	5	9	8	8	8	6	
Затрудняюсь ответить	2	2	2	2	2	2	2	1	3	2	1	3	2	2	2	2	2	1	

❖ Отклонения от средних значений на 5 п.п. и больше в ту или другую сторону выделены соответственно жирным шрифтом или курсивом.

та жительства здесь не оказывает столь заметного влияния, как в случае с собаками (разброс значений – от 39% в Москве до 75% на селе).

Все остальные представители домашней фауны встречаются в российских домах значительно реже. Так, птиц держат 7% респондентов, рыбок – всего 4%, хомячков, морских свинок, крыс и прочих симпатичных грызунов – 2%, черепах – 1%; других редко встречающихся животных назвали 7%; нет домашних животных у 22% опрошенных (график 1).

Существует мнение, что люди делятся на любителей собак и любителей кошек. Определенный резон в этом мнении есть, хотя в действительности подобное разделение далеко не абсолютно. Во всяком случае, как среди хозяев кошек (не имеющих собак), так и среди владельцев других животных (но не собак и не кошек) 60% сказали, что любят собак, каждый четвертый (26% в первой

График 1

Табл. 2

% от групп (по столбцам)

	Население в целом	Владельцы		
		кошек, но не собак	собак, но не кошек	остальных животных, но не собак и не кошек
Лично Вы любите собак, относитесь к ним равнодушно или не любите их?				
Собака люблю	70	60	88	60
Отношусь к собакам равнодушно	20	26	11	25
Собака не люблю	8	12	1	10
Затрудняюсь ответить	2	3	0	5

группе, 25% – во второй) относится к ним равнодушно, и лишь примерно каждый десятый (12 и 10% соответственно) – не любит (табл. 2).

Любовь к “бесполезным” домашним животным² – вещь весьма загадочная, особенно – любовь к собакам, доставляющим людям массу хлопот и очень часто требующим немалых средств.

“1-й участник: *Заболеваает – так не дай бог! Дикая деньги люди тратят – и даже не смотрят на это. Особенно сейчас. Но и тогда [в прежние, “добрашазные” времена. – И. Ш.] тоже тратили.*

2-й участник: *На детей меньше тратят!*” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Впрочем, “своя ноша не тянет”: по мнению большинства российских собаководовладельцев (74%), содержание “братьев меньших” обходится им дешево (“дорого” – ответили 17% хозяев, затруднились с ответом 9%)³.

В целом о тех или иных неудобствах, связанных с собакой в доме, участники опроса говорили довольно редко. Отвечая на открытый вопрос “В чем лично для Вас состоят основные проблемы, неудобства, связанные с наличием у Вас собаки?”, лишь 5% владельцев собак посетовали на высокую стоимость содержания животного (“дорого обходятся услуги ветеринара, лекарства, мясо”; “доход семьи низкий, а собаку кормить надо”). Примерно с той же частотой собаководы жаловались на необходимость постоянного выгула и ухода (“мыть надо”; “гулять рано утром неохота”; “прививки”; “покормить вовремя”; “надо чистить – линяет”), а также на разного рода “собачьи безобразия” (“рвет все подряд, таскает обувь”; “пока щенок – лужи”; “курочки несут яйца, а она их кушает”; “гадит во дворе, веци с веревки снимает”).

Около 2% респондентов, имеющих в доме собаку, испытывают определенные неудобства, связанные с ее характером (“иногда лает по ночам”; “иногда кусается”; “мешает соседям”; “боюсь, чтобы не сорвалась с цепи и не искусила бы прохожих” и т. п.), а у 2% периодически возникает проблема присмотра за собакой (“трудно, когда уезжаем, – не с кем собаку оставить”; “надо всегда возвращаться домой ночевать” и пр.).

² Впрочем, как раз полезных (коров, коз, овец, кур, кроликов и пр.) любят гораздо меньше.

³ Стоимость “собачьей жизни” довольно сильно различается в зависимости от места проживания хозяина. Дороже всего содержание собак, судя по ответам их владельцев, обходится жителям больших городов и мегаполисов (порядка 30% хозяев сказали, что держать собаку дорого), дешевле всего – сельским жителям, где на высокие “собачьи расходы” жаловался примерно каждый десятый собаковод.

Скажите, пожалуйста, в чем лично для Вас состоят основные проблемы, неудобства, связанные с наличием у Вас собаки? (Открытый вопрос. Задавался респондентам, заявившим, что у них есть собака, – 41% от всех опрошенных)

График 2

Примечательно, однако, что самым распространенным ответом на вопрос о том, какие хлопоты доставляет владельцу собака, был ответ “никаких”: “нет, она добрая”; “нет проблем, она у меня очень умная”; “нет, только удовольствие”. Так заявили 59% собаководовладельцев (24% по выборке); еще 32% (13% по выборке) по тем или иным причинам затруднились ответить на этот вопрос (график 2).

Что бы ни говорили собаководладельцы, но, на взгляд человека со стороны, хлопот от собак – масса, а польза – сомнительна. Один из участников фокус-групп с недоумением рассуждает:

“Я к собакам отношусь нейтрально, но стараюсь с ними на контакт не идти. Потому что мне они не нравятся, эти животные, я не понимаю, зачем они и для чего” (ДФГ, Воронеж).

В самом деле, человеку, не страдающему *чрезмерной любовью к животным*⁴, весьма непросто объяснить, “зачем они и для чего” – эти шумные, беспокойные,

“...Втяните в спор любителя собак и собаконенавистника, – предлагает известный российский этолог В. Дольник. – И если вы (редкое качество) не принадлежите ни к одному из этих кланов, – вы, пожалуй, согласитесь, что в ненависти второго много разумных доводов. Хорошая собака не только стоила вам денег при покупке – она потребляет их все время. Ее нужно кормить. Покупать ей билет в поезде и самолете, платить за прививки и в клуб. Во многих странах – платить налог, покупать абонементы на площадки. Она стоит вам времени. С ней нужно гулять, и не только когда погода хорошая и прогулка приятна, но и когда хороший хозяин собаку из дому не выгонит. Вам прихо-

дится заезжать домой, чтобы выгулять ее, пристраивать ее, если вы уезжаете. И пережить смерть друга, ибо собака живет мало. Собака стоит вам нервов. Вы жили в доме в мире со всеми, вы завели собаку – и у вас появились недоброжелатели. Каждый раз вы боитесь, что она попадет под машину, потеряется, укусит кого-нибудь. Наконец, от собаки лишняя грязь в доме. Этого довольно, чтобы убедить меня не заводить ручную козу, медвежонка, попугая. Но не собаку. Это все так, скажет любитель собак, но не это главное. А что главное? То, что я люблю собак, что я с детства мечтал о собаке, что с собакой мне хорошо, а без собаки плохо. И никаких разумных объяснений”.

⁴ Примечательно, что эти слова обращал к самому себе выдающийся этолог Конрад Лоренц.

твякающие, кусающие, а главное – требующие постоянной заботы представители животного мира.

Впрочем, многие любители собак найдут вполне разумные объяснения – в первую очередь они укажут на пользу, связанную с присутствием в доме собаки. Так, отвечая на открытый вопрос “Почему Вы завели собаку?”, половина владельцев (51%) говорили о стремлении обеспечить собственную безопасность

и охрану имущества. Чаще всего такой мотив звучал на селе и в малых городах (57% и 51% соответственно), заметно реже – в больших городах и мегаполисах (37% в каждом случае). Некоторые респонденты (5%) выделяли конкретную служебную функцию собаки (собака, замечали они, – это “звонок”, предупреждающий о приближении посторонних).

Однако, как бы ни настаивали люди на наличии разумных и внятных причин обзаведения собакой, этим понятным, рационально обоснованным причинам чаще всего сопутствует безотчетная любовь (скорее всего, именно она и является ведущим фактором приобретения собаки – даже если, по “официальной версии”, та появилась в доме “для защиты, для охраны”).

Знаменитый английский ветеринар Дж. Хэрриот, большой любитель животных и прекрасный писатель, часто имея дело с фермерами, однажды заподозрил этих суровых и прагматичных людей в “непростительной” сентиментальной слабости – бескорыстной любви к своим собакам. Как-то, обследуя пса одного фермера, ветеринар был вынужден поставить тяжелый диагноз: подверженный необъяснимым припадкам, пес не мог участвовать в собачьих гонках и, по холодному здравому расчету, его следовало бы усыпить. Между тем фермер предпочел оставить собаку, раздраженно оборвав разговор на эту тему. Дж. Хэрриот понял причины этого раздражения. Интуиция подсказала ему, что фермер просто “боится выдать свою слабость: он – и вдруг держит собаку просто из любви к ней!.. Просто так, без каких-либо практических целей!..” [Хэрриот. С. 245–246].

Как среди хозяев кошек (не имеющих собак), так и среди владельцев других животных (но не собак и не кошек) почти две трети сказали, что любят собак, каждый четвертый относится к ним равнодушно, и лишь примерно каждый десятый – не любит

“...Я всегда лелеял подозрение, – пишет Дж. Хэрриот, – что на большинстве ферм собаки ценятся просто ради их общества. Бесспорно, в овечьих хозяйствах собаки были незаменимыми помощниками, да и в других свою пользу приносили – например, подсобляли пригонять коров. Однако во время объездов ко мне в душу то и дело закрадывались сомнения – слишком уж часто видел я, как они блаженно покачиваются на повозках в сенокос, как гоняются за крысами среди снопов во время жатвы, как шныряют между службами или трусят по лугам рядом с фермером. «Чем они, соб-

ственно, занимаются?» – невольно задавал я себе вопрос. Подозрения мои укреплялись всякими мелкими случаями: например, я стараюсь загнать несколько бычков в угол, собака кидается помогать – покусывает ноги, хвосты, но тут же раздается: «Лечь, кому говорю!» или «А ну, пошла отсюда!» Вот почему... я твердо и по сей день придерживаюсь своей теории: почти все собаки на фермах – обычные домашние любимцы, и они остаются там потому, что фермеру нравится чувствовать их рядом. Сам он разве что на дыбе в этом сознается, но я стою на своем...”

**Скажите,
пожалуйста,
почему Вы
завели
собаку?**

(Открытый вопрос. Задавался респондентам, заявившим, что у них есть собака, – 41% от всех опрошенных)

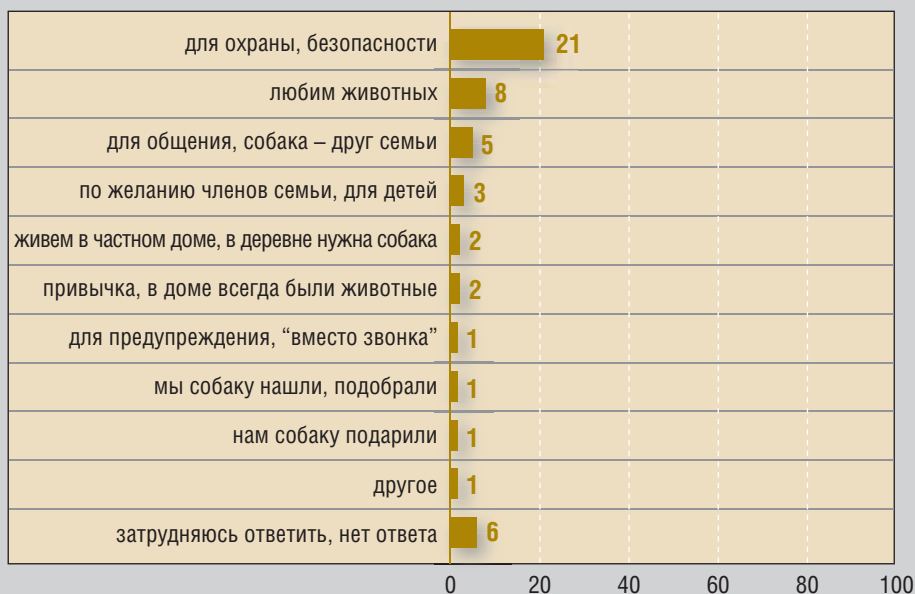

График 3

Напомним, что, по данным нашего опроса, большинство россиян, имеющих собаку в доме (88%), ее любят. В чисто прагматичных мотивах обзаведения собакой можно заподозрить около 10% собаководовладельцев – тех, кто сказал, что относится к ним равнодушно или не любит их. Однако, скорее всего, в эту группу респондентов попали по большей части те, кто вынужден мириться с собачьими пристрастиями своих близких, не разделяя их.

Вернемся к ответам на открытый вопрос “Почему Вы завели собаку?” (график 3)⁵. О бескорыстной любви к собакам, потребности в общении с ними говорили около трети собаководовладельцев. Так, каждый пятый (19%) заявил, что завел собаку “по любви” (в больших городах и мегаполисах этот ответ звучал в 28% случаев, в малых городах – в 19%, на селе – в 14% случаев). Около 13% владельцев собак сформулировали ту же мысль чуть иначе, сказав, что взяли собаку “для души”, “для общения” (этот мотив жители сел, больших и малых городов называли с одинаковой частотой). По свидетельству 6% респондентов, имеющих собак, в их доме собака появилась по желанию кого-либо из членов семьи (“внучка принесла”; “братик захотел собачку”; “мама захотела, завела”). Нашли или подобрали животное 2% нынешних собаководовладельцев (“прибилась – жалко стало”; “он сам пошел за мной”; “собака пришла сама, мы ее и оставили”); по этой причине собака чаще появляется у жителей больших городов и мегаполисов (7%), реже – на селе и в малых городах (по 1%).

Известно, что далеко не все мотивы можно выявить, задавая людям вопросы, почему они поступают тем или иным образом. Конрад Лоренц, тонко

Самым распространенным ответом на вопрос о том, какие хлопоты доставляет владельцу собака, был ответ “никаких”

⁵ На графике данные приведены в % от числа опрошенных, а не от числа владельцев собак.

разбиравшийся в психологии не только животных, но и людей, заметил: “Люди заводят собак и кошек из самых разных побуждений, причем далеко не всегда из добрых. Среди страстных любителей животных, и в частности среди любителей собак, существует особая категория несчастных людей, которые по той или иной горькой причине утратили веру в себе подобных и ищут эмоциональной помощи у животных” [Лоренц].

Психологи называют это синдромом Понтия Пилата и видят в нем проявление глубокой дисгармонии в отношениях человека с миром.

Почему, однако, именно собака чаще всего служит человеку эмоциональным утешением, а порой и единственной опорой в жизни?.. Участники группо-

вых дискуссий не особо затруднялись, отвечая на этот вопрос. Во-первых, подчеркивали они, собака предана хозяину, любит его беззаветно и безоглядно. Во-вторых, собака умна, и оттого ее любовь особенно лестна нам.

“...Прежде всего это, наверное, единственное животное, я так думаю... одно-единственное, которое никогда не предаст человека, то есть если она вот... ну, хочу сказать, что у собаки всегда есть хозяин, то есть она не может без хозяина быть, если она не бездомная, и она своего хозяина любит как бы иногда и безответно, то есть она никогда не предаст, для нее хозяин – это... Трудно, наверное, найти еще одно

животное, не кошка, не там все что угодно... Это вот собака, да, это единственное животное, которое настолько предано человеку. Потом, собака – очень умное животное, очень умное...” (ДФГ, Москва).

“Я их люблю, они друзья человека. Это не кошка, которая просто лежит: «Погладь меня», – и все. От собаки есть толк, она любит тебя как хозяйна” (ДФГ, Воронеж).

Кроме того, собака (домашняя, а не беспризорный собачий “бомж”) настолько сильно зависит от человека, что если она останется одна, то, скорее всего, погибнет или, как нам представляется, будет очень несчастна. Такая психологическая (и отчасти физическая) зависимость от человека порождает в нем родительские чувства, сопряженные с ответственностью, потребностью заботиться о ком-то, признательностью к тому, кто “приручился” к тебе столь искренне и безоглядно.

“Это на уровне генов. Потребность в уходе за кем-то, в друге...” (ДФГ, Санкт-Петербург).

От всего этого сложного комплекса мотивов, основанных на признании исключительных особенностей и достоинств “собачьей личности”, до антропомор-

⁶ Подобная сдержанность есть проявление “синдрома профессионализации”, связанной с отстранением, формированием определенной личностной дистанции от профессиональной деятельности. Этот синдром можно увидеть в самых разных сферах – так, например, врач не может по-человечески “полноценно” сочувствовать каждому больному. Дело здесь, думается, не только в психологической защите и некотором неизбежном притуплении чувств (действии биологического механизма привыкания). Профессионал погружен в подробности и закономерности изучаемого явления, и это меняет обычный баланс рационального/эмоционального, свойственный восприятию “простого человека”. Т. Адорно тонко заметил, что профессиональный музыкант, в отличие от любителя, никогда не заплачет, слушая музыкальное произведение.

физикации животного – один шаг, и его делают практически все любители собак (заводчики-профессионалы в этом отношении более сдержанны⁶). Собака, которая любит нас, – это уже *не совсем собака*. Она же “*все понимает*”, “*она и ест как все...*”

“Ну, как все, обычную еду ела... Она признавала только меня, естественно... Поводка у меня не было, то есть, понимаете, вот настолько вот, что можно разговаривать с собакой, которая все понимает. Принеси тапочки – встает, приносит; но это уже нечего говорить, а я говорю о том, что на улице в город вот куда-то мы идем – не было поводка. Сядь – сидит, там, я не знаю как, внимание ни на что окружающих вообще... только в мои глаза, я и собака, больше никого нет” (ДФГ, Москва).

Явная или неявная антропоморфизация животного – одна из причин, по которой многие любят больших собак. Разумеется, не лишена оснований также широко распространенная версия, согласно которой стремление иметь большую (и – в этом случае – грозную) собаку порождается разнообразными человеческими комплексами⁷, однако эта версия не всегда справедлива. Многим людям, воспринимающим собаку как друга, психологически комфортно, когда она соразмерна человеку.

“Я просто тоже вот придерживаюсь мнения, мне вообще нравится, что собака не должна быть маленькой... Ее надо обнять, надо почувствовать собаку, понимаете, не так вот для меня, если она маленькая, то тогда уж лучше кошку взять, погладить, да, и погладил и выбросил там... пустил погулять” (ДФГ, Москва).

Последовательно идя по пути антропоморфизации, люди порой начинают подгонять собаку под формат человека, отрицая саму ее собачью природу и отказываясь признавать естественные потребности животного – например, присущую многим породам “дурную привычку” подбирать на улице “всякую гадость”.

“У меня еще вот такое... я не приемлю, например, если собака очень глупая, да, вот для меня это... меня очень раздражает это. Глупая – вот у меня... очень много было собак, которые вот, например, мы покормили, да, она всё, она сытая, она выходит на улицу и начинает подбирать всякое дерьмо и есть... Вот это вот я не приемлю... Тебя покормили, ты вышла погулять – и начинаешь есть...” (ДФГ, Москва).

Обратим внимание на стилистику этого возмущенного рассказа (“*тебя покормили, ты вышла погулять...*”) – так говорят о человеке, способном разделить твое видение мира, твою естественную установку по отношению к нему.

Вольно или невольно в общении с собакой люди часто реализуют свои авторитарные наклонности и амбиции. Так, автор приведенной ниже реплики искренне убежден в том, что человек, приобретающий маленького щенка, может сделать из животного все что хочет, вылепить его “по образу и подобию своему”.

⁷ “Люди с комплексом неполноценности заводят специально больших и страшных собак. И ему доставляет удовольствие, что он идет, а его все обходят и боятся... Неудачники по жизни. Вот они завели такую собаку, ходят и радуются” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Последовательно идя по пути антропоморфизации, люди порой начинают подгонять собаку под формат человека, отрицая саму ее собачью природу и отказываясь признавать естественные потребности животного

“Все утирается в человека – вот какой человек, какой у него опыт знаний и вообще ума... вот такую собаку он делает. Но а если вам попадется уже, извините, собачка в руки, уже это несколько месяцев, у них там быстро все-таки развитие это происходит, формирование, вот, попала – уже вы ничего не сможете сделать, вы даже ничего изменить не сможете. Вы понимаете, это же важно, чтобы он с самого возраста попал к вам. Тогда вы можете по своему подобию сделать” (ДФГ, Москва).

Известны случаи, когда собака, выросшая в условиях деспотичной и невежественной любви, оказывается неспособной нормально общаться с себе подобными. Она действительно становится “не совсем собакой”, в чем искренне убежден ее экзальтированный владелец. Что стоит за подобными случаями – чрезмерная привязанность человека к своей собаке или любовь к самому себе, реализуемая через общение с животным?

* * *

И все же в любви человека к собаке гораздо сильнее проявляются светлые стороны человеческой натуры. “Прекрасна и поучительна, – писал К. Лоренц, – только та любовь к животным, которая порождается любовью ко всякой жизни и в основе которой должна лежать любовь к людям” [Лоренц]. Большинство людей держат и любят собак исключительно от душевной полноты и щедрости, от принятия жизни во всех ее проявлениях. Просто за то, что собаки – это собаки.

Литература

Дольник В.Р. Археология человеческих пристрастий // Знание – сила. 1979. № 4 [онлайн] // Дата обращения: 16 декабря 2007 г. <<http://www.marchenko.biz/articles/dolnic6.htm>>.

Лоренц К. Человек находит друга [онлайн] // Дата обращения: 11.01.2008. <<http://www.lib.ru/PSIHO/LORENC/drug.txt>>].

Хэрриот Дж. Из воспоминаний сельского ветеринара. В 2-х томах. Т. 1-2 / Пер. с англ. И. Гуровой; Предисл. Д.А. Гранина. М.: Мир, 1993.

П. Лебедев, Д. Рогозин

Ситуационное картографирование школьного урока информатики

Класс кончился. Дети играют.
Н. Помяловский. Очерки бурсы

Введение

Знание компьютера и умение использовать его в работе является одним из основных требований для успешного существования в современном мире высоких технологий. Сегодня для многих компьютер – обыденный предмет, и такая же обыденная вещь – Интернет. Более того, пришло время говорить не о необходимости подключаться к сети, а о том, что время от времени из нее надо выходить. Рабочая информация, необходимый инструментарий, круг общения – все это формируется в рамках единой сети, уже задающей ритм жизни современного образованного человека¹. Разговоры об интернет-зависимости – не более чем реакция на изменения в конфигурации базовых элементов поведения человека, на расширение сферы его коммуникативной компетентности. С таким же успехом в прошлом можно было говорить о зависимости от пивных вечеринок или увлечения кинематографом. Поэтому, несмотря на постоянные предупреждения о вредоносных последствиях чрезмерного погружения в интернет-пространство, никто уже не берется оспорить важность интернет-образования. Постепенно разговоры материализуются в государственные программы, и Россия в этом процессе – не исключение. Министерство образования успешно реализует амбициозную задачу: подключение всех российских школ к Интернету.

За формальной задачей подключения школ к Интернету просматриваются содержательные мотивы – стремление приобщить молодежь к информационным технологиям. Это и внедрение в школах новых способов интерактивного обучения, и кардинальное изменение процессов трансляции, поиска и обработки информации, составляющей школьную программу, и значительная интеграция предметов, поиск междисциплинарных взаимодействий в рамках средней школы. Хотя подобные задачи уже не решить ведомственными приказами

¹ Исследователи давно заметили, что уровень образования напрямую коррелирует с тем, сколько времени человек проводит в сети. Чем выше уровень образования, тем интенсивней человек использует в своей жизни Интернет (см., например: [Odell et al, 2000]).

и постановлениями, без них все усилия по интернетизации школ ничего не стоят. Ч. Франклин выделяет четыре фактора, наличие которых необходимо для успешного внедрения Интернета в школьную программу: (1) доступность и техническая оснащенность; (2) подготовка и обучение учителей; (3) харизма и лидерство педагога; (4) время, доступное для интернет-образования [Franklin. 2007]. Из четырех условий в рамках национального проекта “Образование” успешно реализуется лишь первое, что ставит под сомнение результативность всей идеи информатизации средней школы.

По всей видимости, изменения в технологии самого обучения информатике, повышение ее статуса в рамках школьной программы, выделение центральной интегративной роли информационных технологий должны рассматриваться в качестве приоритетных задач таких нововведе-

ний. Так, И. Алджазо отмечает, что подключение школ к Интернету наиболее ценно именно для обучения информационным технологиям, поскольку это создает среду, в которой учитель получает больше времени на индивидуальную работу со школьниками. Это приводит к формированию более целевого и осмысленного взаимодействия между учителем и учеником, делает уроки интерактивными, трансформируя пассивную роль слушателя в активную роль участника процесса обучения [Alghazo. 2006. Р. 769]. Если в школах внедряются интернет-технологии, повсеместно идет речь о важности технических достижений в информационной среде, то что происходит на уроках, имеющих непосредственное отношение к этим вопросам? Как преподается информатика сейчас, в условиях подключения к Интернету? Как взаимодействуют учитель и ученик? Что составляет основу их коммуникации? Что формирует социальную реальность самого рядового урока информатики?²

Объект и предмет исследования

Выбирая школу, мы не пошли в специализирующийся на информационных технологиях колледж, но и идею заглянуть в обычную школу отвергли. Выбор пал на лицей, находящийся в юго-западном районе Москвы: чистое современное здание, хорошо оборудованные компьютерные классы, школа подключена к Интернету уже два года, в ней работают приветливые учителя (кстати, охотно разрешившие присутствовать на уроке).

² Мы не являемся новаторами в постановке подобных ситуационных вопросов. “Что происходит на самом деле?” – ключевой вопрос целого ряда теоретических направлений, научных исследований, таких как интеракционизм, феноменология, этнометодология, этнография и антропология. В социальных исследованиях образования классические работы, выполненные в этом ключе, приходятся на 1960–70-е годы. Особо следует отметить две монографии. Это книга Ф. Джексона “Жизнь в классе” [Jackson. 1968], в которой, пожалуй, впервые проблематизируются, казалось бы, понятные всем отношения между учителем и учеником. В монографии П. Вудса “Разделенная школа” [Woods. 1979] представлены исключительно ситуационные наблюдения. “Что люди делают в школе и что они делают друг с другом?” – ключевой вопрос этого исследования. Полный же обзор становления и развития этнографической и интеракционистской перспектив в изучении образования см. в статье Т. Гордона с соавторами [Gordon et al. 2001].

Сегодня для многих компьютер – обычный предмет, и такая же обыденная вещь – Интернет. Более того, пришло время говорить не о необходимости подключаться к сети, а о том, что время от времени из нее надо выходить

Мы просто разговаривали с преподавателями или сидели в классе, наблюдая за ходом урока, сделали лишь несколько снимков (с помощью мобильного телефона)³. Ученики обращали на нас внимание лишь в первые минуты (*фото 1*, см. с. 58). Лучшую исследовательскую позицию трудно себе представить.

Основной акцент в нашем «невключенном наблюдении»⁴ сделан на поведение учеников. Как показали Х. Ваксман и Ю. Падрон, наиболее информативны для оценочных и социальных исследований школьных уроков описания не речи учителя, а реакций, жестов, поведения учеников. Придерживаясь стандартизированного листа наблюдения (COS – Classroom Observation Schedule), разработанного в Исследовательском центре развития образования Питсбургского университета, они выделяли четыре перспективы: (1) взаимодействие с учителем и цели этого взаимодействия; (2) условия, в которых было зафиксировано наблюдаемое поведение; (3) типы учебных материалов, с которыми работали ученики; (4) особые способы активности, в которые включался класс и отдельные школьники [Waxman, Padron, 2004. P. 75-76]. Именно на эти элементы социального взаимодействия и было обращено основное внимание наблюдателей.

Все дальнейшие рассуждения основаны на увиденных и зафиксированных (посредством диктофона, фотоаппарата и бумаги) эпизодах, произошедших во время пяти уроков информатики в трех классах – с седьмого по девятый включительно, а также на обращениях к мнениям трех учителей, услышанных в коротких разговорах между уроками и специальных беседах, инициированных нами в момент вхождения в поле. Первой учительнице (ЛС⁵) чуть более 50 лет, по образованию она математик, педагогического вуза не заканчивала, общий стаж работы – 14 лет. Любопытно, что она училась в этой же школе. Второй учитель информатики (МА) выполняет еще и административные функции, он – завуч по информатике, возраст около 55 лет, долгое время преподавал в школах, а потом занялся бизнесом; недавно вернулся к преподаванию. Третий учитель (ЕМ) – женщина около 50 лет, несколько лет назад пришла в школу ради сына, чтобы его взяли в математический класс, педагогического образования у нее нет.

Перед тем как перейти к описанию конкретных взаимодействий, которые, на наш взгляд, весьма показательны для изучения преподавания информатики

Наиболее информативны для оценочных и социальных исследований школьных уроков описания не речи учителя, а реакций, жестов, поведения учеников

³ Основную часть полевых работ для этого исследования выполнил П. Лебедев (далее по тексту – ПЛ), именно он присутствовал на школьных уроках и вел дневник наблюдений. На долю второго автора пришлось лишь часть разговоров с учителями. Кроме того, в полевой части исследования в качестве интервьюеров работали И. Солодова и А. Турчик. Без их участия не удалось бы реализовать и трети поставленных задач.

⁴ Поскольку участие исследователя в уроке было редуцировано до роли наблюдателя, ни с кем не вступающего в социальное взаимодействие, мы можем говорить о невключенном наблюдении. Таким образом, исследование отходит от этнографической традиции, в соответствии с которой ключевым элементом любого полевого этапа является включение, если не сказать вживание в изучаемую среду, понимание собеседника через проживание аналогичных ситуаций [Gordon et al. 2001. P. 188]. Мы отдаем себе отчет в том, что любое вхождение в поле приводит к некоторому нарушению естественного хода событий, однако, по нашим наблюдениям, таковое нарушение было минимальным, так что можно им пренебречь.

⁵ Далее, исключительно чтобы различать реплики разных учителей, мы будем указывать их вымышленные инициалы.

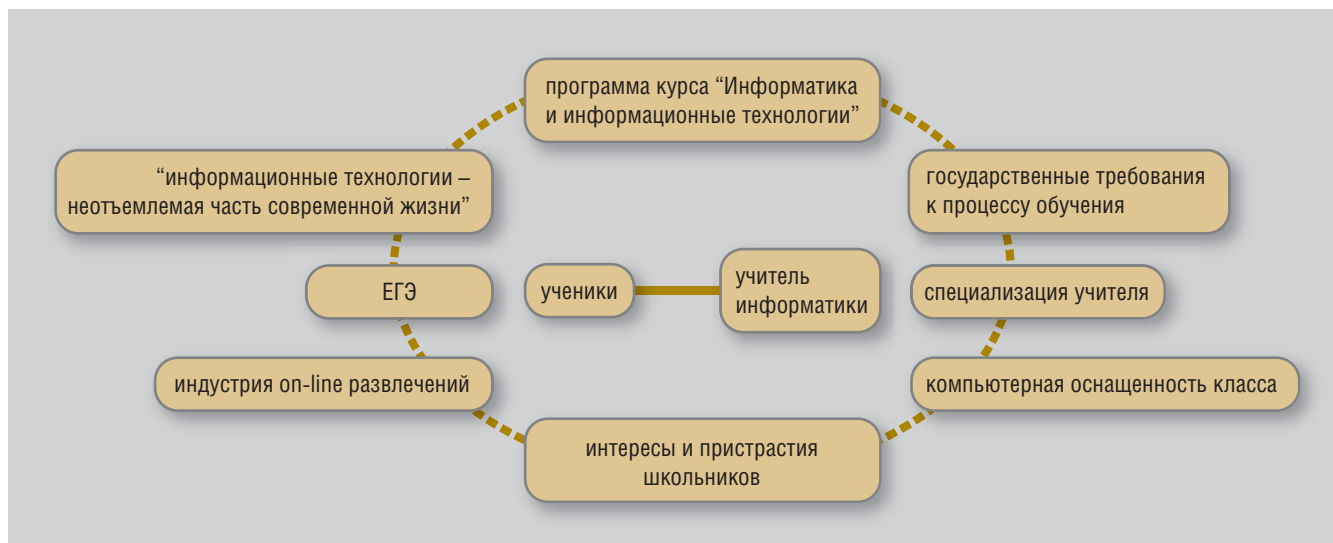

Рис. 1. Ситуационная карта урока информатики

в школе, остановимся на характеристике проблемного социального поля, формируемого рядом акторов, событий и дискурсивных практик (рис. 1)⁶.

Прежде всего имеет место и признается всеми участниками исследования тот факт, что информационные технологии – это неотъемлемая часть современной жизни, знать которую просто необходимо. Так, учительница информатики приводит следующую интересную аналогию.

ПЛ: *Как Вы относитесь к Интернету? Нужно, не нужно?*

ЕМ: *Конечно, нужно.*

ПЛ: *Зачем?*

ЕМ: *Хотя бы... представьте себе, прогресс идет вперед – и вы становитесь функционально безграмотны. Вы можете себе представить человека, который не может заполнить квиток на квартиру?»*

Подобное “требование времени”, во-первых, поддерживается формальными рамками, которые можно считать внешними для основных акторов (учителя и учеников) в данном поле. Это прежде всего государственные требования к образовательному процессу, отраженные в утвержденной программе курса “Информатика и информационные технологии” и в конечном счете – в ЕГЭ по информатике. Курс не будет считаться успешно освоенным, если не выполнена государственная программа и не сдан соответствующий экзамен.

ЛС: *Есть планы базовые – они выпускаются на все классы. Программы...*

ПЛ: *Вы по ней идете?*

ЛС: *Да. Я не могу не по ней идти, потому что это утверждено Министерством образования. Хотя я не все оттуда беру. Некоторые вопросы я вообще опускаю – например, чаты, почту, аську. Что-то я добавляю. Например, в восьмом нет программирования – а я добавляю».*

⁶ Подобное сочетание, казалось бы, несовместимых понятий продиктовано не нашей фантазией, а желанием реализовать замысел постмодерного проекта социального исследования. Объектом подражания для нас выступила недавно опубликованная монография Адель Кларке по ситуационному анализу, в которой методически реализованы идеи постмодерного поворота. Подробнее см.: [Рогозин. 2007].

При этом у учителя есть собственные пристрастия, если хотите, специализация, на которую и делается акцент во время занятий.

“То, что было в начале, 20 лет назад, когда много рассказывали про устройство компьютера, – сейчас это жалобно маленький кусочек. Но кто-то из преподавателей, кому эта тема родна и близка, они раздвигают ее в полный рост, возвращаясь лет на 10–15 назад. Вот такая странная ситуация. Но здесь все живет и дышит. Иногда бывает, что какая-то маленькая часть развивается на весь курс. Допустим, у нас преподавательница – хорошая, она профессиональный программист и давно преподает, вот, допустим, она любит такую программу как «Компас». Это геометрические построения. Она ею владеет. И в общем достаточно успешно связывает информатику с геометрией. И решает задачи на уровне 8–9-го класса. И это, в общем-то, положительно. Это плюс. Но этот вопрос занимает не по статусу высокое место. Каждый преподаватель – хозяин своего огорода. Все этим грешат, и я тоже” (МА).

Во-вторых, большое количество детей так или иначе, еще до школы или уже учась в школе, сталкиваются с новыми информационными технологиями. У большинства из них сформированы собственные представления о том, что такое компьютер и зачем он нужен, и часто эти представления разнятся с директивами Министерства образования. Конечно, для детей, особенно младших и средних классов, компьютер – это прежде всего развлечение (игры, фильмы, музыка, чаты и т. п.), а эта область компьютерных возможностей практически остается за рамками школьной программы. Зачастую дети не свободны и в выборе профессиональных и “полезных” программ.

“ПЛ: Часто бывает, что дети приходят и просят научиться чему-то вне программы?”

ЛС: Да, вот тут один просил 3D что-то... графику, видео. Я говорю: «Да, я даю в девятом классе 3D-графику в объеме “Компаса”, а то, что ты хочешь, – нет». Он из восьмого класса. Я ему говорю: «Иди на курсы или книжки покупай и изучай сам». А какие проблемы? Нет этого в курсе.

ПЛ: А если вот ему это действительно интересно? Может так получиться, что Вы его оставите в покое и он будет заниматься своим делом?

ЛС: На уроке? Нет. На уроке есть программа, которая должна быть выполнена”.

Кроме всего прочего, учитель информатики может быть ограничен рамками технической оснащенности компьютерного класса.

“Я окончила курсы повышения квалификации. Flash и Photoshop. Но преподавать не могу, потому что здесь поставить ничего нельзя... не на чем преподавать” (ЛС).

Еще раз остановимся на наиболее важных местах ситуационной карты. Во-первых, существуют “общие” ограничения – это официальная программа учебного курса и техническая оснащенность, с которыми учитель в большей или меньшей степени соотносит свои уроки. Во-вторых, преподаватели информатики достаточно свободны в выборе направления курса (по разным причинам).

В-третьих, дети зачастую довольно сильно включены в информационные технологии и знают (или думают, что знают) больше, чем преподаватели, а также имеют некоторые представления о том, какие навыки и знания понадобятся им в дальнейшей жизни. Все это создает фрейм урока, является ресурсом для объяснения того, что же реально происходит в классе, позволяет описать особенности “конструирования смыслов и перспектив”⁷, задающих реалии школьных будней.

Школьный урок информатики

Итак, останавливаясь на боковых сюжетах социального взаимодействия (рис. 1) как своего рода ключах к его пониманию, попытаемся сконцентрироваться на ситуации урока информатики, на той социальной реальности, которая конституируется всеми участниками взаимодействия⁸. К началу исследования у нас были некоторые представления об уроках информатики, составленные на основе собственного опыта, разговоров со знакомыми, чтения периодических изданий. Они сводились к обиходной максиме о поколенческом разрыве, обусловленном разным отношением и разным набором реальных навыков, связанных с информационными технологиями, и в частности с использованием Интернета. Молодежь пользуется Интернетом гораздо интенсивней – гипотеза, подтвержденная в сотнях исследований (см. например: [Hills, Argyle. 2003]). И далее: “ученики лучше знают предмет информатики, нежели преподаватели”; “программа не соответствует реальным требованиям времени, и детей учат тому, что было актуально десятки лет назад”; “школа далеко отстоит от развития информационных ресурсов и никогда не сможет догнать постоянно ускоряющийся прогресс”. Вооружившись этими стереотипами как предварительными рабочими гипотезами, в процессе непродолжительной полевой работы мы обнаружили, что все не так однозначно и просто. Впрочем, именно для этого и было проведено настоящее исследование.

*“Я это и так уже знаю! Мне это неинтересно!
Зачем мне это надо? Мне это не надо!”*

Именно эти четыре фразы, наверное, чаще всего звучат при отказе от работы, протесте против изучения новой темы на уроке, объяснении, почему не сделано домашнее задание. В обыденной жизни, общении с друзьями или родителями это зачастую значимые и весомые аргументы, чтобы отказаться от выполнения работы, – но не в школе. В качестве доказательства можно было бы порассуждать о том, что школа является институтом, по структуре схожим с армией, тюрьмой или больницей, и даже преуспеть в этом. Но сейчас перед нами несколько иная задача.

⁷ Здесь мы следуем интеракционистской традиции, которая рассматривает обучение как “конструкт смыслов и перспектив, различных форм подстраивания под обстоятельства, координацию интересов и увлечений в ходе взаимодействий... <...> продвижение собственных интересов и согласование их с интересами других участников взаимодействия [Woods. 1996. P. 7].

⁸ Согласно А. Кларке, в категорию участников попадают не только акторы, но и смысловые конструкции, дискурсы, а также другие ситуации. Поэтому под участием мы понимаем исключительно вклад в формирование фрейма, задающего границы описываемой социальной реальности, предлагающего нам инварианты для ее интерпретации и толкования.

Ниже приведены примеры конфликтных ситуаций между учителем и учениками. С одной стороны, учитель видит, что знания детей не так глубоки, как им кажется, их не всегда интересует то, что действительно полезно, они не понимают, как смогут применить тот или иной приобретаемый навык. С другой стороны, учитель предлагает устаревшие теоретические конструкции, которые не могут объяснить все многообразие решений, применяемых в интернет-технологиях. Но об этом чуть ниже.

Как отмечают учителя, знания детей в области компьютерных технологий действительно достаточно широки, потому что у многих есть персональный компьютер, мобильный телефон, зачастую с функциями КПК, цифровой фотоаппарат, современные акустические системы. Дети в той или иной степени сами или через родителей, друзей, знакомых включаются в процесс освоения новых технологий. Лишь в немногих семьях лицейских учеников нет компьютера⁹.

“МА: В некоторых классах находятся один-два ученика, которым только сейчас родители, увидев, что он действительно занимается, что-то делает, ему надо по учебе, покупают <компьютер>, а до этого не покупали из идейных соображений: это вредно, Интернет – это вредно в кубе! Там гадость всякая!.. Мне приходилось родителям объяснять, что вы лишаете ребенка перспектив, это то, без чего сегодня жить нельзя.

ПЛ: Их много?

МА: Нашлись самые упорные. В каждом классе по одному человеку”.

“ПЛ: А есть дети, у которых нет компьютера, которым родители запрещали?

ЛС: Есть такие. Есть у меня мальчик в седьмом классе, Глеб, ему не покупают компьютер по принципиальным соображениям. Он на скрипке играет – и мама боится, что если она ему купит компьютер, он будет в игры играть вместо скрипки”.

Таким образом, подавляющее большинство учеников имеют представление о том, что такое компьютер и как с ним работать, однако по большей части эти знания касаются области развлечений: – игр, музыки, кино, интернет-чатов и т. п. При этом знания “серьезных” и “полезных” компьютерных программ довольно скудны или вовсе отсутствуют.

“ЛС: Они брыкаются. Ничего не хотят делать. Они в игры играют! У меня сын в игры играет, фильмы смотрит... Школьники – то же самое. А здесь их заставляешь работать...”

ПЛ: В 9-м и 11-м классе по программе проходят электронную почту.

ЛС: Я это не прохожу. Я этим не занимаюсь. Они сами все прекрасно знают.

ПЛ: Да?

В восприятии детей, особенно младших и средних классов, компьютер – это прежде всего развлечение, а эта область компьютерных возможностей практически остается за рамками школьной программы. Для серьезной работы требуется прикладывать усилия, а это противоречит восприятию компьютера как чего-то приносящего удовольствие

⁹ Видимо, можно говорить об общей тенденции развития технологического образования в первую очередь через семью и ближайший круг знакомых. Такие данные представляет, например, И. Алджазо. Проведя стандартизированный опрос 443 школьных учителей в Арабских Эмиратах, он выяснил, что 96% из них имеют дома персональный компьютер и около 80% – выход в Интернет, в то время как выход в Интернет из школы доступен менее чем для 45% учителей, а доступ к оборудованным компьютерами классам – всего для 15% [Alghazo. 2006. P. 773].

ЛС: *Естественно! А зачем это буду проходить?! Поисковые системы – они это и сами знают. Их хлебом не корми – дай позаниматься этим. А вот если вы их сайт заставите сделать мастерами, а потом на языке HTML – это мы хотим, но с трудом!*

“ПЛ: *У многих детей есть компьютеры дома. Не получается ли, что они знают гораздо больше или же знают что-то другое, нежели то, что преподаете Вы?*

ЕМ: *Одно другому не мешает...*

ПЛ: *У детей вообще большой пласт знаний? Например, в старших классах?*

ЕМ: *Как известно, одну и ту же задачу можно решить многими способами. То же самое и у нас: есть задача – нужно получить выходной результат. А как почесаться – вот так или таким образом... И получается, что ситуация «а я это знаю» – правой ногой через левое ухо. Да, сделают, но вопрос – каким способом, насколько это рационально, насколько это с наименьшими затратами?»*

Школьники расценивают компьютер не как инструмент для выполнения определенных заданий, а как игрушку, развлечение: “Отличаются не только интенсивность освоения ПК и Интернета в разных возрастных группах, но и его направленность: учителя используют, например, Интернет преимущественно для работы, а дети – для путешествия в нем с целью получения новой увлекательной информации, игр и общения” [Щеглова. 2006. С. 117]. Для серьезной работы требуется прикладывать усилия, напрягаться, думать, а это противоречит восприятию компьютера как чего-то приносящего удовольствие. Кроме того, не всегда знания детей оказываются действительно полезными и продуктивными для выполнения учебных задач. По большей части они носят фрагментарный, несистематический характер. Лишь единицы пытаются работать самостоятельно, читают книжки, разбираются дома с программой школьного курса.

“Учительница: *Будем составлять программу. С чего начинается программа?*

Ученик: *Program begin!*

Учительница: *Откуда ты знаешь?!*

Ученик: *Книжку читал.*

Учительница: *Вот нам Юра подсказывает, как надо программировать!*

Ученик: *А я уже массивы прохожу.*

Учительница: *Молодец!”* (учительница – ЛС).

Юра – первый ученик в классе, лучше остальных разбирается в программировании и занимается им самостоятельно (не в школе). Он первым выполнил задание, но при этом несколько раз обращался к учительнице с вопросами, которые свидетельствовали не столько о незнании, сколько о невнимательности, нежелании сосредоточиться. Так же ведут себя и другие ребята. Если не получается выполнить какое-то задание, ученик не старается еще раз проверить условие, найти ошибку. Чаще всего он теряет интерес к работе, зовет учителя

Если не получается выполнить какое-то задание, ученик не старается еще раз проверить условие, найти ошибку. Чаще всего он теряет интерес к работе, зовет учителя

ля, а в процессе ожидания (учитель, естественно, не в состоянии уделить внимание сразу всем) открывает параллельные “окна” с играми, explorer, ICQ и т. д.

Еще одной иллюстрацией того, что знания компьютера у школьников носят скорее инструментальный характер, то есть они хорошо знают, где и как надо “нажимать кнопки”, является следующий обмен репликами между учителем и ученицей.

“Учительница: Умножение в Паскале – это звездочка.

Ученица: Это shift и 8?

Учительница: Я не знаю. Там она есть и на цифровой, и на текстовой клавиатуре. Сама найдешь” (учительница – ЛС).

На уроках наблюдается общая тенденция: дети хорошо схватывают детали, фиксируются на мелочах, тогда как обобщения, генерализация даются им с куда большим трудом. Во время выполнения заданий ученики практически не смотрят на доску, где записаны условия задачи. Они постоянно окликают учителя, просят помощи по самым незначительным поводам, вплоть до вопросов, где лежит требуемый файл или программа, хотя все пути к документам прописаны на доске.

Еще одна цитата из разговора с учителем относительно учеников, которые считают, что знают много или, по крайней мере, достаточно.

“Он говорит: «У меня дома компьютер есть, что мне тут с тобой заниматься? Я это все знаю». Но когда ты начинаешь его направлять, что мне нужно вот это вот, не то, что ты хочешь, не то, что ты знаешь, а вот это, он целый урок сидит и спрашивает: «А зачем это?» Это инструмент, это способ. Я-то знаю, что у меня дальше по программе, и я на этом буду базироваться, а он это делать не хочет, не видит в этом смысла. Может быть, то, что он много знает, – это и плохо” (ЛС).

Действительно, трудно объяснить ученику, зачем нужно выполнять то или иное скучное, неинтересное, да еще и сложное задание во время урока. Ведь дома на том же компьютере ребенок занимается интересными и веселыми делами: играет, общается в чатах, пишет сообщения на форумах, скачивает рингтоны... Пока в школьную программу не входит обучение интересующим ребенка навыкам, отмеченный конфликт и разное восприятие реальности урока и дома неизбежны. При этом дистанция увеличивается еще и из-за необходимости прохождения фактического обряда инициации – сдачи экзамена, который, по мнению самих учителей, весьма сложен.

“Я видела билеты ЕГЭ – там информационных технологий вот столько (показывает, что очень мало). Остальное все – теоретическая информатика. Там 50% программирования, еще Excel, системы исчисления. Там ты должен на очень хорошем математическом уровне это знать. А они (дети) не хотят” (ЛС).

Мнение, что информатика – это не какие-то конкретные навыки, а вполне серьезная теоретическая наука с глубокими математическими корнями, разделяется, пожалуй, всеми педагогами.

“Компьютер – это рабочий инструмент. В рамках информатики должны дать некие теоретические сведения, чтобы знания компьютера

Трудно объяснить ученику, зачем нужно выполнять то или иное скучное, да еще и сложное задание во время урока. Пока в школьную программу не входит обучение интересующим ребенка навыкам, разное восприятие реальности урока и дома неизбежно

Фото 1. Начало урока. Все сидят за партами, слушают вводную теоретическую часть, перед тем как получить задания

Фото 2. Середина урока. Ученики подходят к учителю за заданиями, кто-то делает письменные задания за партами, кто-то уже сел за компьютер, но, как видно, еще не включился в работу

Фото 3 и 4. Рабочий процесс. Преподаватель плохо контролирует движение и перемещения по классу

не совсем сводились, а чтобы было понимание информационных процессов” (ЕМ).

ПЛ: Что должно быть в курсе информатики?

МА: Специальные образовательные стандарты. В них заложено, что есть теоретическая основа информатики: что такое информация, кодирование информации, логика”

В то же время совершенно очевидно, что нельзя считать информатику целостной наукой, построенной на системе общих понятий. От учителя ждут, что он будет экспертом в решении различных вопросов, связанных как с программным обеспечением, так и с “железом”, а не общих построений или пересказа глав утвержденного Министерством образования учебника. Безусловно, невозможно требовать от учителя экспертности в столь обширной области знания, поэтому-то специалисты и рекомендуют обратиться к интерактивным формам обучения, в которых ученики рассматриваются не как получатели знания, а как реальные участники его производства [Fevergeon, Dharkar. 2002]. Другими словами, гораздо эффективнее воспользоваться знаниями школьников, нежели пытаться убедить их в нерелевантности этих знаний для урока.

Так или иначе, детям приходится мириться с тем, что какая-то часть курса не соответствует их представлению о компьютере как инструменте досуга. В рамках компенсаторного действия наиболее активные школьники начинают организовывать свой досуг самостоятельно. В подобных случаях на других уроках они играют в морскую бой, слова, крестики-нолики, пишут друг другу записки и т. д. На уроках информатики потенциальное развлечение уже у тебя под рукой – нужно только сделать это так, чтобы не увидел учитель. Это можно свести примерно к такой словесной формуле: “Вот что я люблю! Креатив, “невинная шалость”, поиграть... что еще?”

Конечно, не всегда на уроках информатики детям приходится скучать – есть задания, которые вызывают у школьников неподдельный интерес. Но, как уже отмечалось ранее, они носят скорее инструментальный характер.

ЛС: Они хотят больше заниматься технологиями – там, где кнопки нажимать надо.

ПЛ: Например?

ЛС: PowerPoint – как конфетка. Презентацию сделать – что там сложного?! Там думать не надо особо. А здесь думать надо! Начинаешь проходить программирование – притягиваешь математику, то, что для них сейчас актуально, то, что они проходят. Ведь компьютер – это не самоцель, это устройство, прибор. На фига это рассчитывать вручную?»

Интересно, что PowerPoint – одна из немногих программ, изучаемая в рамках курса информатики, которая действительно интересна ученикам. Эту программу они любят и неплохо ей владеют. Она дает возможность реализовать творческое начало, проявить себя. Многие дети делают доклады по другим предметам в форме презентаций и при этом получают оценки по курсу информатики. Кажется бы, вот реальная среда для внедрения интерактивных мультимедийных способов обучения, погружение школьников в реальность новых технологий. Тем более что «даже такой простой инструмент, как PowerPoint, позволяет полностью реализовать интерактивные формы коммуникации посредством встроенного модуля Visual Basic for Applications (VBA)», – как утверждает Д. Марковитц [Marcovitz. 2003]. Кроме того, самим преподавателям приятней, когда дети работают с энтузиазмом, а не из-под палки, поэтому они стараются разнообразить уроки, внести в них элемент творчества, при этом соблюдая собственные интересы, направляя деятельность школьников в нужное им русло.

«Какие-то группы делали «Красную книгу птиц» по биологии – там порядка 50 слайдов, там звуки разных птиц <...> все это организовано. То есть биологичка, которая до этого к компьютерам... Я ей подсунул детей, которые уже прекрасно научились это делать... они делали ей презентации про слух, зрение – она им задавала тематику, а они все делали. Потом по МХК, по истории, литературе...» (МА).

«ПЛ: Что детей привлекает в информатике?»

ЛС: Когда какая-то работа, найти что-то в Интернете. Я темы даю компьютерные – например, развитие внешней памяти, процессоров. Они выискивают материал в Интернете. А потом я им говорю составить статью. В Word'e мы текст обрабатывали, обтекание текста я их попросила сделать... Это детям нравится! Ну, в Интернете полазить! Что вы!»

Однако иногда детям бывает скучно на уроке, и они ищут способы разнообразить собственную деятельность – благо это не очень сложно сделать. Специфика урока информатики заключается в том, что во время работы на компьютере учитель ходит и смотрит за работой каждого пользователя, помогает ученикам. Часто в это время остальные занимаются чем хотят. Кроме того, ученики, которые выполняют задания быстрее других, по просьбе учителя помогают отстающим. Таким образом, к середине урока начинается «броуновское

Фото 5. Пока учитель в другом конце класса, можно расслабиться и поиграть

Фото 6. Пока учитель занят со школьником с предыдущей фотографии, у его одноклассников есть возможность заняться своими делами. Они вслух учат стихотворение к уроку литературы

движение”, на взгляд внешнего наблюдателя – хаотичный, мало контролируемый процесс. В подобной ситуации занять себя чем-то более интересным, нежели работа над заданием, совсем несложно, – например, параллельно открыть окно с интернет-браузером и запустить чат, ICQ, игру и т. п. Обычно школьники включают какие-то несложные игры, которые не требуют постоянного участия и дают возможность переключаться между программами, – например, пасьянс “Косынка” или игра “Сапер”.

Ход урока информатики хорошо иллюстрирует подборка фотографий, последовательно сделанных непосредственно в ходе наблюдения за уроком (фото 1–6). Фактически разброд начинается сразу же после выполнения первой обязательной для всех задачи. Кто-то делает задачу быстрее других и сразу сдает результаты учителю. Учитель, конечно, даст следующее задание, но приступить к его выполнению можно не сразу, а лишь когда число сделавших первую задачу достигнет определенной критической массы (примерно половина всех присутствующих). Девочки в основном запускают чаты или ICQ, тогда как мальчики – игры. Но находятся ученики, которые обращаются к учителю со следующей просьбой:

“Ученик: А можно я программу свою запущу?”

Учитель: Нет, Коля. Вирусы нам не нужны. (Ученик расстроено бубнит что-то себе под нос.)

Учитель (явно стараясь сгладить ситуацию): Сейчас у нас и так уже компьютеры слабые. Вот новые поставят – тогда можно будет”.

Во время урока наступает момент, когда практически каждый занимается своим делом. Например, Юра, который самостоятельно изучает программирование, вместо решения новой задачи составляет собственную шуточную програм-

му, которую, презентуя одноклассникам, называет “Супермодное гадание, узнай, кто ты есть на самом деле!” Суть программы – в том, что для каждого из имен одноклассников в теле программы Юра ввел какое-то забавное определение, шуточное прозвище и т. д. Подобная выходка имела успех у одноклассников, но не произвела впечатления на учителя, хотя и была выполнена на языке программирования, который обсуждался на занятии и соответствовал учебному плану. Другой ученик, Саша, сначала несколько раз запускает “Сапера”, потом пасьянс, но быстро теряет интерес, он вообще отходит от компьютера и берется за книгу “Зов предков” Дж. Лондона. Только несколько усидчивых девочек делают вторую задачу. Учитель в это время объясняет первую задачу несправившимся с ней ученикам. Два мальчика вообще не садились за компьютеры. Учитель требует у них тетради на проверку, чтобы удостовериться хотя бы в правильности составленной программы, и одному из них ставит “двойку”. Расстроенный ученик возвращается на свое место, и происходит следующий диалог.

“Учитель: Коля, не обижайся!

Ученик: Нет, я не обиделся, я убью тебя просто...

Учитель: А твоих родителей пора в школу пригласить.

Ученик: Ага, тебя только спрашивали!”

Окончание см. на стр. 69 →

На уроках наблюдается общая тенденция: дети хорошо схватывают детали, фиксируются на мелочах, тогда как обобщения, генерализация даются им с куда большим трудом. Во время выполнения заданий ученики постоянно кликают учителя, просят помощи по самым незначительным поводам

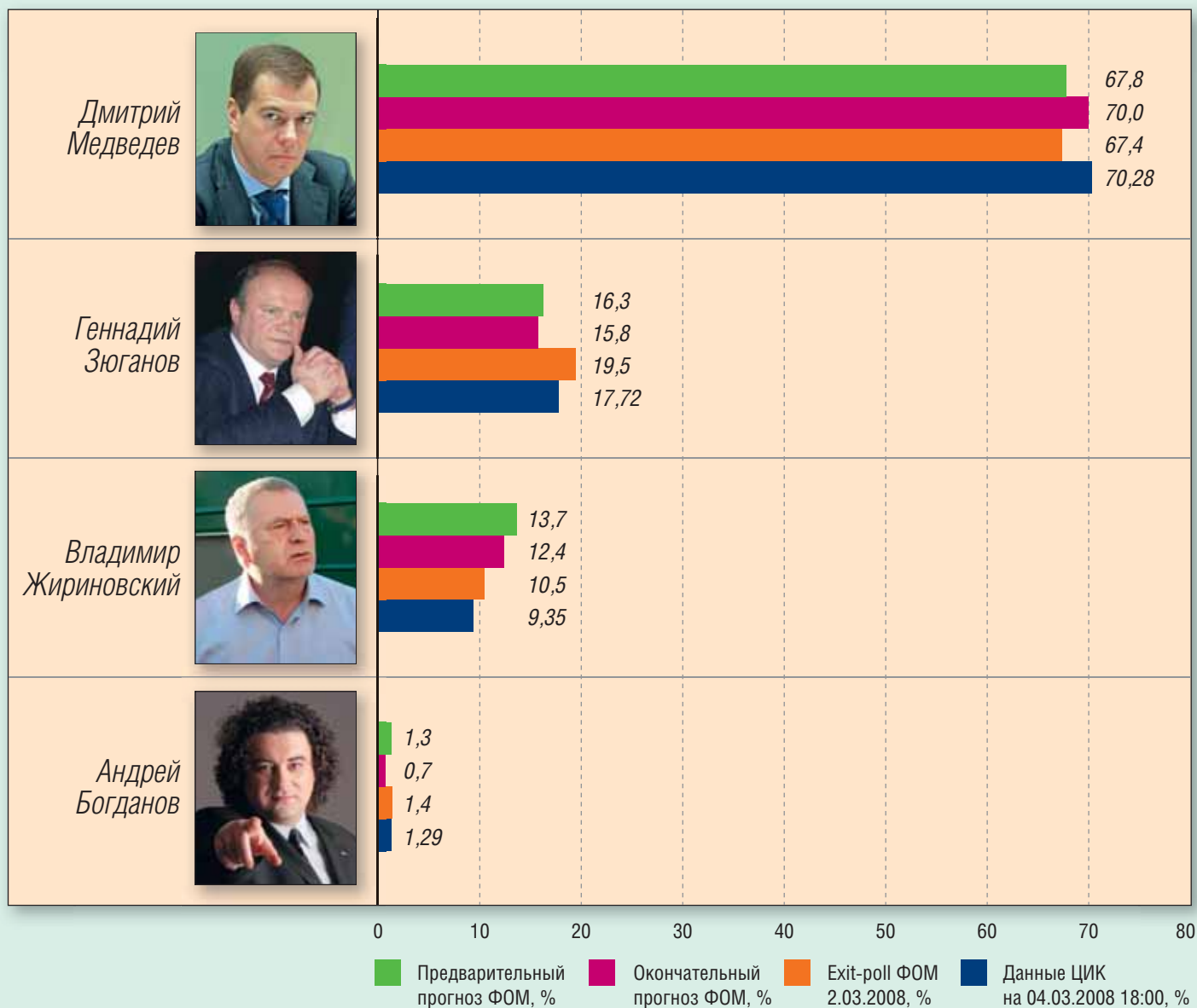
Выборы Президента Российской Федерации: прогноз ФОМа, результаты exit-roll и итоги выборов (ЦИК)

Перед выборами Фонд “Общественное мнение” подготовил два прогноза результатов голосования:

- Предварительный* (на основе данных опроса от 16–17 февраля); опубликован на сайте ФОМ 21 февраля.
- Окончательный* (на основе данных опроса 23–24 февраля); был отправлен в ЦИК 28 февраля, но до выборов не был обнародован, поскольку публикация прогнозов в предвыборную неделю запрещена законом.

2 марта 2008 года, в день выборов Президента РФ ФОМ проводил опрос на выходе с избирательных участков (exit-roll)**. Каждому избирателю задавался единственный вопрос: “Скажите пожалуйста, за кого из кандидатов в президенты Вы проголосовали?”

Официальная явка, по предварительным подсчетам, составляет 69,78%; ФОМ прогнозировал явку на уровне 68,7%. Недействительных бюллетеней, согласно официальным данным, оказалось 1,36% (прогноз ФОМ – 1,1%).

* 200 населенных пунктов 63 областей, краев и республик России. Интервью по месту жительства. 3000 респондентов. Статистическая погрешность не превышает 2,5%.

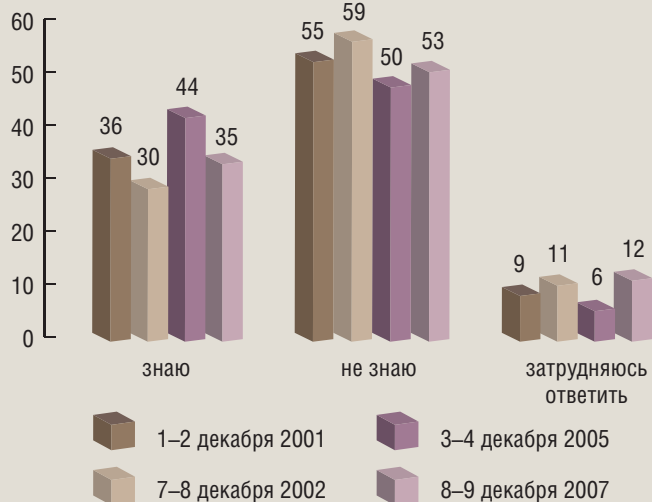
** Опрос проходил на 800 избирательных участках в 573 населенных пунктах (в том числе в 294 городах, 50 поселках городского типа и 229 селах), расположенных в 76 субъектах РФ. Опрошено 80 000 человек.

Конституция: мнения россиян

Как Вы в целом оцениваете нашу Конституцию — на Ваш взгляд, она хорошая или плохая?

Скажите, пожалуйста, Вы знаете или не знаете основные положения российской Конституции, ее содержание?

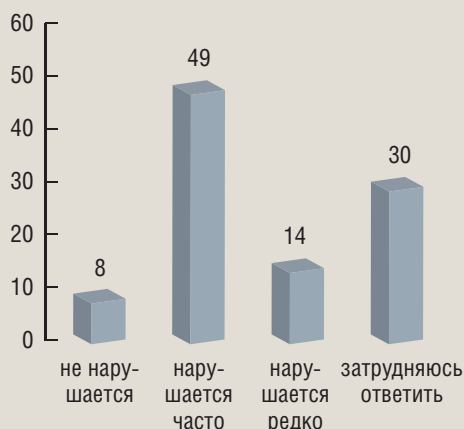
Одни считают, что Конституция — это документ, определяющий жизнь российского общества. Другие считают, что Конституция не определяет жизнь нашей страны, это чисто формальный документ. С каким мнением — с первым или вторым — Вы согласны?

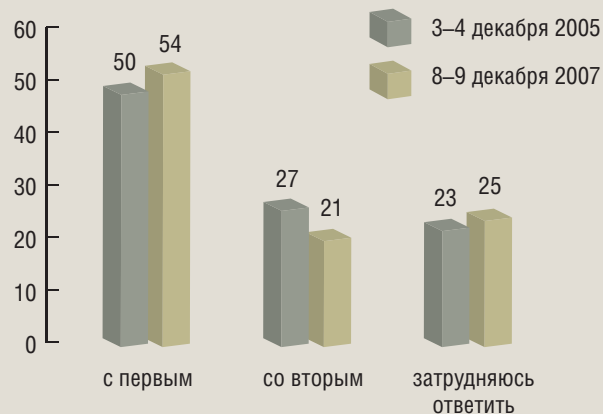
Как Вы считаете, Конституция помогает или не помогает рядовым гражданам, таким людям, как Вы, защищать свои права?

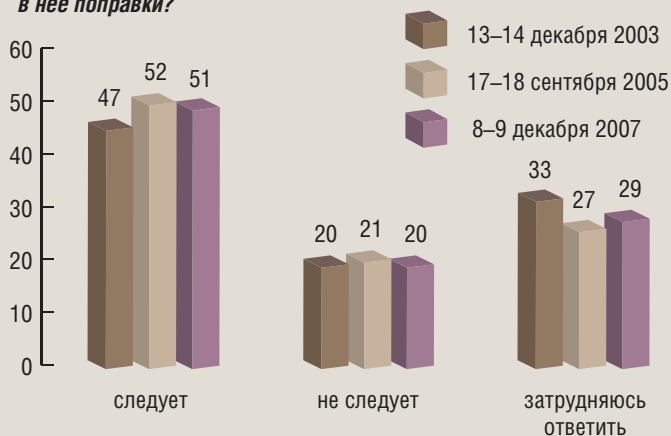
Как Вы думаете, сегодня Конституция нарушается или не нарушается? И если нарушается, то часто или редко?

Одни считают, что Конституцию следует периодически пересматривать в соответствии с требованиями времени. Другие считают, что Конституцию следует пересматривать только в исключительных случаях. С каким мнением — с первым или вторым — Вы согласны?

Время от времени высказываются и обсуждаются предложения о внесении в Конституцию России различных поправок. Скажите, пожалуйста, следует или не следует, по Вашему мнению, сегодня пересматривать Конституцию, вносить в нее поправки?

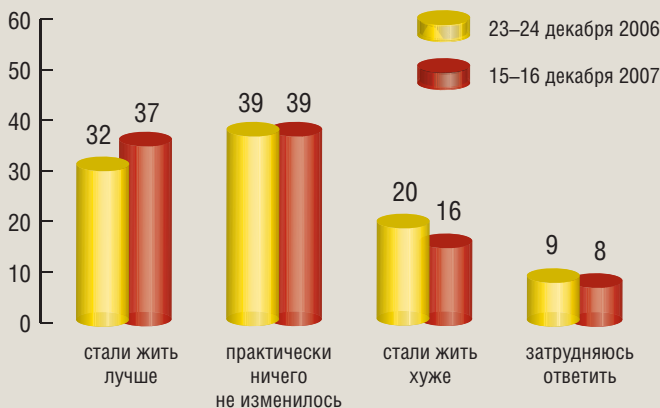

Экономическая ситуация в России: оценки и прогнозы

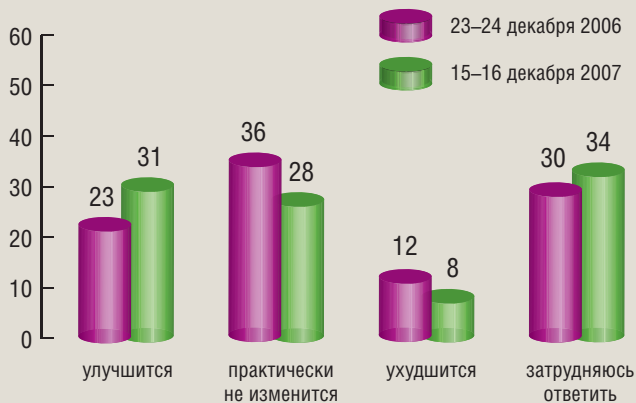
Как Вы считаете, за последний год экономическая ситуация в нашей стране улучшилась, ухудшилась или практически не изменилась?

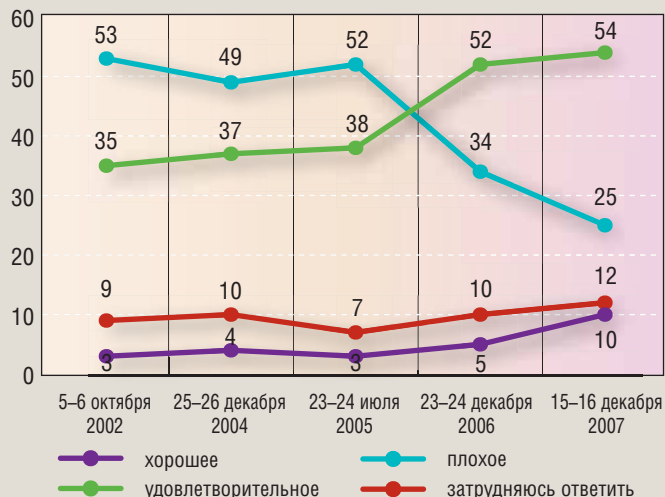
Как Вам кажется, большинство россиян за последний год в материальном отношении стали жить лучше или хуже? Или в этом отношении практически ничего не изменилось?

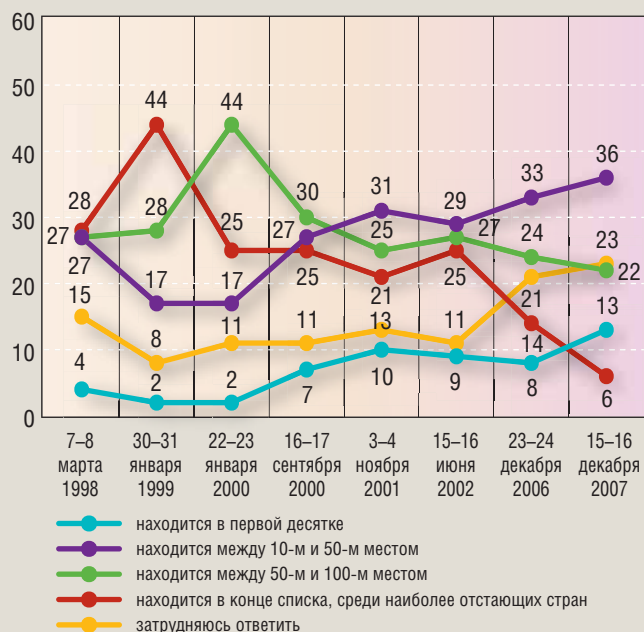
Как Вы думаете, в следующем, 2008 году экономическая ситуация в нашей стране улучшится, ухудшится или практически не изменится?

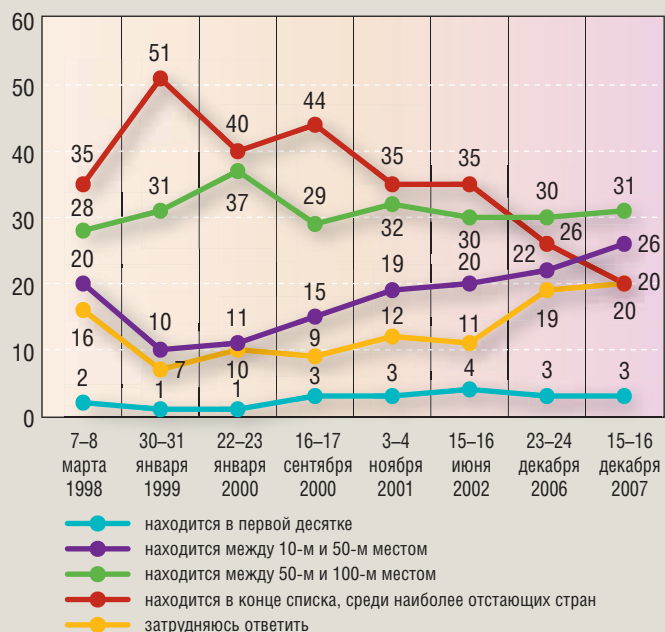
Как бы Вы оценили состояние российской экономики сегодня – как хорошее, удовлетворительное или плохое?

Как Вы думаете, какое место по уровню экономического развития занимает сегодня Россия среди других стран мира?

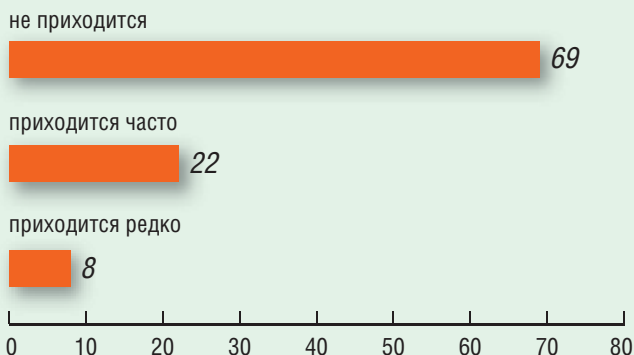

Как Вы думаете, какое место по материальному положению населения занимает Россия среди других стран мира?

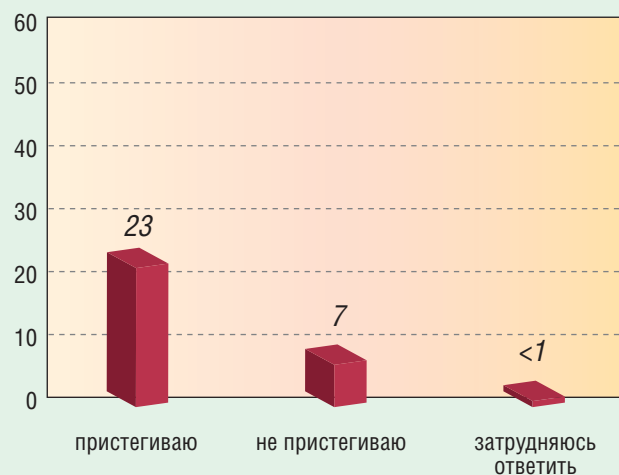

Отношение к автомобильным ремням безопасности

Лично Вам приходится или не приходится ездить за рулем автомобиля? И если приходится, то часто или редко?

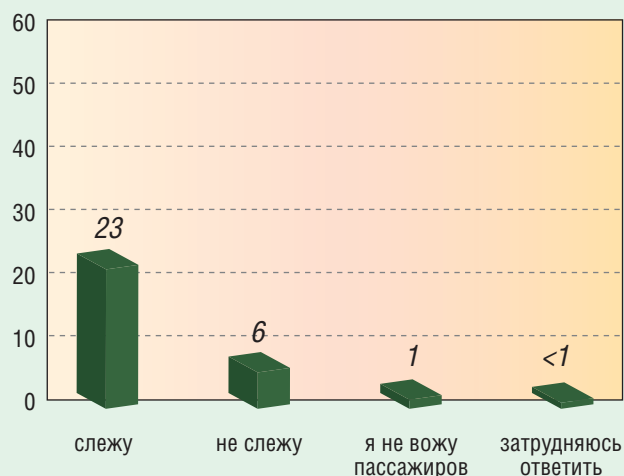

Скажите, пожалуйста, когда Вы едете за рулем автомобиля, Вы обычно пристегиваете или не пристегиваете ремень безопасности? (Ответы заявивших, что им приходится ездить за рулем автомобиля, — 30% от всех опрошенных)

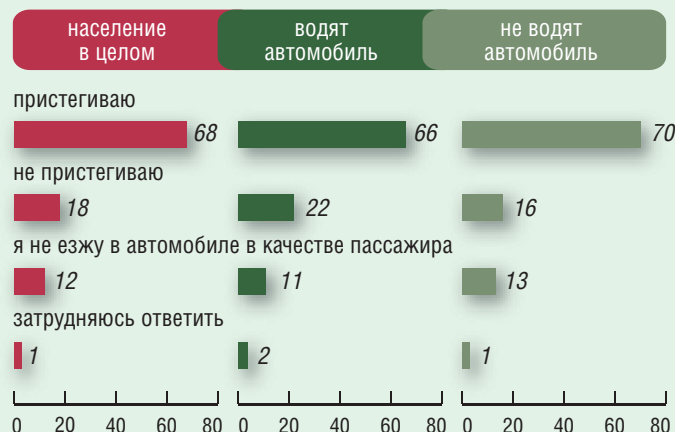

Скажите, пожалуйста, когда Вы едете за рулем автомобиля, Вы обычно следите или не следите за тем, чтобы Ваши пассажиры пристегнули ремни безопасности?

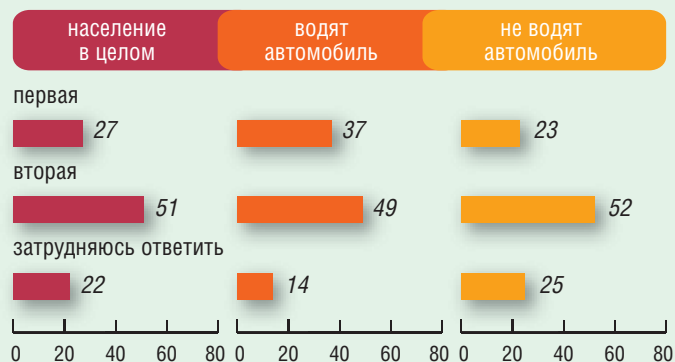
(Ответы заявивших, что им приходится ездить за рулем автомобиля, — 30% от всех опрошенных)

Скажите, пожалуйста, а когда Вы едете в автомобиле в качестве пассажира, Вы, если есть такая возможность, обычно пристегиваете или не пристегиваете ремень безопасности?

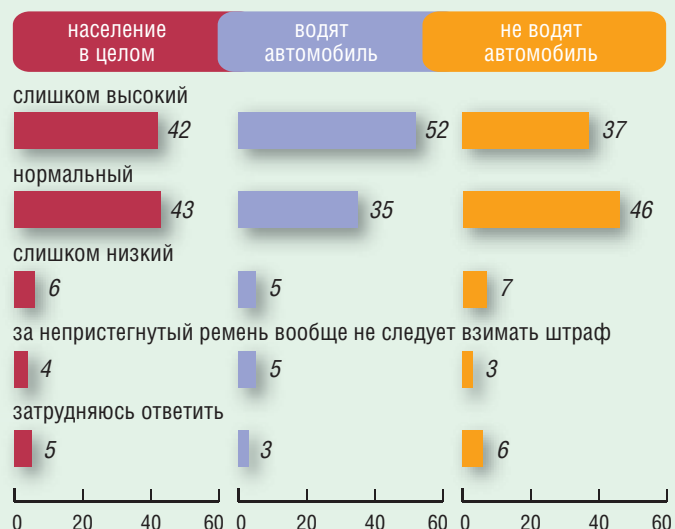

Одни люди считают, что в некоторых ситуациях для водителей и пассажиров опаснее быть пристегнутыми, чем не пристегнутыми. Другие люди считают, что таких ситуаций не бывает, что пристегиваться — всегда безопаснее. Какая точка зрения — первая или вторая — Вам ближе?

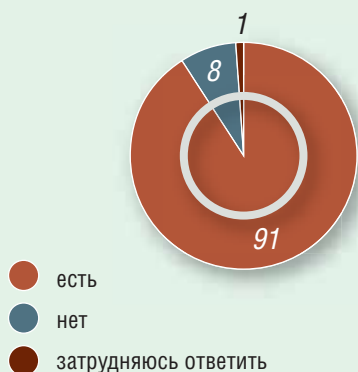
По новому закону штраф за не пристегнутый ремень безопасности составляет 500 рублей.

Как Вы считаете, 500 рублей — это слишком высокий, слишком низкий или нормальный штраф за не пристегнутый ремень безопасности? Или за не пристегнутый ремень безопасности вообще не следует взимать штраф?

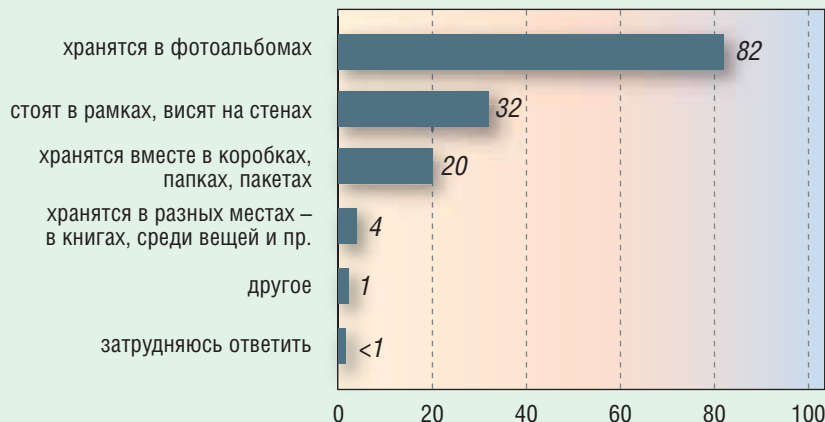

Семейные фотографии в домах россиян

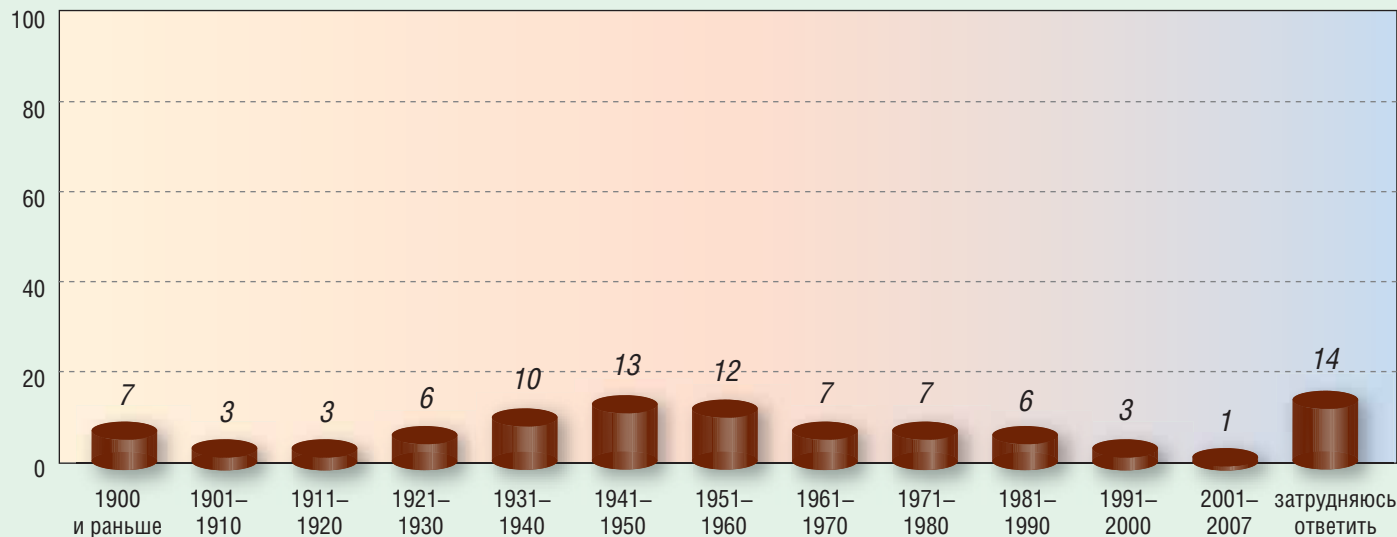
Поговорим о семейных фотографиях – фотографиях Ваших предков, родственников. У Вас дома есть семейные фотографии или семейных фотографий нет?

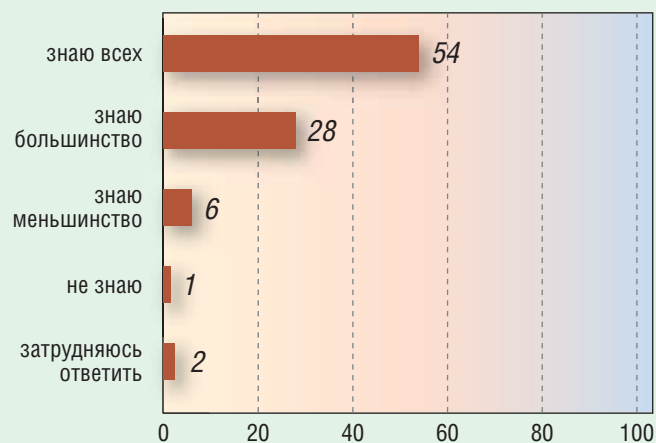
Скажите, пожалуйста, как в Вашем доме хранятся семейные фотографии? (Ответы заявивших, что у них дома есть семейные фотографии, – 91% от всех опрошенных. Карточка, любое число ответов)

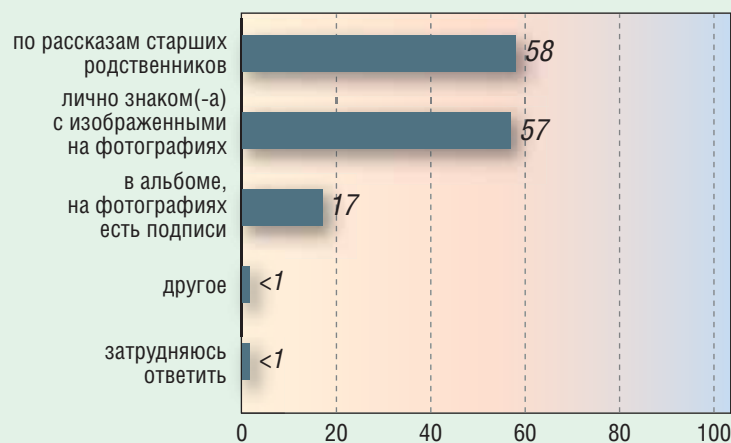
Когда, в какие годы были сделаны самые старые семейные фотографии, хранящиеся у Вас дома? (Ответы заявивших, что у них дома есть семейные фотографии, – 91% от всех опрошенных)

Вы знаете или не знаете, кто изображен на самых старых семейных фотографиях, хранящихся у Вас дома? Если знаете, то всех, кто там изображен, большинство или меньшинство? (Ответы заявивших, что у них дома есть семейные фотографии, – 91% от всех опрошенных)

Откуда Вы знаете, кто именно изображен на самых старых семейных фотографиях, хранящихся у Вас дома? (Ответы заявивших, что они знают хотя бы меньшинство изображенных на самых старых семейных фотографиях, хранящихся у них дома, – 88% от всех опрошенных. Карточка, любое число ответов)

Уровень компьютерной грамотности россиян

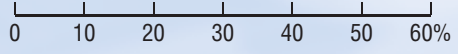
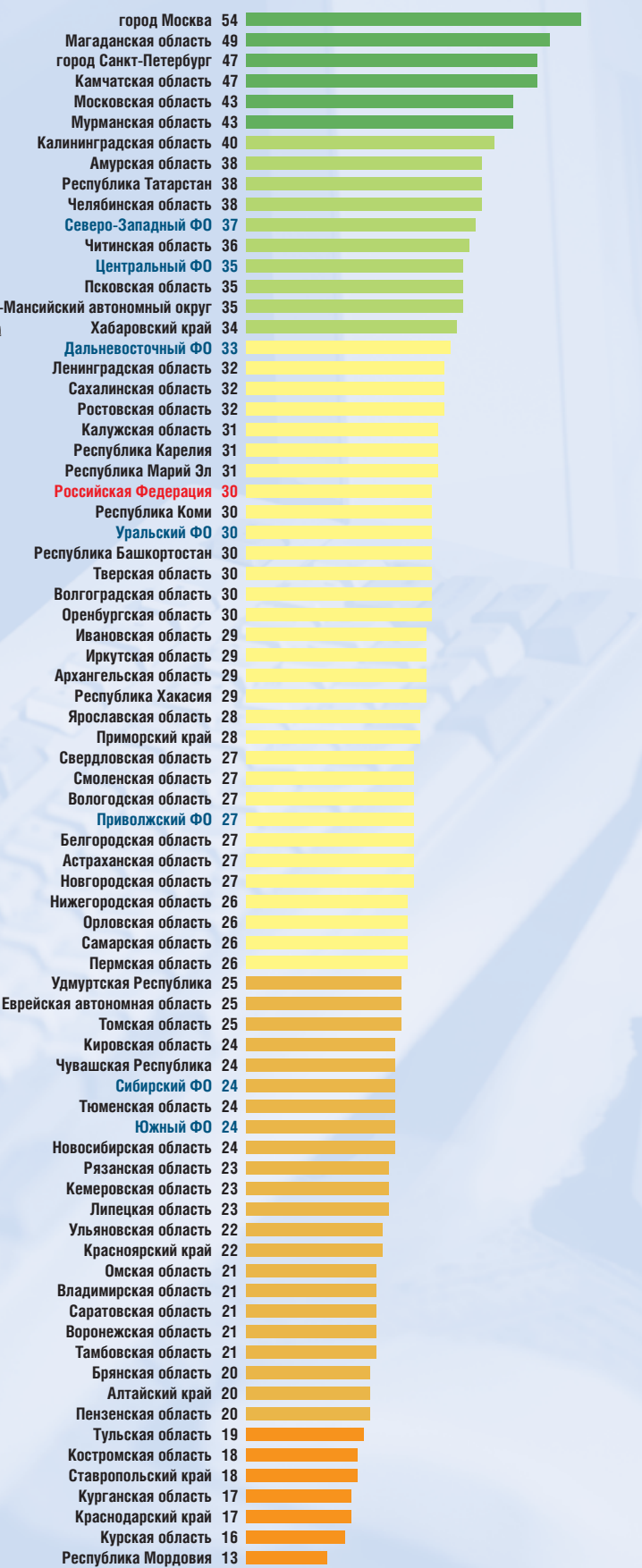
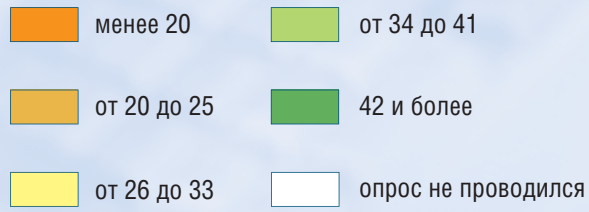
Те, кому за последние два-три года приходилось работать за компьютером

Опрос 25 октября – 11 ноября 2007 года. Выборка: 34 000 человек

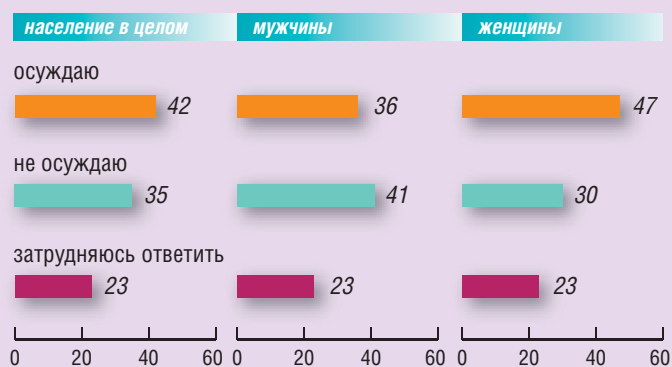

Доля от числа опрошенных, %

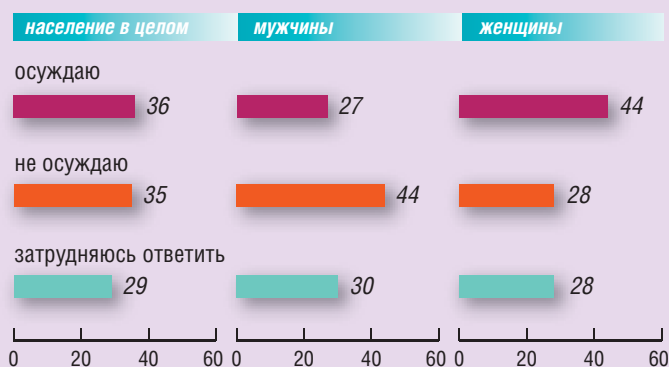

Отношение к проституции

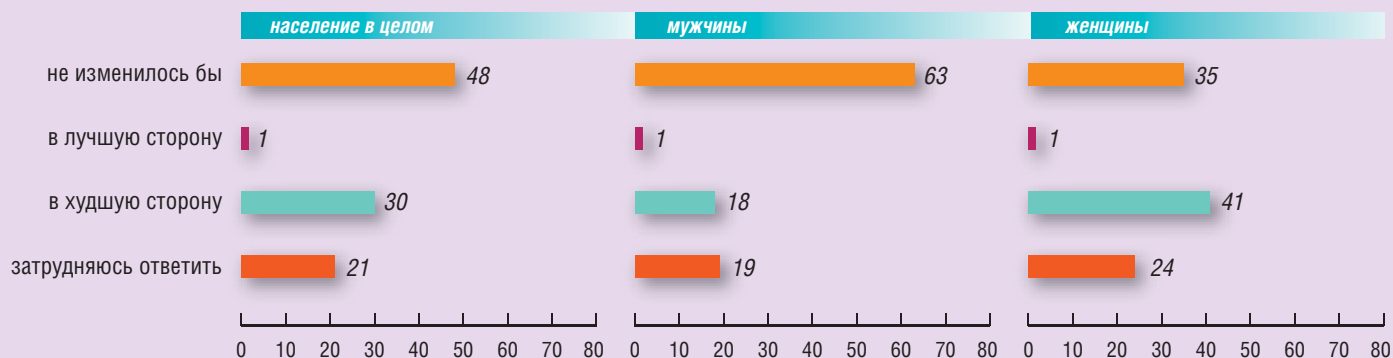
Вы осуждаете или не осуждаете женщин, которые за деньги оказывают сексуальные услуги?

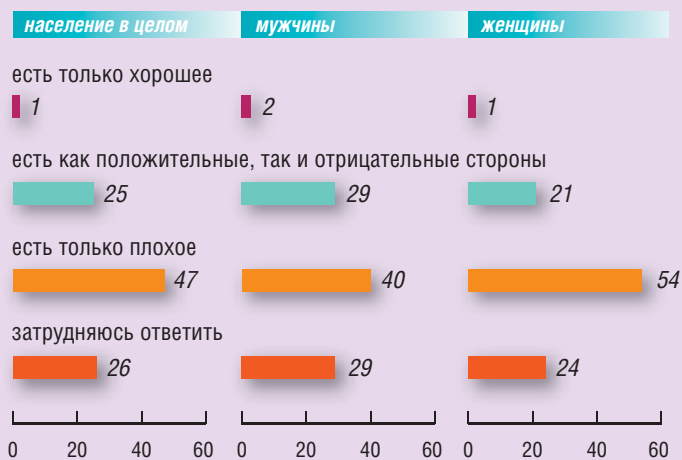
Вы осуждаете или не осуждаете мужчин, которые за деньги пользуются сексуальными услугами?

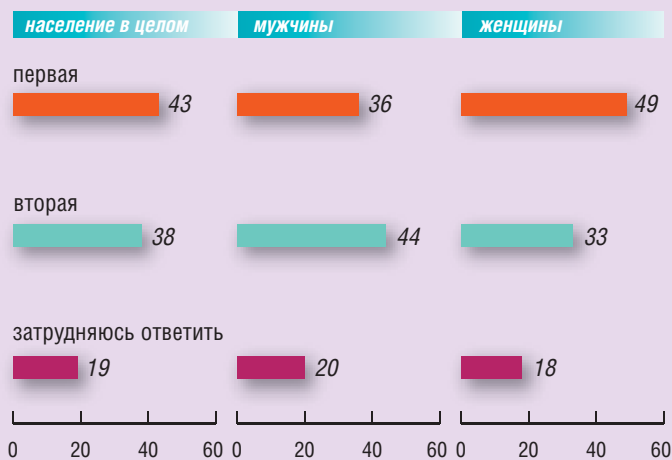
Если бы Вы узнали, что какой-то Ваш знакомый воспользовался услугами проститутки, то Ваше отношение к нему изменилось или не изменилось бы? И если изменилось бы, то в лучшую или в худшую сторону?

Есть разные мнения о проституции как явлении. Одни видят в проституции как явлении только хорошее, другие — только плохое. Третьи считают, что в проституции как явлении есть и положительные, и отрицательные стороны. А как Вам кажется, в проституции есть только хорошее, только плохое, или в проституции есть как положительные, так и отрицательные стороны?

Одни считают, что проституция должна быть запрещена. Другие считают, что проституция должна быть разрешена, но государство должно ее контролировать. Какая точка зрения — первая или вторая — Вам ближе?

→ *Окончание статьи.*

Ученик произносит свои реплики сквозь зубы, но все же достаточно громко. Как ни странно, инцидент достаточно быстро исчерпывается.

Минут за 10 до конца второго урока учительница официально разрешает всем заняться своими делами, выйти в Интернет – всем, кроме тех, кому поставлены “двойки”.

Таким образом, налицо попытки школьников разнообразить, по всей видимости, малоинтересные для них уроки информатики. За два урока минут 20–25 учитель тратит на объяснение нового материала; это делается в начале урока. На освоение и выполнение учебных заданий фактически тратится 15–20 минут. Остальное время проходит за занятиями, имеющими косвенное отношение к образовательному процессу.

* * *

В поле зрения реформаторов, занимающихся вопросами включенности молодежи в интернет-образование, попадают две, казалось бы, мало связанные между собой области, в которых реализуются высокие технологии: развлечения и работа; интересный, несерьезный, игровой отдых – и скучный, серьезный, ответственный труд. Именно они разбивают единый фрейм урока информатики на два конкурирующих дискурса, подробно описанных выше. Это видно на *рис. 2*.

Дети воспринимают компьютер прежде всего как средство для игр, общения, развлечений. В школе же, на уроке информатики компьютер используется как рабочий инструмент, как средство обучения. Это не только создает преграды для вовлечения школьников в процесс овладения компьютерной грамотностью хотя бы на уровне продвинутых пользователей, но и мешает им перейти от вопроса “как использовать компьютер” к вопросу “как использовать компьютер в целях обучения” [Angrist, Lavy. 2002. P. 736]. Пока учитель информатики будет показывать новые программы, погружаться – и погружать детей – в детали работы с ними, пока он не научится соотносить компьютерные навыки с повседневными потребностями ребенка, он не сможет убе-

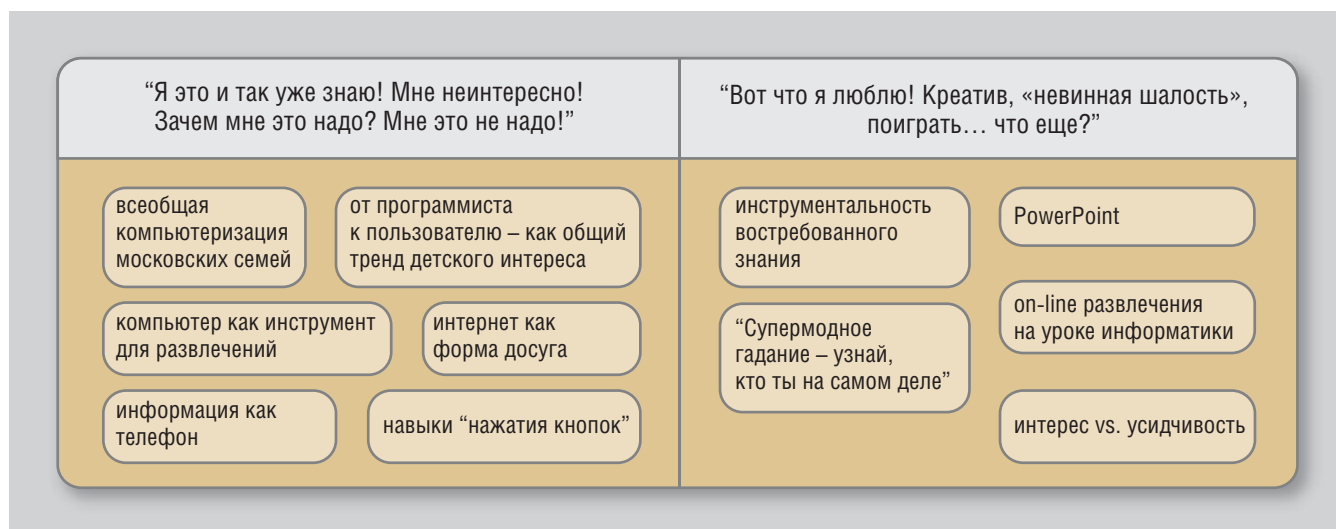

Рис. 2. Ситуационная карта наблюдения за уроком информатики в московской гимназии

дить учеников в том, что им нужны в самом общем виде Турбо Паскаль, таблицы Excel и базы данных Access. Конечно, детям намного интереснее выполнять презентации в PowerPoint.

Подростки активно интересуются современными технологиями, но заучивание тех или иных функций существующих программных продуктов кажется им бессмысленным, поскольку программы быстро устаревают и полученные навыки вряд ли пригодятся. Вероятно, именно эта вполне естественная позиция и приводит к латентному конфликту, блокирующему процесс обучения. Современный ученик ориентирован на знания, применимые здесь и сейчас. Учитель же пытается рассуждать в терминологии будущих, долгосрочных инвестиций.

“ПЛ: А нужно им это сейчас? Может быть, нужно потом?”

ЛС: Потом поздно будет! Они когда приходят в институт, уже считается, что ты знаешь Excel, что ты знаешь основы программирования.

В массе своей считается, что есть вот этот курс (показывает на учебник) – здесь все дали”.

Оставаясь вполне рациональными, подобные рассуждения не выдерживают критики в эпоху быстрого информационного насыщения и возможности альтернативного выбора инструментальных средств для решения тех или иных задач. И учителю информатики остается либо учитывать интерес ребенка к игровой ситуации, следя при этом за разделением досуга и работы, либо формировать альтернативные увлечения, позволяющие детям по-иному взглянуть на программу учебного курса. Безусловно, как первая, так и вторая задачи слишком сложны для учителя, который смотрит на учебную ситуацию сквозь призму обязательной школьной программы.

Здесь встают два близких по сути вопроса: что важнее – теория или практика овладения какими-то программами? Чему и как нужно обучать детей? Если ответ на каждый отдельный вопрос фактически не вызывает сомнения, то при совмещении мы имеем то, что имеем. Теоретические основания, скорее всего, важнее: зная базовые вещи, разобраться в частностях того или иного языка программирования, той или иной программы не составляет труда. Однако что понимать под теорией – отнюдь не праздный вопрос. И простое штудирование учебников – вряд ли лучший выход из положения. Практически же детям важнее уметь работать с конкретными программами, решая частные проблемы. При этом, учитывая фактическую гегемонию компании Microsoft, эти программы можно пересчитать по пальцам. В данном случае применяется следующая логика: для того чтобы смотреть телевизор, мне не надо знать физику процесса.

Так или иначе, сейчас в школе мы наблюдаем смешение двух различных подходов к информатике: пользовательского и экспертного, когда детям, с одной стороны, дают теорию, но при этом и практике уделяют немало времени. Получится ли в данном случае убить одним выстрелом двух зайцев – вопрос, пока остающийся открытым. ■

PowerPoint – одна из немногих программ, изучаемая в рамках курса информатики, которая действительно интересна ученикам. Эту программу они любят и неплохо ей владеют. Она дает возможность реализовать творческое начало, проявить себя

Литература

- Рогозин Д.М.* Ситуационный анализ по Адель Кларке // Человек. 2007. № 1. С. 38–48.
- Щеглова С.Н.* Особенности адаптации школьных учителей к ценностям информатизации // Социологические исследования. 2006. № 8. С. 115–120.
- Alghazo I.N.* Quality of internet use by teachers in the United Arab Emirates // Education. 2006. Vol. 126. No. 4. P. 769-781.
- Angrist J., Lavy V.* New evidence on classroom computers and pupil learning // Economic Journal. 2002. Vol. 112. P. 735-765.
- Fevergeon J., Dbarkar A.* Distributed learning: Motivated classrooms // Proceedings of Society for Information Technology and Teacher Education International Conference 2002 / Ed. by C. Crawford et al. Chesapeake, VA: AACE, 2002. P. 1322-1323.
- Franklin Cb.* Factors that influence elementary teachers use of computers // Journal of Technology and Teacher Education. 2007. Vol. 15. No. 2. P. 267-293.
- Gordon T., Holland J., Labelma E.* Ethnographic research in educational settings // Handbook of ethnography / Ed. by P. Atkinson, A. Coffey, S. Delamont, J. Lofland, L. Lofland. London: Sage, 2001. P. 188-203.
- Hills P., Argyle M.* Uses of the Internet and their relationships with individual differences in personality // Computers in Human Behavior. 2003. Vol. 19. P. 59-70.
- Jackson P.* Life in the classroom. New York: Holt, Rinehart & Winston, 1968.
- Marcovitz D.* Making PowerPoint using VBA to add interactivity // Proceedings of Society for Information Technology and Teacher Education International Conference 2003 / Ed. by C. Crawford et al. Chesapeake, VA: AACE, 2003. P. 2765-2767.
- Odell P.M., Korgan K.O., Schumacher P., Delucchi M.* Internet use among female and male college students // Cyber Psychology & Behavior. 2000. Vol. 3. No. 5. P. 855-862.
- Waxman H.C., Padron Y.N.* The use of the classroom observation schedule to improve classroom instruction // Observational research in U.S. classrooms: New approaches for understanding cultural and linguistic diversity / Ed. by H.C. Waxman, R.G. Tharp, R.S. Hilberg. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 72-96.
- Woods P.* The divided School. London: Routledge, 1979.
- Woods P.* Researching the art of teaching: Ethnography for educational use. London: Routledge, 1996.

У каждого времени свой Успех и свои Герои. В одну эпоху ценится воинская слава, в другую – личное благосостояние, в третью – социальное положение и статус. Одни эпохи возводят в ранг сверхценности уникальность и побуждают быть “лучше всех”, другие, напротив, стремление выделиться табуируют и награждают умение быть “одним из миллионов”. В определенные времена и в определенных слоях общества даже сама по себе интенция “стремления к успеху” может стать антиценностью (не говоря уж о том, что по отношению к некоторым культурам категория “успеха” просто неприемима, – но здесь мы исходим из постулата, что культурная модель, доминирующая сегодня в нашей стране, не такова).

Так или иначе, каждое поколение создает и отстаивает свою версию Успеха – истории и образцы, которые становятся ориентирами при построении собственной жизни и критериями ее оценки в конце (“я много достиг / достигла”, “я прожил / прожила хорошую жизнь”).

Знания vs положение: поколенческие проекты Успеха

Кто более успешен – придворный мудрец или глупый король?

При первом взгляде на то, как интерпретируется категория “успеха” участниками проведенных нами групповых дискуссий¹, различия между позициями разных поколений в глаза не бросаются: пожилые хоть и говорят, что молодые стали более меркантильными и карьероориентированными, в собственное понимание успеха включают те же продвижение по службе (или по партийной линии), материальное положение, квартиру. Вот пример.

“Когда мы маленькие были, не было у нас отдельных квартир, не было машин, не было дач. Сейчас у старшего поколения, вот нашего поколения, уже это все есть, правильно ведь? Мы же чего-то достигли, мы достигли определенного успеха” (ДФГ, Москва).

Но при ближайшем рассмотрении обнаруживаются несколько принципиальных межпоколенческих различий, определяющих все остальные суждения об успехе.

Первое глубинное отличие состоит в том, что, с точки зрения старшего поколения, показателями жизненного успеха являются уже сами по себе хорошее

выйду, может, я... если мальчик, то может, он просто подумает как-то устроиться лучше в жизни, понимаете? За счет друзей, за счет знакомств старшего поколения – вот у них, понимаете, как” (ДФГ, Москва). “У него должна быть нормальная квартира, хорошая машина. Это тоже успех, этого надо добиваться, и очень большим трудом” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Для молодого поколения не имеет принципиального значения, за счет чего успех достигнут, главное – что он достигнут. Кроме того, молодежь не согласна с установкой, что успех приходит только с сединами, и ориентирована на более раннее его достижение; молодые не считают зазорным воспользоваться подвернувшейся возможностью и сразу взлететь на вершину.

“Модератор: Что такое успешный человек в представлении молодых людей? Участник ДФГ: Когда все есть: деньги, квартира, машина. Хотя ему, может, родители помогли, – ему все завидуют, что он успешный” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Вот как очертили этот водораздел сами участники фокус-групп.

“Модератор: Получается, что различий нет?! Я не вижу различий между представлениями об успехе представителей молодого и старшего поколения.

1-я участница: Кое-что есть. Я уловила.

Модератор: В чем различие?

1-я участница ДФГ: Молодые хотят, чтобы все было быстро. А другие [старшее поколение] любят смаковать.

Модератор: Правильно ли я поняла, что для молодых неважно, собственным ли трудом или нет достигнут успех, а для старшего поколения важно, чтобы успех был достигнут собственным трудом?

2-я участница ДФГ: Когда мы поднимались, то да. А сейчас неважно, как ты заработал эти деньги. Сейчас такая тенденция идет: неважно, как ты заработал деньги: украл или честно заработал” (ДФГ, Санкт-Петербург).

В целом можно было бы сказать, что старшее поколение делает акцент на профессиональной компоненте успеха, а молодое – на материальной (в принципе, ничего нового). Но мы предложим еще один ракурс рассмотрения темы.

Обратим внимание: в представлении старшего поколения достижение успеха зависит от умения соответствовать норме, правильно пользоваться каналами социальной мобильности, встроиться в систему. А вот в представлении молодых успех зависит от умения разглядеть нестандартные возможности и вовремя оседлать удачу – не обращая особого внимания на правила, по которым играет большинство. Это неудивительно: ведь в советское время пути достижения успеха были куда более жестко регламентированы, а следование им считалось куда более обязательным,

чем ныне, а тем более – чем в 90-е годы. Старшее поколение интериоризировало норму, согласно которой путь к успеху – это преодоление лестницы ступенька за ступенькой. Причем этот алгоритм предполагает, что в идеале успеха может достичь каждый. Для молодого же поколения, выросшего в ситуации соци-

Представители старшего поколения склонны ценить только успех, оплаченный многими годами тяжелого, упорного труда. Для молодого поколения не имеет принципиального значения, за счет чего успех достигнут, главное – что он достигнут

альной аномии и слома традиционных систем социальной мобильности, шествие к успеху куда более похоже на игру в рулетку – причем заранее известно, что выигрыш достанется далеко не всем.

Именно в силу этих ценностных различий старшее поколение довольно презрительно отзывается о понимании успеха молодыми, зачисляя последних в лучшем случае в выскочки. В словах пожилых участников фокус-групп сквозит тоска по ушедшей норме, которую в окружающем социальном порядке они не находят.

“Купить иномарку – это успех, сделать успех. То есть вот сейчас успех – допустим, купить иномарку; вот садится на иномарку – и разбивается там, да, через... То есть успех бывает, он бывает, может быть, это не нужно, ему этот успех не нужен, да, то есть он призрачный успех, но зато он ярко выражен. Хотя бы вот эту неделю он проживет, как бы ему говорится, самым таким, да... Призрачный успех” (ДФГ, Москва).
“Больше своровал – значит, более успешный, все” (ДФГ, Воронеж).

Сами же молодые люди считают себя просто более гибкими в отношении установки на успех, чем старшее поколение.

“Мне кажется, что сейчас просто мировоззрение другое – более гибкое: если я не могу так пойти – пойду по-другому, не нравится на этой работе – пойду на другую. Сейчас молодежь более гибкая. А в советское время, если я выучился на инженера, иду в конструкторское бюро” (ДФГ, Санкт-Петербург).

И еще. По материалам фокус-групп складывается впечатление, что отличие в понимании успеха между нынешним поколением 20–30-летних и поколением их отцов и дедов можно было бы определить расхожей фразой: “Если ты такой умный, то почему такой бедный?” Молодое поколение уверено: когда человек действительно умеет хорошо делать свое дело, то успех, а вместе с ним и достойный заработок приложатся сами собой. Говоря по-другому, молодые уверены: быть просто профессионалом *недостаточно* – нужно уметь найти достойное применение своим талантам, выгодно себя продать. В понимании же старшего поколения *достаточно* быть просто профессионалом – это уже и есть успех. Можно сказать, что межпоколенческие различия в понимании успеха связаны в том числе со смещением акцента с личных качеств человека на его способность выделиться.

Мужское и женское: есть ли различия?

На уровне социальных стереотипов сохраняется представление, согласно которому успех, а в особенности успех публичный – это мужская прерогатива; женщине же важнее сохранять семейное благополучие. Между тем на уровне индивидуальных ценностей и установок гендерная специфичность в понимании успеха практически не просматривается. И женщины, и мужчины, принимавшие участие в групповых дискуссиях, в равной мере склонны были в первую очередь говорить об успехе профессиональном. Некоторые из уча-

В представлении старшего поколения достижение успеха зависит от умения соответствовать норме, правильно пользоваться каналами социальной мобильности, встроиться в систему. В представлении молодых успех зависит от умения разглядеть нестандартные возможности и вовремя оседлать удачу – не обращая особого внимания на правила, по которым играет большинство

стниц дискуссии действительно называли своим успехом главным образом благополучие собственных детей (*“Успех – это вырастить детей, дать им образование. Я двоих вырастила – это тоже успех”*), однако, повторим, это скорее частное, чем общепринятое, понимание. Не просматривается каких-либо различий и в мере значимости успеха для обоих полов.

Да и сами респонденты говорили, что сейчас различия в критериях успешности мужчин и женщин стираются – и, как правило, эта точка зрения не встречала возражений. Вообще, по высказываниям дискуссионтов хорошо заметно, что мнение об устойчивости и мнение о размывании гендерно-специфичных моделей успеха – это не противоборствующие и не взаимоисключающие точки зрения. Просто те респонденты, кто говорит о гендерных различиях в понимании успеха, акцентируют внимание именно на социальной, внешней, традиционной оценке успешности человека.

“Мне кажется, что в обществе «классика жанра»: у мужчины – деньги и карьера, у женщины – семья и дети. Если у женщины к какому-то возрасту нет семьи, но с карьерой все нормально, это считается, что у нее что-то не так. А если у мужчины к этому же возрасту есть деньги и карьера, но тоже нет семьи, он все равно молодец” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Те же, кто ведет речь о размывании границ в понимании успеха, подразумевают, что сами люди уже не хотят поддерживать “классические” нормативные модели гендерной успешности.

“Вы знаете, мне кажется, что сейчас очень много людей, у которых и у мужчин, и у женщин совпадают <представления об успехе>. То есть они вместе хотят себе сначала карьеру, и потом – семья. То есть нельзя сказать, что разница какая-то. То есть, может быть, на первом этапе это карьера, на втором там – семья, дети” (ДФГ, Москва).

Некоторые, правда, считают, что женщины выходят на тропу успеха и стремятся к карьерным достижениям совсем не по доброй воле, а вынужденно – в силу того, что мужчины начинают применять по отношению к ним собственные критерии успешности.

“А сейчас – наоборот, сейчас если ты чего-то не достигла, нет гарантии, что мужчина в любой момент не скажет: слушай, ты не достигла ничего, я тебя бросаю, ты мне не нужна. Вот в чем дело-то. Поэтому сейчас женщина стремится к карьере” (ДФГ, Москва).

Признаки успеха: личное удовлетворение, общественное признание

В ходе дискуссии выявилась коллизия в определении критериальных параметров успеха. Что считать успехом: то, что человек лично для себя определяет как таковой, или то, что утверждается в качестве успеха социальными нормативами? Респонденты подчеркивали, что нередко эти две перспективы не просто не совпадают, а даже противоречат друг другу.

“1-я участница: Успех – это оценка общества. Социум говорит: если ты добился того, того, того, значит, ты успешен.

2-й участник: А человек при этом может быть неудовлетворен.

1-я участница: *Да, всем кажется, у него есть одно, второе, пятое, а он на самом деле чувствует себя несчастным*” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Результат может быть, а удовлетворенности нет. Например, маме нужно было, чтобы я окончила институт. Я закончила – мама довольна, но у меня удовлетворения нет. С точки зрения общества это можно назвать успехом, а сличной точки – нет” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Любопытно, что при этом многие участники фокус-групп (если не большинство) отстаивали точку зрения, согласно которой “успех” – понятие исключительно индивидуальное, а критерии успеха или неуспеха может установить – и устанавливает – каждый сам для себя.

“Кто-то доволен тем, что он работает на высокооплачиваемой работе, кто-то – тем, что он три вуза закончил, кто-то стал президентом, кто-то доволен своей тихой работой где-то в деревне в огороде. Поэтому если человек довольствуется тем, чего он достиг, значит, он достиг успеха” (ДФГ, Воронеж).

Впрочем, с этим пониманием успеха соглашались далеко не все. На каждой из трех фокус-групп находились желающие возразить: все же успех так или иначе сопряжен с социальной, внешней оценкой человека и предусматривает общественное признание достижений.

“Это все равно что спрятаться под колпачок и говорить: я успешный, потому что мне хорошо” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Хочется, чтобы то, что ты делаешь, нужно было людям, и когда тебя положительно оценивают, – это часть успеха. Потому что, ну я не знаю, просто так делать что-то для себя можно, конечно, но в принципе это все равно что жить одному и не выходить, дома сидеть” (ДФГ, Москва).

Вообще, складывается впечатление, что и большинство приверженцев “личной” концепции успеха склонны были бы согласиться: без стороннего признания успех не будет успехом. Больше того, многие главным критерием успешности называли память, оставленную о себе во времени. И даже те, кто утверждал, будто лично для них успех – понятие чисто внутреннее, духовное, в иные моменты дискуссии оговаривали, что все же хотели бы получить признание, – причем не когда-либо через поколения, а сейчас, при жизни. Например, одна из участниц питерской фокус-группы рассказывает о своем намерении написать книгу и утверждает, будто ей важнее личное удовлетворение, чем попадание в списки бестселлеров. Правда, при этом она несколько раз замечает, что рассчитывает на последующее признание.

1-я участница: *Хочу книжку написать.*

Модератор: *И в чем будет успех?*

1-я участница: *Чтобы она потом вела другие поколения.*

2-я участница: *Да, книжку написал, а она лежит – вроде дело сделано, а удовлетворения нет. Будет ли это успех?*

1-я участница: *Да, может быть, для меня это будет успех, буду надеяться, что через поколения ее оценят. Тут важно личное удовлетворение”* (ДФГ, Санкт-Петербург).

Позднее же, по ходу дискуссии, эта же респондентка признает, что считает себя только наполовину успешной, поскольку у нас нет общественного признания.

“Потому что у меня есть, с одной стороны, что мне дал Бог, а с другой стороны, я не вижу, для чего это нужно, кто это будет читать” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Несуществующая модель

Вообще получается, похоже, что общепринятой референтной модели успеха сегодня не существует. У респондентов нет представлений о биографическом проекте, который однозначно соответствовал бы понятию успеха, иллюстрировал его, как нет представлений и о линии жизни, которая однозначно приводила бы к успеху.

В частности, об отсутствии общепринятого представления об успехе свидетельствует тот факт, что модераторам стоило больших трудов добиться от дискуссионных сколько-нибудь содержательных определений успеха. Участники групп давали очень общие определения (“успех – это достижение целей”, “когда желания исполняются, то, что ты задумал”) и настаивали на том, что “успех” – категория индивидуализированная и ситуационная, наполняемая в зависимости от личностных предпочтений и жизненных обстоятельств.

“Я смотрю на свою дочку, на ее друзей, ну им так 19–20 лет – вот у них очень разное у всех... Некоторые считают, что выйти замуж сразу – вот для них это вот успех на данном этапе. То есть они учатся, но это для них ничего... Некоторые – ну, связана с журналистской профессией – издают в газетах, печатаются в разных известных газетах, для них это очень большой успех. А третьи просто учатся и считают, что они, вот для них успех – там они вот окончат институт, и у них вот дальше уже что-то будет, наверное, пока для них это успех – поучиться и получить диплом” (ДФГ, Москва).

“Вы знаете, <у старшего поколения> да, вот для кого-то – сохранение <семьи>, у кого дети более взрослые, даже, ну, семья, даже знаете, кто-то в карьере ударяется, наоборот. <...> Некоторые, наоборот, идут в карьеру, создав семью, вырастив детей, наоборот, для них становится опять <важна> карьера. То есть она может опять появиться на определенном этапе, и они уже могут ее дальше и дальше до старости, и быть, как говорится, карьеристом больше (такое слово не очень хорошее). То есть, ну, тоже определенно для кого-то, что такое карьера. Кто-то останавливается, кто-то вот дальше продвигается” (ДФГ, Москва).

При этом практически каждый из участников фокус-групп заявлял, что его личное понимание успеха однозначно отличается от “общепринятого”. Значит, некая общепринятая модель успеха все же существует – но существует как модель негативная: принято не ориентироваться на нее, а противопоставлять ей свое представление об успехе. Вычленив эту фантомную модель несложно: карьерный рост и сопутствующие ему социальное положение, материальный достаток.

В чем же смысл такой негативной модели, почему сохраняется миф о ее общепринятости, если на практике мало кто готов признать ее личной моделью успеха (хотя некоторые все же готовы)?

На наш взгляд, эта модель может служить механизмом повышения самооценки в ситуации, когда большинство людей объективно не способны достичь карьерного успеха или не хотят прикладывать усилия для его достижения. И утверждая, что продвижение по службе ему не нужно (и более того – что в таком продвижении есть что-то неприглядное), человек получает возможность выше оценить собственные жизненные достижения, сколь бы скромными они ни были.

Важно подчеркнуть, что сами респонденты обычно стараются дистанцироваться исключительно от “карьерного” понимания успеха – и только от него. Приведем пару характерных примеров.

“Я, в отличие от других, не стремлюсь делать взлет по карьерной лестнице. Вот если мне нравится быть рядовым преподавателем, я не хочу стать ректором, я не хочу стать депутатом, я не хочу стать президентом. Любой другой человек понял бы карьеру как: преподаватель – завкафедрой – замдекана – декан – проректор, вот этого у меня нет. У меня нет рвения к достижению карьеры по головам других, никогда” (ДФГ, Воронеж).

“Мне неоднократно говорят: почему вот ты там то не сделал, другое не сделал, почему там вот не занял такой-то пост там, либо еще что-то такое, вот, а... Ну, в том отличие, что я вот уже лет 30, наверное, сижу на той же самой единице и в общем не стремлюсь вылезти вверх. Это некоторых удивляет, неоднократно мне предлагали то, предлагали другое, но я как-то так решил, что, ну, не нужно это. Тем более я всегда стараюсь сделать только то, что я знаю хорошо, а не... А очень часто видно, что из тех, кого там назначили кто-то, – они не знают таких вещей, не понимают и делают глупости” (ДФГ, Москва).

Что же касается трактовки статусных или материальных достижений как значимых компонентов успеха, то эта модель пользуется признанием даже среди представителей старшего поколения.

“Всегда любой успех связан с материальным только. Без этого нельзя. <...> Это и деньги, это и положение, это и... Одно от другого отделить невозможно. Если имеешь успех, значит, должен иметь деньги, если имеешь деньги, должен иметь уважение, если имеешь уважение, то... Это цепочка одна” (ДФГ, Москва).

Стремиться – надо, достигать – нельзя

Вообще установки россиян в отношении успеха на сегодня лучше всего описываются парадоксальной, на первый взгляд, формулой: стремиться к успеху обязательно, а вот достигать успеха со всеми его “формальными” признаками – нельзя. Сегодня в России у категории “успех” нет ценностного антипо-

У респондентов нет представлений о биографическом проекте, который однозначно соответствовал бы понятию успеха, иллюстрировал его, как нет представлений и о линии жизни, которая однозначно приводила бы к успеху

да – если человек не достигает успеха, он не получает клеймо неудачника. Напротив, сам по себе успех зачастую маркируется как отклонение от нормы и осуждается.

И действительно, сознательная установка на отказ от достижения успеха не считается постыдной. Как мы видели выше, некоторые участники фокус-групп заявляли, что к успеху не стремятся, но фактически они отказывались от *достижения* успеха – того самого, “общепринятого”. Приведем еще одну цитату.

“Смотря чем человек занимается. Если он просто сидит на лавочке и в носу ковыряет, конечно, это плохо. А может быть, я книжки читаю – и это нормально, или песни пою – и это тоже нормально. Смотря кому что нравится. Мне вот так нормально. Без всяких там... Мне так удобно” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Были и такие, кто с жалостью и осуждением отзывался о людях, ориентированных на успех, – называли их ограниченными, скучными. Подчеркнем: они говорили все о том же “традиционном” понимании успеха.

“Я смотрю на своих приятелей успешных – мне с ними скучно на самом деле. Они вперты в одном направлении, а я человек творческий, мне многое интересно. Личная свобода для меня важнее гораздо. Я очень рад, что я достиг того момента, когда я могу позволить себе не изменять самому себе. У меня есть куча друзей якобы успешных, признанных обществом, но мне с ними скучно. Поэтому я к ним никак не отношусь: здравствуй, до свидания – и все. Мне с ними скучно. В традиционном понимании успешного человека” (ДФГ, Санкт-Петербург).

При этом личная успешность является для россиян безусловной ценностью – себя участники фокус-групп, за редким исключением, считают людьми успешными, и это для них значимо. Как возможна ситуация, когда достичь успеха нельзя, но быть успешным – нужно? Несмотря на все различия в определении успеха и его критериев, несмотря на утверждения об исключительной ситуационности и индивидуализированности этой категории, некоторые общие моменты в интерпретациях успеха все же просматриваются. Основным моментом заключается в том, что респонденты предпочитают говорить не о достижении успеха, а о стремлении к нему.

“Успех – когда человек стремится куда-то вперед, вперед, вперед” (ДФГ, Москва).

“Успешный человек – это тот, который реализует свои мечты, задачи” (ДФГ, Москва).

Обратим внимание на характерную лексику последнего высказывания: респондент употребил глагол в настоящем времени – “реализуЕТ”, а не в прошедшем – “реализоВАЛ”.

Характерно, что отсутствие достойных целей, с позиции респондентов, ставит под сомнение успешность человека – каких бы высот он перед этим ни достиг.

“Артистку тут показывали, каскадерша, она была единственной каскадером вообще, женщин не принимали каскадеров. Она добилась тоже, как говорится, страданиями, переломами и прочее, и прочее – ее приняли в эту ассоциацию. Сейчас она свою школу каскадеров сделала. Ну она гово-

рит: <...> я хотела это, поставила себе задачу... чтобы быть каскадером. Я все решила, у меня школа своя, я обучаю, беру девочек, мальчиков в эту школу. Вот, я вроде бы достигла, все, я считаю, а вот чего мне дальше делать, я не знаю. Вот как это – успех это называется или не успех?” (ДФГ, Москва).

Именно в силу такого понимания успеха респонденты с сомнением отзывались о любой “формуле успеха” – потому что в любой формуле есть некая законченность, завершенность.

“И останавливайтесь на этом успехе, да? Вот ты собрала это все и на достигнутом замолчала... Нет дороги дальше никуда” (ДФГ, Москва).

И именно в силу такого понимания они затруднялись сформулировать конкретные признаки успеха. Даже те, кто критерием его достижения называл денежный достаток, позднее по ходу дискуссии сами себе противоречили: “самое интересное – критерия успеха не существует”, “нет, нет, я критерий не смогу найти”; ведь за одной достигнутой целью немедленно появляется следующая: “потому что чем больше хочешь, тем... Это как все равно что стал миллионером, миллиардером, но ты хочешь стать сикстимиллиардером”.

Можно сказать, что признание в “достижении успеха” респонденты воспринимают как своего рода подведение итогов, окончательный вердикт – новых высот уже не достичь, стремиться больше не к чему, жизненный путь подходит к финалу. Посему, рассуждая о личной успешности, участники фокус-групп предпочитали говорить не о достижении успеха, а об обладании успехом – и одновременно о непрестанном стремлении к нему.

Характерно, кстати, что среди участников массового опроса на ту же тему² лично себя достигшими успеха чаще других признают отнюдь не молодые люди, как можно было бы ожидать, а люди пожилые – всего 13% в группе 18–35-летних по сравнению с 37% в группе 55 лет и старше: у первых успех еще впереди, у вторых – уже позади.

В отсутствие же четких критериев достижения успеха движение к нему превращается в путь саморазвития и самосовершенствования – и именно таким образом участники фокус-групп предпочитали трактовать понятие успеха.

“Успех – это когда реализованы (удачно, конечно, реализованы) все намеченные дела, планы и так далее, и когда сам реализовался и состоялся как личность” (ДФГ, Москва).

“Человек успешный должен уметь самореализоваться, то есть как бы то, что человек самореализуется, вот, то, что он растет, – это вот успех” (ДФГ, Москва).

При таком понимании успеха критерием его достижения или не-достижения может быть только внутреннее самоощущение человека. И действительно, респонденты считают, что успех связан с ощущением удовлетворенности от жизни и в отдельности от него не существует. Проще говоря, бытует убеждение,

Установки россиян в отношении успеха на сегодня лучше всего описываются парадоксальной, на первый взгляд, формулой: стремиться к успеху обязательно, а вот достигать успеха со всеми его “формальными” признаками – нельзя

² Общероссийский опрос населения 15–16 сентября 2007 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов). Дальше по умолчанию приводятся данные этого опроса.

что несчастного человека нельзя признать успешным, а успешный должен быть счастливым.

“Когда все хорошо, когда деньги есть”; “чтоб получать удовлетворение”, “чтоб на душе было хорошо”, “успех – это когда делаешь любимое дело и при этом получаешь за это”, “я двоих вырастила – я получила то, что хотела”; “да, я считаю себя успешным: у меня есть нормальная работа, я неплохо зарабатываю, и недавно у меня родилась дочка... я успешен; то, что я хотел, у меня все идет нормально” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Относительно ценности и нормативности стремления к успеху разногласия не возникает: все соглашаются, что человек должен к чему-то стремиться и должен стараться устроить свою жизнь, если в ней случаются какие-то сбои.

Доминирующий тип отношения к людям, не стремящимся к успеху, – нечто вроде снисходительности с легким оттенком жалости и презрения; о таких людях отзываются как о каких-то не вполне полноценных – как о тех, с кем

что-то не так, не в порядке.

“Мне кажется, что кто не стремится к успеху, это те люди, которые в определенном возрасте перестали развиваться, то есть остановились в своем развитии, деградация” (ДФГ, Москва).

“Если хотите жить, как растение, тогда <можно не стремиться к успеху>” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Складывается даже впечатление, что респонденты пытаются максимально дистанцироваться от своих не-успешных и не стремящихся к успеху знакомых, дистанцироваться как от источника болезни или скверны – или хотя бы продемонстрировать дистанцированность.

“Мы просто с такими, которые не стремятся, не общаемся, нам это неинтересно. Если они даже появляются, мы стараемся от них уйти” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Насколько распространено сегодня стремление к успеху?

По косвенным данным можно предположить, что доля абсолютно не стремящихся к успеху россиян составляет более трети: 37% участников упомянутого выше массового опроса заявили, что не строят планов ни на ближайшее, ни на отдаленное будущее. Правда, львиную долю среди них составляют люди преклонного возраста – а в этой группе треть (37%) утверждают, что уже добились успеха в жизни. Но все же и среди людей активного возраста доля не строящих планов и, можно предположить, плывущих по течению не так уж мала – 15% среди 18–35-летних и 33% среди 36–54-летних респондентов.

Что касается представлений самих россиян о распространенности стремления к успеху в нашей стране, то преобладает мнение, что сегодня большинство наших сограждан к успеху *стремятся* (его придерживается более половины – а именно, 58% опрошенных); мнение, что большинство составляют те, кто *не стремится* к успеху, поддерживает один из каждых четырех-пяти респондентов (22%).

В целом россияне склоняются к мысли, что успех достигается ценой немалых личных усилий. В ходе массового опроса 79% респондентов заявили, что сегодня таким людям, как они, добиться успеха трудно, и только 10% осо-

В целом россияне склоняются к мысли, что успех достигается ценой немалых личных усилий. В ходе массового опроса три четверти респондентов заявили, что сегодня таким людям, как они, добиться успеха трудно, и только каждый десятый особым проблем не усматривает и считает, что добиться успеха легко

бых проблем не усматривают – по их мнению, добиться успеха легко (конечно, молодые люди смотрят на мир несколько более оптимистично, чем пожилые, но и среди них 73% говорят о трудной дороге к успеху, и только 17% – о легкой). При этом 53% склонны считать успех скорее результатом личных усилий человека, а альтернативной точки зрения, согласно которой успех – это скорее результат стечения обстоятельств, придерживаются 32% опрошенных. Кстати, среди молодежи версия об успехе, заработанном собственным трудом, гораздо популярнее, чем среди старшего поколения: среди молодых перевес сторонников этой точки зрения над альтернативной составил 2,3 (61% против 26%), среди старшего поколения – всего 1,4 (46% против 32%).

Но при этом многие настойчиво повторяют, что среди нынешних успешных людей в России больше тех, кто достиг успеха не своими силами и талантом, а благодаря стечению обстоятельств, благу, взяткам, постели и т. д. В опросе мнения распределились следующим образом: 30% опрошенных сочли, что сегодня в России среди успешных людей больше тех, кто достиг успеха собственными силами, а 51% – что больше тех, кому просто повезло и кто достиг успеха благодаря стечению обстоятельств.

Вторая точка зрения не единожды звучала и в ходе фокус-групп (дескать, вообще-то я к успешным людям отношусь хорошо, но среди них есть такие – далее иногда следовало, иногда не следовало перечисление конкретных личностей, которых невозможно уважать, потому что они успех “купили”, потому что их успешными “сделали” и т. д.).

Фактически оказывается, что, согласно доминирующей сегодня точке зрения, стремление к успеху и даже достижение успеха, понятого как самореализация, приветствуется. Но вот социальный успех – сомнителен.

Вместо постскрипума

Нельзя не заметить, что респонденты склонны определять успех не как конкретное, инструментальное понятие, а как понятие интегральное – охватывающее работу, семью, благосостояние, здоровье, самореализацию...

“<Успех> – чтоб была хорошая работа, денег побольше, и здоровье – самое главное” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Квартира, ну, для кого-то семья, любимая работа и плюс еще ко всему иметь возможность заниматься не только работой, но и вне работы любимым своим делом: спортом, кино, театры. Вот если все это есть, то жизнь удалась” (ДФГ, Воронеж).

“Я еще хотела сказать, что вот когда смотришь на других успешных: человек – да, карьера, работа, семья, если все в совокупности как бы хорошо в человеке, тогда это успех; потому что если говорят: вот там в карьере ты там сделал все, а детей нет, остался один на старости лет там и так далее, вот, то это уже как бы не совсем успешный человек. <...> Ну все, все должно быть” (ДФГ, Москва).

Понятая таким образом, категория “успех” вплотную приближается к категории “счастье” и становится практически тождественна ей. И действительно, как мы говорили выше, по мнению большинства респондентов, если человек субъективно несчастен, его трудно признать успешным, будь он сколь

MAN of the Cave

“Работа над биографиями – это общение с моими героями”

Интервью Бориса Докторова Владимиру Ядову

Мы благодарны нашим коллегам Андрею Алексееву, Ларисе Козловой и Наталье Мазлумяновой за их замечания и ценные предложения по уточнению ряда положений, прозвучавших в нашей дискуссии.

Владимир Ядов, Борис Докторов

Начиная с 2005 года в петербургском журнале “Телескоп” регулярно публикуются интервью Бориса Докторова с российскими социологами. Находясь в США, наш земляк и мой друг пишет историю социологии в советское время, и, как я считаю, очень продуктивно. Недавно он прислал мне фрагменты своей новой книги об истории становления опросных методов в США, где рассматривает свой предмет, опираясь на сведения о судьбах первопроходцев массовых опросов. В заключении автор излагает далеко не тривиальные соображения относительно методологии работы с такого рода источниками.

Пару лет назад Борис Докторов брал у меня интервью [Ядов. 2005а; 2005б], теперь я предложил ему поменяться ролями и взял у него интервью on-line. Мы договорились для начала ограничиться обсуждением его работы над историей рекламы и опросов общественного мнения в США, потому что, реализуя именно этот проект, он в основном и разработал свою особую методологию. Рассматривая рассказ моего респондента-летописца в качестве своего рода методологического практикума, я расчленил текст на подразделы. Так легче вникнуть в особенности системы действий исследователя. Назову ее док-методологией интервью с экспертами.

Владимир Ядов

Особенности исследовательской методологии моего собеседника

Боря, твой титанический труд по реконструкции истории отечественной социологии на основе интервью с ее деятельными соосоздателями – шестидесятниками и следующими поколениями – представляется мне ценным как минимум в двух ракурсах. Один, само собой, – собственно история, как ты справедливо пишешь, вторичного становления, а не возрождения социологии в СССР. И второй ракурс – методология твоего подхода к предмету. Меня очень заинтересо-

ло стремление отрефлексировать именно методологию реконструкции становления методов опроса в Америке и следом – историю нашего прошлого. В начале 1990-х мне казалось, что по свежим следам невозможно более или менее адекватно, то есть непредвзято, описать по рассказам ветеранов социологии историю ее становления в СССР [Российская социология шестидесятых годов... 1999]. Но твоя работа вызвала в этом сомнения. Похоже, что тебе удалось найти методологическое решение проблемы. Давай поговорим об этом. Предлагаю тебе реконструировать лабораторию

твоих реконструкций. Согласись, что концептуальные опоры, которые помогают понять что-то большее, непосредственно не видимое в описываемых событиях, – это наши конструкции социальной реальности. Они могут быть более или менее эвристичными, но у нас нет доказательств их истинности (= полного соответствия сущности изучаемых процессов). Как ты смотришь на такую постановку вопроса в общем виде?

Прежде всего, Володя, спасибо тебе за твое постоянное внимание к моей работе – твои реакции на то, что я стараюсь делать, всегда крайне ценны для меня. Сейчас, когда мною накоплен некоторый опыт сбора и анализа биографической информации и прилагаются усилия, чтобы использовать ее для воссоздания нашего профессионального прошлого, указанные тобой две историко-научные проблемы и мне представляются важными, во всяком случае – заслуживающими направленного анализа.

Кроме того, я прочел твое заключение к еще не опубликованной книге “Реклама и опросы общественного мнения в США. История зарождения и судьбы творцов”. Ты заметил, что это историко-научное исследование. Разверни смысл такого определения с опорой на биографию ученого как первоисточник.

Я думаю, что наше обсуждение должно охватить оба моих проекта – “русский” и “американский”. В последнее время я рассматриваю их как элементы единого историко-научного исследования, охватывающего четырехвековое прошлое-настоящее рекламы и опросов общественного мнения в США и пятидесятилетнее развитие отечественной социологии. Их и объединяет общая методология, позволяющая, как мне кажется, предложить такое толкование истории науки, в котором центральными фигурами оказываются ее создатели. Иногда я об этом говорю как о стремлении писать историю с “человеческим лицом”.

Продвижение по каждому из направлений – американскому и российскому – требует решения двух важнейших задач: как изучать биографии и каким образом строить переход от био-

графий к истории. Причем я трактую эти задачи не просто как проблемы общеметодологического плана (как надо делать?), но как области исследовательского поиска, то есть отыскиваю решения задачи непосредственно в процессе изучения и написания биографий творческих людей и перехода от анализа их судеб к воссозданию исторических процессов, в которых они являются главными участниками. Мне самому интересно, отвечая на твои вопросы, суммировать сделанное и аргументировать, почему я делал именно так, а не как-то иначе.

В итоге мне хотелось бы показать, что, следуя определенной методологии изучения биографий, то есть жизни и творчества ключевых участников становления того или иного раздела науки, оказывается возможным высветить главное в истории самой науки: понять ее дух и раскрыть ее потенциал. Вместе с тем, безусловно, исследование прошлого любого фрагмента бытия предполагает много больше, чем рассмотрение жизни участников и свидетелей этого прошлого, и существует огромная литература, конкретизирующая это положение применительно к истории науки, искусства, прогресса в целом (см., в частности: [Кузнецов. 1972; Философия и методология истории. 1977; Коллинвуд. 1980; Гуревич. 1984; Тойнби. 1991]).

Исследование прошлого рекламы и опросов общественного мнения ведется мною уже восемь лет, изучение ряда аспектов становления и развития российской постхрущевской социологии – лишь три с небольшим года; оно – в самом начале. И хотя в методологическом плане они сейчас для меня едины, что не означает тождественности их методологии, сфокусируем наше обсуждение на рассмотрении сделанного.

Результаты исследований истории американской рекламы и творчества отцов-основателей изучения общественного мнения в США регулярно появлялись на страницах “Телескопа”, так что многое я могу не конкретизировать, а ссылаться на уже опубликованное. В целом на основе этих материалов были написаны две книги [Докторов. 2005а; Докторов. 2006а], они же составили и содержание третьей, неизданной, книги, упомянутой выше.

В науковедении, как ты знаешь, сосуществуют разные подходы. Томас Кун отирается на историю развития научного знания, Роберт Мертон ввел в анализ социальную среду ученого, Бруно Латур и Стив Вулгар, другие этнометодологи наблюдали “повседневную жизнь лаборатории”. Ты предлагаешь, если я не ошибаюсь, свою парадигму, не встречавшуюся в науковедческой литературе. Вопросы: (а) верно ли последнее? (б) Как бы ты сформулировал особенности своей методологии для учебного пособия?

Не знаю, содержится ли некая новая парадигма в моих попытках изучить то, как происходило становление рекламы и опросов общественного мнения в США, а также в моем подходе к анализу недавнего прошлого российской социологии. Во-первых, сам термин *парадигма* слишком многозначен. Во-вторых, за последние десятилетия в науковедении, социологии науки и знания сделано так много, что трудно предложить что-либо действительно новое. Мне кажется, что даже в самых инновативных концепциях эксперты увидят продолжение построений, предлагавшихся еще учеными XIX века. В-третьих, все последние годы я был настолько погружен в собственно историко-науковедческие исследования биографической окрашенности, что не мог “со стороны” посмотреть на свою методологию.

Тем не менее я думаю, что характер задач, которые я ставил и продолжаю ставить перед собою, комплекс используемых аналитических приемов, нормативы научности, которые я разделяю, стилистика (риторика) изложения результатов – все вместе, возможно, содержит некую новую методологию. Твой вопрос я понимаю как просьбу указать, какие научные школы или кто из ученых оказали на меня наи-

большее влияние, что особенно близко мне по духу. Однозначного ответа нет, в разное время у меня были разные пристрастия, хотя никогда ранее обсуждаемая с тобой проблематика не находилась в центре моих профессиональных интересов...

Если говорить о последних годах, когда я втянулся в собственно исторические штудии, то идеи Т. Куна явно не довели надо мною, его аппарат максимально эффективен при исследовании проблем перехода науки из одного состояния в другое, меня же интересовал прежде всего процесс зарождения выборочных опросов общественного мнения. Калибр орудия, сконструированного Куном, слишком крупен для использования в моих явно тактических боях.

В целом то, я что пытаюсь делать, скорее относится не к социологии науки, не к тому, что и в российской литературе часто обозначается аббревиатурой STS (science and technology studies), но к социологии и психологии творчества, в частности научного, и собственно к истории науки

Теоретические построения Р. Мертона настолько универсальны и настолько глубоко сидят в сознании, что в той или иной степени они всегда присутствуют в наших рассуждениях. Мне хотелось бы думать, что мой подход к анализу генезиса методов изучения общественного мнения и становления рекламы в определенном смысле дополняет (конкретизирует) модели Мертона, ведь я рассматриваю становление рекламы и науки об общественном мнении на тех этапах, когда они еще не были институционализи-

рованы. Да и российская тематика в значительной степени будет относиться к тому времени, когда отечественная социология была слабо институционализована.

Биографический метод входит в арсенал понимающей, феноменологической социологии, и в этом смысле мне близко многое из того, что делается науковедами-этнометодологами. Однако, по моему мнению, их внимание в большей степени сосредоточено на процессе развития науки, генезисе научного знания, мне же более интересна личность и природа деятельности ученого.

В целом то, я что пытаюсь делать, скорее относится не к социологии науки, не к тому, что и в российской литературе часто обозначается аббревиатурой STS (science and technology studies), но к социологии и психологии творчества, в частности научного, и собственно к истории науки. Мое понимание личности формировалось, давно это было, в процессе участия в известном ленинградском семинаре Б. Г. Ананьева, при чтении Б. М. Теплова, А. Н. Леонтьева, Ж. Пиаже, Л. С. Выготского и И. С. Кона. Если говорить о работах историко-наукведческого плана, то это прежде всего исследования А. В. Ахутина, Л. М. Баткина, В. С. Библера, А. Я. Гуревича. Но, пожалуй, самое сильное впечатление оказали на меня историко-биографические книги Б. Г. Кузнецова, В. П. Зубова, У. И. Франкфурта, И. И. Канаева и некоторых других историков науки. Это одновременно и глубокие научные исследования, и блестящие художественные произведения, в них через анализ судеб и творческого наследия гигантов науки показаны становление и динамика их представлений о картине мира. В этих книгах есть то, что я теперь называю “биографии в истории” и “история в биографиях”. Именно эта литература обратила меня к чтению Куна, Мертона и этнометодологов.

Так что моя методология является полипарадигмальной и междисциплинарной. Мне кажется, что это продуктивнее, чем, вообще говоря, всегда мифическая “чистота жанра”.

С последним совершенно согласен. Увы, мое слабое место – стремление каким-либо образом генерализировать теоретические или методологические подходы. Здесь уместно вспомнить, что в психологии науки выделяют два типа исследователей – “партикуляристов” и “дженералистов”, а далее – промежуточные, с уклоном в ту или иную сторону. Будучи ближе ко второму типу, я бы отнес твою, извини, парадигму к мертонианской, так как ты стараешься схватить воздействие социальной среды на формирование и творчество ученого. Известно из Мертона, что одни и те же исследователи, попадая в научную среду, где

более всего ценится практический вклад, публикуются намного реже, чем когда им приходилось работать в академическом секторе.

Если продолжить разговор о классификации исследовательской методологии, ты хорошо определил свою как междисциплинарную, и уже потому полипарадигмальную. Я практически не знаком с работами историков науки, так что мне не пришли бы в голову определения “биографии в истории” и “история в биографиях”. Интересно обсудить, какова же все-таки эвристическая функция макро- и микротеоретизирования? Проблема обостряется тем, что мы наблюдаем всплеск увлечения качественной методологией, этнометодологией в частности. Видеосоциология подчас вводит меня в ступор. Дальнейшее развитие в этом направлении увеличивает разрыв между объясняющими моделями и понимающими интерпретациями. А хотелось бы диалектически совместить макро- и микроанализ или, следуя метафоре Пера Монсона, проплыть на лодке по аллеям парка [Монсон. 1995]. Может, твой подход как раз отвечает этой цели: “биографии в истории” и “история в биографиях”? Ты намеренно стремился к такому со вмещению?

Я вообще не стремился к созданию какой-либо методологии, не видел такой цели в качестве самостоятельной. Мне просто хотелось решать здесь-и-сейчас интересующие меня историко-биографические задачи, но делать это, отчетливо понимая ограниченность моих возможностей. Я мог опираться лишь на собственные теоретические представления и предпочтения и собственный многолетний опыт использования разных методов.

Сначала – по поводу отнесения моей методологии к мертонианской на основании того, что я “стараюсь схватить воздействие социальной среды на творчество ученого”. Грешно отказываться и от того, что я действительно пытаюсь это сделать, и от того, что мне близки идеи Мертона. Но в той же мере я отношу себя и к марксистам, хотя конструктивистский по-

зитивизм Пойи, Лакатоса, Бунге мне всегда был ближе. Вместе с тем замечу, что деятельность моих героев я вижу не как павловское-уотсоновское реагирование на социальную среду, но прежде всего как следствие их личностного отношения к данной среде. Не мне судить, чего в этом больше: мертонианства или следования взглядам этнометодологов.

Теперь остановлюсь на происхождении ставшего для меня сейчас главным двуединого ориентира: “биографии в истории” и “история в биографиях”. Замечу, поиск обозначения того, что я делаю в связи с изучением прошлого рекламы и опросов общественного мнения, шел постоянно, но устраивающая меня формулировка возникла, лишь когда я начал заниматься историей российской социологии.

Получив от меня интервью с Борисом Фирсовым [Фирсов. 2005] (мой первый опыт интервьюирования коллег), тюменский социолог и культуролог Юлия Михайловна Беспалова, давно занимавшаяся биографическим анализом, написала, что видит здесь “биографии в политике” и “политику в биографиях”. Мне показалось, что говорить лишь о политике – узко, и я стал думать об истории. Это было в начале 2005 года, но лишь в конце следующего года я начал искать, как дать выход той энергии, которая, мне казалось, присутствует в игре слов “история” и “биография” [Докторов. 2007а].

Возможно, тебе покажется странным, но для меня две исследовательские линии – “история в биографиях” и “биографии в истории” – соединяют микро- и макроанализ. Реализация первого направления должна выявить, как история, то есть вся совокупность политических, экономических, социокультурных и иных обстоятельств, формирует, проявляется, отражается в биографиях ученых, творческих личностей. Исследования по второму направлению должны показать, как деятельность людей соз-

давала историю рекламы, опросов общественного мнения в США, как происходило становление постхрущевской советской социологии.

Какой из типов мышления тебе ближе в дихотомии партикуляризм – дженерализм?

Мое историко-наукоедческое исследование по определению двухобъектно. Первый объект – это история развития определенных разделов научного знания, второй – люди, создававшие эту историю. Каждый объект имеет сложную структуру, и если ядра этих структур могут быть локализованы достаточно четко, то обозначение их границ представляется затруднительным и малоперспективным. При изучении биографий необходимо

быть партикуляристом, исходить из признания важности множества социокультурных факторов, обстоятельств, формирующих личность человека. Здесь крайне сложно оперировать логическими конструкциями высокого уровня абстракции. Наоборот, лишь позиция дженералиста позволяет отыскивать и удерживать в поле внимания множество событий, в их единстве создающих историю. Некоторые философы науки отмечают конвергенцию партикуляризма и дженерализма. Междисциплинарность и полипарадигмальность моего исследования удерживают меня от необходимости занять крайние позиции в этой дихотомии.

Принимая твою методику, прошу резюмировать кратко в логике Маркса, который различал историческое и логическое в развитии знания. Какие авторы или научные школы заметно повлияли на твою работу (в порядке их значимости)? Какие моменты твоей научной биографии были особо значимы?

Для меня эти два вопроса – едины, я вижу в них твою попытку сделать со мною то, что я пытаюсь сделать с героями моих биографических поисков, то есть связать их деятельность с особенностями их социализации и профес-

Мое историко-наукоедческое исследование по определению двухобъектно. Первый объект – это история развития определенных разделов научного знания, второй – люди, создававшие эту историю

сионализации. Потому постараюсь вспомнить и ранжировать в порядке значимости, хотя, замечу, в ранние годы становления личности логическое и историческое часто имеют общую временную локализацию. Во всяком случае, в моей жизни все главное в этом плане вмещается в 10–15-летний интервал.

Летом 1959 года, перед самым моим поступлением на математико-механический факультет Ленинградского университета, один молодой физик-ядерщик рассказал мне о двух книгах [Докторов. 2005б]. Автором первой является один из крупнейших физиков XX века Эрвин Шредингер, второй – физик, работавший в Принстоне с Эйнштейном и популяризатор науки – Леопольд Инфельд. Эти работы были трудны для выпускника школы, но, поступив в университет, я вскоре осилил их, более того, они стали для меня настольными. Книга Шредингера [Шредингер. 1947], физическое введение в генетику, определила мой интерес к прикладной математике, биологии и наукам о человеке. Кроме того, это была первая самостоятельно прочитанная книга по философии, и она привила мне вкус к позитивизму. Инфельд рассказал о гениальном математике Эваристе Галуа [Инфельд. 1958], погибшем на дуэли в 21 год. Несколько страниц, написанных им перед самой гибелью, содержали основы теории групп, раздела математики, без которого не было бы современной физики. Эта книга породила интерес к изучению творчества ученых, к истории науки.

На третьем-четвертом курсах я стал заниматься математической статистикой и ее применениями в биологии и познакомился с работами Рональда Фишера и Карла Пирсона. Пожалуй, до конца 1970-х, отдавая большее внимание и время работам по другим темам, я изучал философию и математическое наследие Пир-

сона, думал когда-нибудь в будущем обобщить все это в книге. В начале 1960-х я начал изредка ездить в Москву и останавливался в квартире своего родственника Бориса Григорьевича Кузнецова – историка и философа науки, знатока эпохи Возрождения, автора большого числа книг, из которых наиболее известны биографии Эйнштейна [Кузнецов. 1962] и Галилея [Кузнецов. 1964].

Беседы с ним расширили мое видение истории науки, но делать из этого профессию я не собирался. В те же годы я начал сотрудничать с университетским психологом Иосифом Марковичем Палеем, который, кстати, когда у них

в лаборатории не было денег на полставки лаборанта, просил деньги из бюджета твоей лаборатории. Сначала я просто писал программу для ЭВМ по факторному анализу и обрабатывал психологические наблюдения, но обсуждения с Палеем получаемых результатов заставили меня погрузиться в методологию этой математической техники. Через несколько лет Борис Герасимович Ананьев согласился стать титульным руководителем моей кандидатской диссертации по факторному анализу и указал на важность изучения миграции методов. Хотя историко-научоведческими исследованиями я занялся бо-

лее тридцати лет спустя, этот поворот, несомненно, произошел под влиянием работ Кузнецова и семинара Ананьева по комплексному изучению человека.

Теперь отмечу три события, определивших всю мою последующую работу, – боюсь, здесь историческое и логическое неразделимо. Первое – поступление на математико-механический факультет, где был блистательный состав преподавателей и удивительно демократичные отношения между профессурой и студентами. Второе – многие годы участия в неформальном

Изучение прошлого, отгороженного от современности, генерирует лишь вопрос: “А что было раньше?”, тогда как историческая тематика, встроенная в настоящее, добавляет к нему: “А что будет потом?” Я постоянно пытаюсь “утолщить” настоящее, перетянуть из прошлого в наше время то, что мне кажется необоснованно забытым, отброшенным

(его не было в сетке часов) “Биометрическом семинаре”, который создал более 40 лет назад и как будто продолжает вести сегодня Олег Михайлович Калинин. (Он на четыре-пять лет старше меня, всегда отличался нестандартным мышлением и резким неприятием марксизма.) На семинаре обсуждались и собственно математические проблемы, и широчайший круг общенаучных, мировоззренческих тем. У нас многократно выступал биолог и философ Александр Александрович Любищев, мы много раз слушали генетика-антидарвиниста Раису Львовну Берг, наброски своей теории пассионарного этногенеза излагал Лев Николаевич Гумилев. Третье событие – 1968 год, начало работы в социологической команде Андрея Здравомыслова [Здравомыслов. 2006] в Ленинградской высшей партийной школе (ЛВПШ) и через пару лет знакомство с Фирсовым. Так я “прикипел” к проведению опросов общественного мнения, и вместо того чтобы заниматься прикладной математикой или историей науки, начал погружаться в социологию.

И последнее событие – переезд на постоянное место жительства в США. Я вынужден был заново начинать жизнь и готов был вообще отойти от социологии и вернуться к математике, программированию. Я был безработным, закончил колледж, более четырех лет работал секьюрити и потом медленно возвращался к науке. Летом 1999 года, после пятилетнего молчания, я опубликовал в Петербурге две статьи о развитии российского Интернета, и весной следующего года, с небольшой заметки в сан-францисской русской газете [Докторов. 2000а], начались мои публикации по истории гэллаповских опросов. Я делал выбор в пользу историко-методических исследований, поскольку это было продолжением методических разработок, которыми я многие годы занимался в СССР / России, и позволяло надеяться на использование собственных знаний в области истории науки. Было еще одно обстоятельство: останавливаясь на этом исследовательском направлении, я приобретал полную независимость, мне не нужно было согласовывать планы с кем-либо, отчитываться перед кем-либо и ис-

кать организационную или финансовую поддержку.

Добавлю также, что в силу известной отстраненности от политики я всегда занимался методикой социологических исследований и лишь в самом начале 1990-х сделал несколько работ по изучению сознания россиян. Отчасти это было связано с моим интересом к использованию оригинальной многомерной типологии ценностных ориентаций. Приехав в США, я в принципе не думал о работе, связанной с анализом российской реальности.

Очень интересно, и в частности тем, что в который раз убеждаешься, насколько занятые в науке люди по-разному делают свое дело. Из названных тобой я бы отнес Б. Ананьева и И. Палея к тем, кто и на меня оказал сильное влияние, Ананьев – особенно. Благодаря ему я стал заниматься проблемами личности, общение с ним толкнуло в эту проблематику. Игорь Кон, Иосиф Палей, Галина Андреева, другие мыслящие психологи и социологи помогли сделать что-то нетривиальное в этом плане. Интересно также, насколько разнятся наши с тобой стили исследовательской работы. Всю свою жизнь я сознательно следовал правилу, которым руководствовался мой научный руководитель по кандидатской Василий Петрович Тугаринов: искать новую – или как минимум новую для меня – проблему. Глубже продавливать собственную колею мне очень скучно. И что получается? Выходит, что, как это установил В. С. Мерлин, люди разных типов характера используют свой “индивидуальный стиль” в реализации заданной каким-то образом “социальной схемы”. Можно сказать, что наши жизненные траектории сложились по обстоятельствам, от нас зависящим далеко не полностью, а то и вовсе не зависящим. Я утверждаю, что мой стиль в исследовании – искать новую проблематику. Как ты определишь свой стиль?

Это верно, наши жизненные траектории случились по обстоятельствам, от нас во многом не зависящим, но их сближает, как мне кажется, общий жизненный оптимизм. Отсюда

и общая установка – поиск новой проблематики. Не буду уходить в прошлое, в годы советской жизни, расскажу лишь о темах, которые я осваивал уже после переезда в Америку.

Все началось с изучения российского Интернета, я разрабатывал эту тему как курсовую при обучении в колледже в 1998–99 годах. На рубеже ушедшего и нового веков совместно с Александром Ослоном и Еленой Петренко мы искали компактный путь для обзора динамики общественного мнения россиян в эпоху Ельцина; мне представляется, что введение принципа “кульминационных точек” позволило решить эту задачу [Докторов, Ослон, Петренко. 2002]. В начале 2000 года родилась “гэллапаида” – изучение биографии Гэллапа, вскоре переросшее в исследование четырехвекового процесса становления в США опросов общественного мнения. При этом мне пришлось основательно погрузиться в прошлое американской рекламы. Методология исторического поиска привела меня к концепции меняющегося “толстого настоящего” и отсюда – к футурологическим размышлениям. Это позволило говорить о наметившемся движении к постгэллаповским опросным технологиям, за развитием которых я пристально наблюдаю уже ряд лет. Президентская избирательная кампания 2008 года в США должна дать ответы на многие методологические вопросы относительно перспектив онлайн-новых зондажей электората. Ну и, наконец, последние годы отданы изучению современной российской социологии.

“Толстое настоящее”? Поясни, что ты подразумеваешь под этим термином.

Видение настоящего как “толстого” и постоянно меняющегося в конфигурации пятна возникло в попытке дать для себя определение “современного”, что для исторического исследования крайне важно.

В заголовке моей первой статьи о Гэллапе [Докторов. 2000б] стояли два слова, во многом определивших направленность дальнейших постоянных размышлений и детерминировавших предмет исследований в его биографическом и внебиографическом аспектах. Эти слова – “наш современник”. Тогда я привел ряд ар-

гументов в подтверждение того, что Гэллап – “наш современник”, но они не касались интерпретации понятия настоящего как социально-исторической категории. Вскоре мне стало ясно, что временные границы пространства историко-биографических поисков не были очерченными. Оставалось множество вопросов: например, следовало ли, рассматривая становление выборочной технологии опросов общественного мнения, обращаться к генеалогии Гэллапа? К столетней истории соломенных (донаучных) опросов? К философии рекламы Барнума [Докторов. 2005в]? К ранним исследованиям рынка Чарльзом Парлином? Ведь формально все это удалено от прямых истоков гэллаповской процедуры опроса. Сегодня мой ответ на подобные вопросы однозначен: да, следует. В противном случае прошлое не открывается и человек, наследие которого изучается, не раскрывается.

Историко-методологический анализ сжимает прошедшие годы, приближает прошлое и одновременно заставляет вглядываться в будущее. Или иначе: такой анализ раздвигает границы настоящего, *утолицает* его. В историческом взгляде на развитие тех или иных процессов настоящее не ограничивается временными рамками, как то: вчера, сегодня, завтра, – но задается внутренней логикой этих процессов. События, удаленные от “сегодня” (в его буквальном понимании) на сотни лет, не кажутся далекими, древними, если их следы обнаруживаются в текущей повседневности. Люди, определившие развитие этих событий, оказываются современниками не только своего окружения, но и всех последующих поколений.

Статья, написанная в начале 2000 года, о делавших первые шаги онлайн-опросах [Докторов. 2000в] не рассматривалась мною тогда как часть историко-научоведческих поисков: они касались прошлого, а Интернет – это настоящее-будущее. Но обращение к перипетиям становления соломенных опросов и изучение возникновения приборных методов измерения радиоаудитории уже после публикации указанной работы позволило увидеть в лишь зарождавшейся истории сетевых опро-

сов многое из того, что было мне знакомо по изучению гэллаповской опросной процедуры; “горячее настоящее” сразу удлинилось на сотню лет. Изучение прошлого, вырванного, отгороженного от современности, генерирует лишь вопрос: “А что было раньше?”, тогда как историческая тематика, встроенная в настоящее, добавляет к нему: “А что будет потом?” Я постоянно пытаюсь “утолщить” настоящее, перетащить из прошлого в наше время то, что мне кажется необоснованно забытым, отброшенным. Я не могу освободиться от мысли о том, что настоящее – лишь точка в развитии различных процессов. И в целом прошлое, настоящее и будущее не абсолютны в социальном пространстве-времени, где в каждой его клеточке существует “свое” прошлое, настоящее и будущее.

Результаты проводимого мною исследования подтверждают выводы о нелинейности развития науки, в частности, общеметодологическое значение приобретает тот факт, что измерения общественного мнения огромным числом уже прослеженных и еще не известных нам нитей связаны с методическим арсеналом исследований рынка. Законы истории универсальны, и потому сказанное относится не только к прошлому, но к настоящему и будущему.

Да, хороший термин, ассоциируется с “плотным описанием” по Клиффорду Гирицу – описанием фактов в широком контексте. Я обратил внимание на то, что политика тебя не очень интересовала, исключая период перестройки. Но в роли декана я непременно говорю абитуриентам в день открытых дверей: “Ребята, кого не волнуют социальные проблемы, советую на наш факультет не поступать”. Конечно, социальные проблемы и политика не одно и то же, но связь между ними – теснейшая. Просвети, как понимать замечание, что политика тебя не интересовала, а вместе с тем ты начал

идентифицировать себя именно с социологом, то есть исследователем социальных процессов?

Ты абсолютно прав, молодому человеку нельзя выбирать социологию как профессию, если он не горит пусть даже утопической, мифической, абсурдной идеей совершенствования мира социальных отношений. Юрий Левада шел на философский в поисках правды [Докторов. 2007б], Борис Грушин пришел в университет “в кожанке и с маузером” [Докторов. Грушин. 2004], мои интервью с Татьяной Ивановной Заславской [Заславская. 2007], Андреем Григорьевичем Здравомысловым, тобою ясно

указывают на то, что вы несли в себе некие социальные идеалы и считали, что именно вы сможете улучшить мир. Потому – в моих представлениях – и возникла постхрущевская социология. В очерке памяти Грушина [Докторов. 2007в] я писал, что его идеи были продолжением его идеалов, это относится и ко всем (почти всем) тем, кто стоял у истоков рождения нашей науки.

После окончания школы я выбирал между математикой и физикой, но никогда не задумывался о философии, истории или какой-либо иной общественной дисциплине. Я пришел в социологию случайно, и мне понравилась не наука, а ее методы и люди, которые ее делали [Докторов. 2006]. Может, потому я в конце концов и занялся обсуждаемой нами сейчас тематикой.

Ты говорил, что частью твоей методологии является стиль, риторика изложения материалов исследования. Что ты имеешь в виду?

Когда моя исследовательская тематика стала разворачиваться от анализа методик опроса к изучению деятельности ее создателей, встал вопрос о стиле изложения материалов. До отъезда из России я занимался вопросами использования математических методов, выборки, проблемами надежности измерения в социологии; это особая область научных разработок,

Молодому человеку нельзя выбирать социологию как профессию, если он не горит пусть даже утопической, мифической, абсурдной идеей совершенствования мира социальных отношений

и это специфический язык оформления результатов. Теперь же требовалось что-то иное.

Начну с того, что я решил обращаться в своих текстах не только к социологам-методистам, но к более широкому кругу специалистов, к тем, кто интересуется общими вопросами социологии, историей, развитием науки. Это требовало отказа от использования узкопрофессиональных терминов, формул, графиков, минимизации количества таблиц. Необходимо было найти более доверительную форму общения с потенциальным читателем, наполнить тексты деталями, удерживающими его внимание. Нужно было поверить в способность человека самостоятельно соединять многие факты и потому избегать дидактичности. Как упорядоченный набор движущихся с определенной скоростью кадров складывается в голове зрителя в фильм, так внутренняя логика и динамика текста должны побуждать читателя к самостоятельным размышлениям.

Я помню, с каким трудом писались первые страницы, ведь, кроме всего прочего, началу этой работы предшествовал пятилетний простой. Постепенно возникавший стиль письма стал нормой, я уже мог не думать о нем, он сам начал немного управлять моей работой...

Боря, я обратил внимание на то, что ты часто употребляешь безличные глаголы (“было выявлено” и т. п.). У Майкла Малкея [Пилбер. Малкей. 1987] я вычитал такое наблюдение: естествоиспытатели прибегают к безличным оборотам, сознательно или бессознательно повествуя “от имени самой природы”, тайны которой им удалось выявить. Одновременно замечу, что ты часто пишешь “моей”, “мною”. Не свидетельствует ли это об отношении к работе как к истинно научному поиску? Некоторые коллеги избегают таких оборотов, и это, как я догадываюсь (судя по себе), есть намек на несколько иное восприятие гуманитарной науки, каковая отнюдь не science. Что скажешь?

Использование безличных глаголов, сам я этого не замечаю, явно восходит к моему математическому образованию. Для математических текстов типичны обороты: как было пока-

зано, как предполагалось и т. д. Я не очень задумывался о том, относится ли то, что я делаю, к science или не science, но полагаю, что в моем историческом исследовании присутствует множество элементов science. Во-первых, одним из предметов моего анализа является развитие эмпирического метода, использование которого позволяло Гэллапу относить свою деятельность к науке (science). Во-вторых, как указано выше, моя методология формировалась под влиянием позитивистских исследований истории и методологии науки.

Когда-то Палей говорил мне, что человек, рассказывающий о чем-то личном, часто обращается к собеседнику, жестикулируя левой рукой, правая рука сопровождает суждения более общего типа. Возможно, что использование местоимений “моей”, “мною” есть аналог жестикуляции левой рукой.

Психофизиологи нашли также, что при обдумывании сложной проблемы человек иногда расхаживает взад-вперед, размахивая правой рукой, – эффект право-левополушарной асимметрии. Правой рукой мы “полагаем” левому полушарию рассуждать логически. Продолжим... Ты много лет изучал наследие Гэллапа. Что определяло последовательность твоих действий?

Прежде всего скажу, что никакие гранты, структуры не финансировали мою работу, поэтому формально у меня не было причин для планирования работы. Меня “заводил”, затягивал в процесс работы интерес к ней, а позже возникло ощущение обязательности, ответственности перед теми, кто оказывался в поле моего зрения.

До середины 2002 года все сводилось к освоению жизненного пути и ряда аспектов деятельности Гэллапа; исследование еще не было ни биографическим, ни историческим: Гэллап был единственным героем, не было осознания необходимости углубляться в далекое прошлое, рекламная тематика была лишь заявлена. Абсолютно неожиданное для меня появление на горизонте фигуры Эмиля Хурьи с его методикой построения электорального прогноза [Докторов. 2002], занимающей “промежуточное” по-

ложение между правилами предсказания, использовавшимися “Литерари Дайджестом” и Гэллапом, высветило для меня два новых момента. Во-первых: необходимо прислушиваться к пробивающимся из прошлого голосам и следовать за ранее неизвестными персонажами, и во-вторых: в истории современных выборочных опросов общественного мнения, хотя она не столь уж продолжительна, многое забыто и требует восстановления.

Собственно, тогда появилось осознание важности и обязательности изучения широкого круга создателей рекламы и опросной технологии, стало формироваться понятие “толстого” настоящего и возник новый взгляд на планирование моего исследования, совсем не тот, которым я руководствовался ранее. Исследованию, пронизанному принципами понимающей, мягкой методологии, должно отвечать и мягкое планирование, допускающее, более того – оправдывающее требование постоянной готовности к уходу с основной дороги на вдруг обнаружившиеся тропочки. Когда обнаруживалось что-либо новое для меня в конструировании рекламы или в технике опроса, я сразу же старался узнать как можно больше об авторе этой инновации; с другой стороны, если в текстах встречал неизвестное мне имя, пытался найти и анализировать сделанное новым для меня человеком. Это лишь кажется, что подобное реагирование на “случайное” уводит от основного пути, в действительности это сигналы, на которые нельзя не обращать внимания. Так, неожиданно на сайте музея и библиотеки президента Трумэна я встретил Самуэля Хейза-мл., он был на десять лет моложе Гэллапа, но смог провести общенациональный электоральный опрос в 1932 году, то есть за четыре года до него. Это заставило меня задуматься о том, почему регулярные замеры общественного мнения начались в 1936 году, а не раньше, что, в свою очередь, привело к интересным выводам о соотношении идей и идеалов как стимулов творческой деятельности.

Но все же во время моего путешествия в прошлое я постоянно прислушивался к советам двух главных гидов. Первый – Гэллап, чьи

жизнь и творчество реально и виртуально были связаны с жизнью и деятельностью огромного числа людей, оставивших яркий след в американской науке, культуре и политике. Второй – Дэвид Огилви [Докторов. 2006в], последний классик американской рекламы XX столетия, который в серии книг не только описал свою жизнь и карьеру, но и проанализировал творчество многих, на чей опыт он опирался в поисках своего собственного стиля создания эффективной рекламы.

Позволь заметить, что я вижу здесь особый стиль именно историка, которому важны детали. Будущие историки, возможно, по-иному осмыслят написанное тобой. Как далеко не историк я, напротив, вымарываю у своих диссертантов все, что прямо не относится к рассматриваемой проблеме по существу. Наверное, когда ты занимался факторным анализом, тоже убирал или опускал в “подстрочник” соображения, возникавшие “по ходу дела”?

Диссертация – это особый жанр и всегда ограниченный объем. Моя работа по факторному анализу была защищена без малого сорок лет назад, я забыл, как справлялся с изложением того, что мне казалось важным. Наконец, по сути единственное замечание-предложение, полученное мною от Б. Г. Ананьева, касалось усиления исторического раздела: необходимо было прописать пути миграции факторного анализа из психологии образования (измерение способностей) в другие разделы психологической науки.

Работа над биографией как общение с ее героем

Существуют разные типы биографических исследований. Как ты классифицируешь биографии, которые описываешь и анализируешь?

Действительно, скорее всего, можно построить континуум биографий исторически значимых людей. На одном его полюсе будут располагаться различной полноты материалы, предлагаемые биографическими справочниками типа

“Who is who?” или “Who was who?” По сути это сугубо информационный материал. На другом – романтизированные биографии, в которых авторы разрешают себе описывать переживания своих героев, их диалоги с другими историческими личностями; это, по выражению Даниила Данина, “кентавры”, совмещающие в себе научность и художественность. К удачным примерам “кентавристики” относятся и его книги об Эрнесте Резерфорде и Нильсе Боре. Голофаст писал мне: “...Ты работаешь на грани литературы. Посему будь постпостмодернистом, смело делай любые коллажи из любых вариантов и кусков” [Электронное письмо В. Голофаста Б. Докторову от 23.01.2004].

Мне представляется, что очень близко я к этой грани не подхожу, ибо создаю лишь “профессиональную биографию”, то есть показывающую человека в профессии и для профессии. Такая биография должна рассказывать о выборе человеком профессии, об овладении ею и собственно о том, что им было сделано, содержать анализ мотивации его деятельности и описание его профессионального окружения. Заметный выход за эти рамки, стремление к описанию внешности героя, образа его жизни, внутреннего мира (помимо идеалов), его семьи и прочего грозит переходом из области написания биографии ради изучения истории в область биографической литературы.

В заголовке завершаемой тобою книги “Реклама и опросы общественного мнения в США. История зарождения и судьбы творцов” есть слово “судьба”. Что оно для тебя означает?

Действительно, это сложный вопрос, ведь соотношение таких сложных субстанций, как биография и судьба, пытается постичь не только наука, но литература и религия. Слово “судьба” вынесено в заголовок, но я его крайне редко употребляю в тексте книги; скорее, им характеризуются мое отношение к биографическому

материалу, выбор некоторых акцентов в интерпретации фактов жизни моих героев.

В конце 2003 года Юлия Беспалова подарила мне свою небольшую книжку о западносибирских предпринимателях [Беспалова. 2002]. Я прочел ее, но, поскольку тогда только “вкатывался” в изучение биографий “отцов-основателей” опросов общественного мнения и приходилось читать очень многое непосредственно относившееся к их жизни, я забыл про эту работу. А в начале 2005 года я обратил внимание на тот раздел книги, в котором она трактовала соотношение биографии и судьбы, и тогда этот мотив стал для меня весьма существенным.

Для меня биография человека – это совокупность всех его действий и мыслей на протяжении его жизни. Дальнейшее движение истории, развитие сферы деятельности, в которой работал человек, не в силах изменить траекторию его жизни и “плотность” окружавшего его социокультурного пространства, ибо все это уже произошло, и в этом смысле жизнь нельзя переписать, прожить заново. Но будущее всегда

придает прожитой им жизни новый смысл, и значит – детерминирует, проявляет его судьбу.

Судьба в моем понимании – это комплекс всего, что предопределяет биографию человека, что ведет его по жизни и что связано с ним после ее завершения. У биографии есть начало и конец, судьба теоретически бесконечна, точнее сказать, судьба обычно дольше, продолжительнее жизни. Судьба многомернее биографии. И, говоря по существу, историки и биографы имеют дело не с биографиями, а с судьбами. Ученые, писатели оказываются во власти судеб своих героев уже тогда, когда берутся за изучение их биографий, а часто – и много раньше.

В свете сказанного и учитывая дальнорочность истории, историк, как правило, имеет дело не собственно с биографией человека, но с биографией как частью, элементом, слоем его судьбы. И очень часто чем более продолжитель-

Судьба в моем понимании – это комплекс всего, что предопределяет биографию человека, что ведет его по жизни и что связано с ним после ее завершения. У биографии есть начало и конец, судьба теоретически бесконечна

ный интервал времени разделяет биографа и его героя, тем тоньше оказывается биографический пласт и тем сложнее выделить его из судьбы. За несколько десятилетий, а нередко и за более короткий срок, биография “пропитывается” судьбой, происходит мифологизация образа человека.

Понадобится поразмыслить над тем, что ты сказал. Сейчас спрошу следующее. Методология твоего американского проекта фактически ориентирована на изучение жизни всех тех, чья деятельность прямо или опосредованно была связана со становлением рекламы и опросов. Разверни этот момент.

Если отвлечься от технической стороны поиска биографической информации и пытаться сконцентрироваться на существенных аспектах узнавания нового человека, то здесь можно говорить об общении биографа и его героя. Процесс изучения и создания биографий целесообразно обсуждать в рамках социологии и психологии общения. Итог такой работы зависит от:

- 1) готовности (установки) к общению с героем, то есть моей способности понять его и рассказать другим о сделанном им и о нем самом;
- 2) подготовленности к общению с героем (информированности), то есть полноты информации о сделанном им и о его жизни;
- 3) наконец, характера самого общения или диалога; в силу многих объективных и субъективных обстоятельств оно может оказаться плодотворным для решения историко-научоведческих задач, но может и не быть таковым.

Прежде всего успешность биографического анализа зависит от установки на контакт, на общение с людьми, оказавшимися в поле зрения биографа. Иногда позитивная установка в силу каких-то причин возникает сразу, иногда ее надо культивировать и ждать ее созревания. Когда я впервые в много раз читаной книге Гэллапа и Сола Рея “Пульс демократии” обратил внимание на финское имя Эмиль Хурья, я сразу подумал, не было ли у меня с Хурьей общих знакомых, ведь в 1980-е годы я активно контактировал с ведущими финскими полстерами. И это дало импульс к поиску информации о Хурье. Но

могу привести и пример другого типа: я семь лет “знаю” Даниэля Старча, классика изучения рекламы, который мог стать одним из “отцов” опросов общественного мнения. Он блестяще окончил Университет Айовы несколькими годами раньше Гэллапа, причем учился у тех же профессоров. Он прожил долгую жизнь и многое сделал. Но пока я написал о нем крайне мало. Почему? Не могу объяснить.

Есть разница между мысленными диалогами с теми, кто закладывал основы современной американской рекламы и технологии изучения общественного мнения, и непосредственным общением, скажем, интервью с коллегами. Но в обоих типах диалога есть и много общего: оба могут протекать легко или трудно, тяготеть к обмену мнениями или затяжным монологам, быть тематически узкими или широкими и т. д. Тот факт, что человека, с которым я веду мысленный диалог, давно нет в живых, не означает, что он находится, скажем, вне рамок контекста моего общения с ним. Все мои герои – живы, даже если жили много десятилетий назад, они всегда “здесь-и-сейчас”.

Ты не скрываешь своей пристрастности к героям. Это так? А если да, то возможны упреки в необъективности.

Да, верно. То обстоятельство, что процесс создания биографии я рассматриваю как форму общения, диалога с ее героем, без сомнений, результат чтения М. М. Бахтина. А вот откуда возникла идея пристрастности в отношении к героям, я не знаю, скорее ее появление – следствие растянутого во времени двухэтапного процесса.

Возможно, что в ее основе лежит мой интерес к философии физики и мое представление о неизбежном влиянии наблюдателя на результаты измерений. Другими словами, взгляд историка – это продолжение моих давних метрологических размышлений [Докторов. 1979]. В своей “Драматической социологии” Андрей Алексеев приводит фрагменты моего отзыва на рукопись его книги “Познание через действие”, написанного в январе 1990 года; тогда я занимался только жесткими социологическими методами и не думал об изучении биографий. Там сказано: “Автор пристрастен. Эта пристраст-

ность заявлена и в названии. Она и в методологической установке, при которой сам исследователь становится не только субъектом, но и «объектом» эксперимента. Эта нацеленность внимания к событиям, без которых нет автора и которых нет без автора, дает все основания быть пристрастным и будущим читателям, и рецензенту” [Алексеев. 2005. С. 31]. Пристрастность я ставил в плюс работе.

Но про этот отзыв я давно забыл и перечитал его лишь недавно, так что при изучении биографий я пришел к “пристрастности” снова и, возможно, следовал чему-то из Бахтина, или Библера, или из Ю. М. Лотмана. Но, как мне представляется, это скорее навеяно тем, что говорили А. Ахматова и М. Цветаева о своем видении творчества Пушкина. И если у поэтов может быть “свой Пушкин”, то почему у историка опросов общественного мнения и рекламы не может быть своего Гэллапа или Огилви? Говорят ведь об истории Н. М. Карамзина, М. Н. Покровского... и ничего. Все – авторское. История всегда авторская.

Во всяком случае, признаюсь, о “личностном знании” Майкла Полани [Полани. 1985] я узнал лишь из отзыва Дмитрия Рогозина на мою книгу о первопроходцах мира мнений [Рогозин. 2005], а вскоре на близость моих рассуждений и идей Полани мне указал Алексеев. Но я не сторонник крайностей. Пристрастность – не единственный “недостаток” в работе историка.

От биографии – к истории

Не мог бы ты показать на примерах, как ты вышел за границы жизни отдельного героя и решил рассматривать длительные периоды времени?

Если говорить о принципе, то такое движение мне подсказал сам биографический материал. Я его внимательно читал и пытался понять, как я могу использовать информацию о жизни человека в раскрытии его профессиональной деятельности. Полагаю, что во многих случаях было бы сложно сделать подобный шаг, но мне повезло с первым объектом моего историко-биографического анализа – Джорджем Гэллапом.

В одном из биографических справочников я прочел, что Гэллап – американец в десятом поколении, и мне сразу показалась интересной мысль о связи времен, об ответах на вызовы предков и так далее. Проверка этого краткого сообщения вывела меня на Ассоциацию членов семьи Гэллапов (The Gallup Family Association) и на поиски людей, к которым я мог бы обратиться с просьбой о новой информации об этом клане. Я стал изучать сайт этой организации и обратился к некоторым людям, чьи рассказы об их предках показали мне наиболее интересными. Так я познакомился с Джоном Гэллапом (John Hoagland Gallup), в то время одним из активистов Ассоциации, и он подарил мне уникальную книгу по генеалогии семьи Гэллапов [Gallup Genealogy. 1987], содержащую краткие заметки о тысячах членах этого рода, о четырнадцати поколениях. Первым был Джон Галлоп I, достигший берегов Нового Света 30 мая 1630 года. Он принадлежал к пуританской общине, оказавшейся самой важной и наиболее влиятельной среди всех, прибывших в Северную Америку. Община привезла с собою пуританскую, или протестантскую, этику, определившую специфику американского капитализма, именно в этой общине и выходцами из нее были выработаны фундаментальные принципы организации и функционирования властных институтов и заложены основы американской демократии. Сам Джон был авторитетным человеком в среде первых поселенцев Новой Англии, владельцем и капитаном первого корабля, построенного в Америке. На картах Бостона и прилегающей территории в середине XVIII века были отмечены места, названные его именем: верфь Галлопа, аллея Галлопа. Есть остров Галлопа в гавани Бостона, сейчас он является исторической частью города.

Для монографии о Гэллапе, которую я, может быть, когда-нибудь напишу, у меня готова серия очерков о членах этой огромной семьи. Изучая только ее, можно многое увидеть в процессе зарождения американского общества и американской культуры. Гэллапы всегда стремились знать и помнить своих предков, результаты первого исследования истории американской семьи бы-

ли опубликованы в 1893 году, а в 1902 году была образована The Gallup Family Association. В частности, интересовались генеалогией отец Джорджа Гэллапа и он сам, знают ее и его дети. Я не удивился, увидев строки выдающейся американской поэтессы Эмили Дикинсон “Успех всегда так сладок / Не ведавшим его” в начале книги сыновей Гэллапа. Дикинсон – представительница девятого поколения Гэллапов.

Трудно удержаться от того, чтобы не привести еще один факт из истории семьи Гэллапов. Внучка Джона Галлопа I из четвертого поколения в 1821 году вышла замуж за Обади Буша, предки которого по материнской линии прибыли в Америку с первой группой пилигримов 11 ноября 1620 года на легендарном “The Mayflower”. В 1988 году их правнук Джордж Буш-старший (представитель 11-го поколения Гэллапов) стал 41-м президентом Америки, а в 2000 году – его сын Джордж Буш-младший – 43-м президентом.

Я писал о сумме обстоятельств, предопределивших начало проведения Гэллапом регулярных опросов общественного мнения в США, о его глубоко демократизме, огромном опыте маркетинговых опросов, но, несомненно, одним из значимых факторов является и его причастность к истории страны. Чувства членов этой семьи отражены в письме вышеназванного активиста Ассоциации Джона Гэллапа: “...Конечно, Джордж Гэллап был самым настоящим американцем. Длительная история нашей семьи заставляет нас принимать близко к сердцу все происходящее в стране, усиливает чувство причастности к ней. Мы гордимся тем, что являемся частью истории великой страны. Мы ничуть не больше американцы, чем все остальные, но живя здесь с 1630 года, знаем, кто мы такие и какова наша роль в этом великом потоке истории” [электронное письмо Дж. Гэллапа Б. Докторову от 24.06.2000].

Сюжет с долгой историей семьи Гэллапа мог бы стать лишь красочной иллюстрацией к его

биографии, но он приобрел статус базового при определении того, насколько следует углубляться в прошлое при изучении истории выборочных опросов.

История семьи Гэллапов хорошо иллюстрирует новую мысль, а именно: решающие различия русской и американской ментальности в общем виде заключаются в том, что американцы в силу самой истории страны видят цель прогресса в расширении индивидуальной свободы, отсюда – индивидуализм как черта национального характера, а русский образ идеального общества – не индивидуалистический, но коммунистический – царство справедливости. Здесь и коренится проблема особого пути России в мировом сообществе. Впрочем, это про-

блема не только России. Что ты об этом думаешь?

На оси “индивидуализм” – “коллективизм” (названия полюсов бывают разными) страны Европы, Северной и Южной Америки заполняют весь континуум, и Россия расположена в области “высокого коллективизма”. Это фиксируют как культурные антропологи, так и социологи, применявшие методы многомерного шкалирования при изучении ценностных ориентаций националь-

ных общностей. Хотя ряд тенденций глобального характера, такие, как, например, рост гедонизма, с одной стороны, и угрозы терроризма – с другой, заметно сказываются на изменении ценностных структур разных групп населения.

Вместе с тем отмечу, что в России природа американского индивидуализма понимается плоско – как эгоизм; в действительности индивидуализм следует рассматривать в связке с ответственностью, уважением к другой личности и толерантностью к другим культурам. Многие из моих героев уже в 7–9 лет начинали работать в домашнем бизнесе или на стороне, чтобы помочь семье, они рано уходили из дома и начинали жить самостоятельно, неся полную ответст-

Тот факт, что человека, с которым я веду мысленный диалог, давно нет в живых, не означает, что он находится вне рамок контекста моего общения с ним. Все мои герои – живы, даже если жили много десятилетий назад, они всегда “здесь-и-сейчас”

венность за себя. Не достигнув 20 лет, они открывали свое дело, то есть отвечали уже не только за себя, но и за своих работников, преподавали, пробовали себя в проповеднической деятельности. После первых крупных успехов в своем деле они активно участвовали в благотворительных акциях и проектах, вкладывали значительные суммы в развитие культуры и науки, часто за символическое вознаграждение работали в правительстве или консультировали его. Хэдли Кэнтрил, один из первых в изучении общественного мнения, писал о Джерарде Ламберте, выдающемся бизнесмене и рекламисте: “Джерри был в высшей степени талантливым и творческим партнером в той огромной работе, которая делалась для Рузвельта во время войны, а его щедрая финансовая помощь давала мне возможность проводить те исследования для Рузвельта, которые я считал необходимыми, вне зависимости от того, будут ли они поддержаны каким-либо правительственным фондом” [Cantril. 1967. P. XI].

Позволь заметить, что в отличие от расхожего мнения обществоведы вовсе не считают индивидуализм, присущий западной культуре, элементарным эгоизмом, они отмечают развитое на Западе чувство персональной ответственности (в “научение” молодым, да и немолодым тоже).

Теперь вопрос. Ты говорил, как перешел от анализа биографий к исследованию исторических процессов. Мог бы ты развернуть это в понятиях социологии и истории науки, передачи опыта в науке?

Расскажу итоги одного микроисследования, фактически длившегося четыре года [Докторов. 2007]. В начале работы над биографией Гэллапа обнаружилось несовпадение данных в разных энциклопедических словарях о том, когда он учился в Айовском университете и какие ученые степени ему были присвоены. Для внесения ясности в этот вопрос я отправил запрос в архив университета. Ответ оказался в высшей степени неожиданным и в значительной мере стимулировавшим последующие исследования жизни и творчества Гэллапа. Это была ксерокопия трехстраничного текста (выписка из “личного дела”)

студента Джорджа Гэллапа, содержащего исчерпывающую информацию о том, какие курсы в какие годы он изучал и как были оценены его знания. Замечу, мне не известны историко-научно-ведческие работы, в которых этого рода документы анализировались бы с целью “измерения” процесса передачи научного опыта.

Ознакомившись с выпиской, я понял, что недостаточно знать, какие предметы изучал Гэллап, крайне важно, кто их преподавал. Я отправил новый запрос в архив университета и через некоторое время получил документ с указанием фамилий и инициалов преподавателей. В некоторых случаях по фамилиям и инициалам можно было отыскать в справочниках и в Интернете базовые данные о заинтересовавших меня ученых, но когда имеешь дело с распространенными фамилиями, типа Knight, Haynes и подобными, найти релевантную информацию практически невозможно; пришлось вновь обращаться в архив.

Гэллап поступил в университет 26 сентября 1919 года и завершил свое образование 23 августа 1928 года, получив степень доктора наук (Doctor of Philosophy) по прикладной психологии. Кроме того, он имел специальную подготовку в теоретической психологии и экономике. Отталкиваясь от этих данных, я выбрал одиннадцать профессоров и преподавателей, обучавших Гэллапа психологии, и начал изучать их жизненные пути и творчество. Я искал необходимую информацию в энциклопедических справочниках, в книгах по истории психологии, в воспоминаниях людей, работавших в те годы в Айовском университете и учившихся примерно в те же годы, что и Гэллап. Я приобрел многие книги этих ученых, чтобы понять, что мог знать Гэллап по избранной им профессии.

Оказалось, что одна группа профессоров Гэллапа (старших по возрасту) принадлежит к ведущим психологам Америки, основателям ряда направлений психологических исследований, они учились у основоположников американской психологии и у крупнейших европейских ученых. Другая группа – это ученики профессоров из первой группы, которые тоже стажировались в ведущих психологических лабораториях США, Германии, Франции и Англии.

В целом обнаружилось, что Гэллуп имел блестящее по тому времени психологическое образование, и удалось выделить “траектории преемственности”, соединяющие Гэллупа через его преподавателей с классиками психологической науки Гальтоном, Джемсом и Фехнером.

Безусловно, научный опыт передается через множество каналов: книги и статьи, научные форумы, письма, архивные документы и прочее, но наиболее эффективными в течение столетий были и остаются сейчас прямые контакты учителя и ученика, преподавателя и студента. В этой коммуникации передаются не только собственно научная информация, не только навыки исследовательской работы, но сам дух, этика профессионального сообщества. Преемственность в науке имеет множество аспектов и составляющих, она не сводится лишь к прямым формам коммуникации между учеными разных поколений. Однако трудно говорить о преемственности, если ученые новых поколений оказываются плохо или вообще незнакомы с работами своих предшественников.

Нынешняя система университетского обучения у нас все более обезличивается. Профессор нередко общается со студентами по электронной почте, семинар на дому профессора, что я еще застал, будучи студентом, немислим, тексты рефератов и эссе доминируют над разговором лицом к лицу. В Америке те же тенденции?

Я не большой специалист по американской системе образования, но уверен, что студенты, ориентирующиеся на личное общение с профессорами, всегда имеют возможность побеседовать с ними. К тому же многие студенты постоянно общаются с преподавателями, работая вместе с ними в лабораториях, на кафедрах, ведь в США наука делается прежде всего в университетах.

Насколько я понимаю, ты придаешь принципиальное значение построению и анализу коммуникационной сети, связывающей всех твоих героев: тех, кто создавал и изучал рекламу, и тех, кто заложил основы современной практики изучения общественного мнения. Как ты выстраивал коммуникационную сеть, с чего начинал?

Использование коммуникационных сетей в науковедении – дело давнее, и к нему обращаются многие науковеды. Это помогает понять роль формальных и неформальных связей между учеными, раскрыть механизмы формирования научных школ и направлений, описать пути распространения нового знания и новых методов. В целом мне все это знакомо, но в начале работы у меня не было плана создания такой конструкции, ибо исходно исследование планировалось как историко-методическое, я не думал, что оно будет историко-биографическим.

Реально импульсом к построению коммуникационной сети стал небольшой фрагмент одного из последних интервью Гэллупа, где он подводил итоги сделанного более чем за полвека [George Gallup: Mr. Polling... 1986]. Там ничего не говорилось о становлении системы измерения общественного мнения или об элементах стиля деятельности Гэллупа, но был указан один из ключевых моментов его жизни и названы имена людей, много значивших в его личной и творческой судьбе. Сначала этот короткий диалог помог мне построить изучение биографии Гэллупа по принципу: “к Гэллупу от Гэллупа и от людей, окружавших его”. Далее, реализуя этот план, я пришел к необходимости изучения широкого круга людей, контактировавших с основными героями моего исследования.

Очевидно, что *априори* было невозможно очертить архитектуру коммуникационной сети ни в отношении числа ее уровней, или слоев, ни в отношении ее профессионального состава. Был виден лишь главный критерий для включения того или иного человека в эту сеть: причастность к поискам приемов создания эффективной (продающей) рекламы, исследования установок и поведения, а также совершенствования процедур изучения общественного мнения. Понятие причастности трактуется мною очень широко и “в пользу субъекта”; лучше включить тех, кто – по мнению иных исследователей – непричастен, чем не указать действительно заслуживших право присутствия в истории.

Исторический процесс – итог взаимодействия людей, и потому методологически ошибочно сводить анализ динамики многовекового

процесса к освещению деятельности ограниченного числа акторов, каким бы значимым ни был их личный вклад в историю.

Существующая сейчас коммуникационная сеть включает сотни людей, ее частью являются генеалогические цепи основных героев исследования. Значительная часть “точек” сети – это ученые, наследие которых оказалось важным для первых поколений аналитиков рынка и общественного мнения, а также профессора, готовившие их к самостоятельной исследовательской деятельности. Многие в истории проведения рекламных кампаний определялись капитанами бизнеса, которые выступали заказчиками рекламы и инициаторами привлечения науки к изучению механизмов воздействия рекламы на потенциальных покупателей. Если говорить о становлении опросов общественного мнения, то здесь во многом решающее значение имели позиции журналистской элиты и политиков. Они – тоже члены этой коммуникационной сети.

Численность элементов сети и ее ярусность по сути определяют “толщину” и границы настоящего, о чем я говорил выше. Отмечу одно принципиальное свойство строения коммуникационной сети: вообще говоря, ее можно создавать, начиная движение с любой точки, процесс ее конструирования – сходящийся, и результат, финальное строение сети, при соблюдении определенных критериев, слабо зависит от ее строителя. Я начинал исследование истории опросов общественного мнения и возведение коммуникационной сети с изучения биографии Гэллапа, но я имел бы тот же результат, если бы первым на моем пути были Роупер, Кроссли, Кэнтрил или любой аналитик, оставивший заметный след в изучении мнений, в проведении опросов.

Какого рода связи ты артикулировал и анализировал?

В данном исследовании было непродуктивно выделять формальные и неформальные связи – ведь стремление к творчеству, желание быть независимым в бизнесе, успешность карьеры практически всех моих героев по сути означают, что чисто функциональный тип отношений между ними – явление крайне редкое. Здесь целесообразнее говорить о прямом, непосредственном диалоге субъектов коммуникации и диалоге внутреннем, или мысленном.

Прямой диалог означает личное знакомство и предполагает существование различных форм коммуникации между его участниками профессиональной, дружеской и прочее; такие контакты могут быть непосредственными или опосредованными, например обмен письмами. Мысленный диалог тоже может быть формой общения знающих друг друга людей, однако

в рамках этого исследования под подобной формой коммуникации подразумевались прежде всего “мысленные разговоры”, “внутренние диалоги” живущих, активно действующих людей с их предшественниками, размышления по поводу жизни и наследия последних. В таких диалогах реальное “я”, не порывая с собою, постоянно спрашивает о чем-то лично неизвестном ему “историческое

не-я” и самостоятельно пытается ответить за него на эти вопросы. В момент внутреннего диалога реальный субъект общения “удваивается”: он говорит за “я” и за “не-я”.

Я подробно рассматривал многолетний и в высшей степени плодотворный мысленный диалог Гэллапа с лордом Брайсом, понимание которым природы и истории американской демократии стимулировало проведение Гэллапом “выборочных референдумов”, то есть опросов общественного мнения. Редко цитируемая книга Гэллапа “Грядущее чудо” [Gallup. 1964] о психобиологических основах мышления и памяти – свидетельство его, как сказали бы сегодня, “виртуального общения” с Фрэнсисом Бэконом.

В России природа американского индивидуализма понимается плоско – как эгоизм; в действительности индивидуализм следует рассматривать в связке с ответственностью, уважением к другой личности и толерантностью к другим культурам

Возможно, об этом диалоге можно было бы здесь и не говорить, но признание ценности бэконовских принципов науки и научного знания, опора на них в эмпирических поисках – одна из составляющих сущности и стиля работы Гэллапа [Gogan. 1997].

Однако создание богатой, многослойной коммуникационной сети является лишь частью методологии исторического исследования, базирующегося на биографическом материале. Второй круг методологических проблем – это создание биографий, например отбор биографических данных. Такой проблемы нет, если биографических сведений мало, но в ряде случаев необходима селекция подобной информации.

Здесь принципиально заметить, что обсуждаемое историко-наукоедческое исследование имеет дело не вообще с биографией, а с профессиональной биографией, показывающей человека в профессии и для профессии... Хотя в действительности удержаться в заданных себе границах иногда бывает очень трудно; влияние личности героя может быть настолько сильным, что хочется говорить о нем не только как о профессионале. Тем более что во многих случаях профессиональное было почти тождественно личностному.

Ну что же, мне кажется, нам удалось прояснить твою методологию. Видно, что здесь слитно присутствуют профессионализм социолога и историка (науки). Не будучи историком, не могу себе представить, как бы стал рыться в архивах и справочниках в поисках сведений о некоем в сущности побочном для “целевого” персонажа ученом или ином деятеле. Я вижу, что мы в беседе, возможно, несколько перебрали во взаимных реверансах. Эта манера присуща людям искусства, у них реплика “Старик, ты гений!” – норма. Да простится нам, представителям иной профессии. И скажу вполне серьезно – ты действительно разработал особую методологию интервью с экспертами. Ее можно адаптировать и к иным областям, то есть за пределами социологии и истории науки – в сферах изучения развития предпринимательства, управления и т. д.

Сердечное спасибо, Боря, за полезный для нашего дела разговор. Старик, ты молодец! ■

Литература

- Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Т. 4. СПб.: Норма, 2005.
- Беспалова Ю.М. Западно-сибирские предприниматели второй половины XIX – начала XX вв.: имена, биографии, судьбы. Тюмень: Изд-во ТГУ, 2002.
- Гилберт Дж. Н., Малкей М. Открывая ящик Пандоры. М.: Прогресс, 1987.
- Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984.
- Докторов Б. З. О надежности измерения в социологическом исследовании. Л.: Наука, 1979.
- Докторов Б. Дж. Гэллап всегда первым знал, кто будет новым президентом Америки // Взгляд (Сан-Франциско). 2000а. № 394. 11–17 марта. С. 20–21.
- Докторов Б. З. Дж. Гэллап – наш современник: к 100-летию со дня рождения // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2000б. № 2. С. 2–18.
- Докторов Б. Онлайн-опросы: обыденность наступившего столетия // Телескоп. 2000в. № 4. С. 16–31.
- Докторов Б.З. Эмиль Хурья – волшебник политического анализа // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2002. № 5. С. 30–40.
- Докторов Б.З. Первопроходцы мира мнений: от Гэллапа до Грушина. М.: Институт Фонда “Общественное мнение”, 2005а.
- Докторов Б.З. “Я живу в двуедином мире...” (Интервью Н. Мазлумяновой) // Социологический журнал. 2005б. № 4. С. 132–167.
- Докторов Б. Реклама должна продавать. (К попытке анализа наследия П.Т. Барнума, Х. Гейла, У. Скотта и Э. Стронга) // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005в. № 5. С. 44–53.
- Докторов Б.З. Отцы-основатели: история изучения общественного мнения. М.: Центр социально-прогнозирования, 2006а.

- Докторов Б.З.* “Мне наиболее интересны методы познания и сам исследователь...” (Интервью Б.М. Фирсову) // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006б. № 3. С. 2–13.
- Докторов Б.З.* Дэвид Огилви: рекламист на все времена // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006в. № 4. С. 39–51.
- Докторов Б.З.* История в биографиях и биографии в истории (Тезисы для чтений памяти В.Б. Голофаства. Петербург. 23–25 марта. 2007а) <<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Tributes/golofast.html>>
- Докторов Б.З.* Жизнь в поисках “настоящей правды”. Заметки к биографии Ю.А. Левады // Социальная реальность. 2007б. № 6. С. 67–82.
- Докторов Б.З.* Он изучал людские мнения “нещадно, вопреки всему”. Памяти Бориса Андреевича Грушина (1929–2007) // Социологический журнал. 2007в. № 4. С. 171–184.
- Докторов Б.З.* Учителя и учителя учителей // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007г. № 2. С. 29–41.
- Докторов Б.З.* Б.А. Грушин. Четыре десятилетия изучения российского общественного мнения // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2004. № 4. С. 2–13.
- Докторов Б.З., Ослон А.А., Петренко Е.С.* Эпоха Ельцина: мнения россиян. Социологические очерки. М.: Институт Фонда “Общественное мнение”, 2002.
- Заславская Т.И.* “За то хорошее и отличное, что послал мне Бог, я заплатила полностью” (Интервью Б. Докторову) // Социологический журнал. 2007. № 3. С. 137–169.
- Здравомыслов А.Г.* “Если мы не можем объяснить нечто воздействием высших сил, значит – надо искать объяснение в мире людских отношений” (Интервью Б. Докторову) // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006. № 5. С. 2–10.
- Инфельд Л. Эварист Галуа.* Избранник богов. М.: Молодая гвардия, 1958.
- Коллинз Р. Дж.* Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980.
- Кузнецов Б.Г.* Эйнштейн. М.: АН СССР, 1962.
- Кузнецов Б. Г.* Галилей. М.: Наука, 1964.
- Кузнецов Б.Г.* Разум и бытие. М.: Наука, 1972.
- Монсон П.* Лодка на аллеях парка: Введение в социологию: Пер. со швед. М.: Весь Мир, 1995.
- Полани М.* Личностное знание: На пути к посткритической философии. М., 1985.
- Рогозин Д.М.* Рецензия на книгу Б.З. Докторов “Первопроходцы мира мнений: от Гэллага до Грушина” // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2005. № 3 (75). С. 131–138.
- Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999.
- Тойнби А. Дж.* Постижение истории. М.: Прогресс, 1991.
- Философия и методология истории. Сборник статей / Отв. ред. И.С. Кон. М.: Прогресс, 1977.
- Фирсов Б.М.* “...О себе и своем разномыслии...” (Интервью Б. Докторову) // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. № 1. С. 2–12.
- Шредингер Э.* Что такое жизнь с точки зрения физики? М.: Гос. изд. иностр. лит., 1947.
- Электронное письмо В. Голофаства Б. Докторову от 23 января 2004 г.
- Электронное письмо В. Голофаства Б. Докторову от 26 февраля 2004 г.
- Электронное письмо В. Голофаства Б. Докторову от 22 сентября 2004 г.
- Электронное письмо Дж. Гэллага (John Hoagland Gallup) Б. Докторову от 24 июля 2000 г.
- Ядов В.А.* “...Надо по возможности влиять на движение социальных планет...” (Интервью Б. Докторову) // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005а. № 3. С. 2–11; 2005б. № 4. С. 2–10.
- Cantril H.* The Human Dimension: Experiences in Policy Research. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1967.
- Gallup Genealogy. Provo, Utah: Brigham Young University, 1987.
- Gallup G.* The Miracle Ahead. New York: Harper & Row Publishers, 1964.
- George Gallup: Mr. Polling. An Interview with Dr. Gallup Conducted by R. Bartos // Journal of Advertising Research. 1986. Vol. 26. No. 1. P. 21.
- Hogan J.M.* George Gallup and the Rhetoric of Scientific Democracy // Communication Monographs. 1997. Vol. 64. No. 2. P. 161–179.

О. Яницкий

Размышления о взаимодействии социологии и исторической науки

Постановка вопроса

Уважаемые коллеги, меня беспокоит увеличивающийся *разрыв между двумя важнейшими дисциплинами: социологией и исторической наукой*. Объем социологической продукции растет на глазах, но ее использование в осмыслении российской истории пока ничтожно мало. Интересуясь в последнее время мнениями и оценками российских и зарубежных историков о состоянии и перспективах российского общества и государства, я с удивлением обнаружил, что результаты социологических исследований практически не используются в историческом анализе (я не имею в виду литературу по истории социологии и учебную литературу – там специфические задачи).

Судите сами. Я взял десять книг ведущих российских и зарубежных историков, исследующих динамику новейшей российской истории и ее связь с историей советского периода и более далекой. В книгах А. Ахиезера, Вл. Булдакова, А. Багатурова, В. Кантора, Б. Миронова, Ю. Пивоварова, В. Федотовой, Р. Пайпса и других практически никак не используются данные социологических исследований за двадцатилетний и более отдаленный период нашей истории – ни российские, ни зарубежные. За-

тем я взял десять книг ведущих политологов России и мира: В. Иноземцева, А. Уткина, И. Берлина, З. Бжезинского, Т. Грэма, М. Хардта и А. Негри, Л. Шевцовой и других – здесь дело обстоит лучше, но ненамного. Правда, статусные ссылки попадают. Но если в западной социологии каждая “гранд-теория” имеет, говоря словами В. Ядова, персональное лицо, то российские историки и политологи таких лиц не различают: ссылки даются в “обезличенном” виде, например, что ВЦИОМ в таком-то году показал, что такая-то группа населения сказала то и т. д.

Если отбросить дипломатические реверансы, то получается, что гигантская машина массовых эмпирических исследований обслуживает только потребности политического рынка – государственного или корпоративного. Иначе говоря, социологи – сами по себе, историки – сами по себе. Если сказать еще жестче, социология рискует оказаться вне круга наук, осмысливающих исторический процесс. Я отнюдь не призываю к смешению всех гуманитарных наук, хотя процесс их взаимопроникновения идет довольно стремительно, но отсутствие мостов между социологией и исторической наукой – факт, на мой взгляд, тревожный. Получается, что если социологи пишут российскую

* Выступление на Харчевских чтениях, октябрь 2007 г.

историю, то будет одна картина, если истории – совсем другая? Попробуем посмотреть на причины такого дистанцирования.

Одна из них, по моему мнению, заключена в том, что никакая последовательность замеров (“срезов”) российской действительности, получаемых в результате массовых опросов, не дает картины социальной динамики или, употребляя термин Н.Д. Кондратьева, “длинных волн” эволюции российского социума. Почему это происходит?

Во-первых, потому, что эти “замеры” сделаны без соотнесения с историческим и культурным контекстом, динамикой которого – или, напротив, причинами его резистентности – как раз и озабочены историки, пишущие о России. Простой пример: молодежь 20 лет назад и сегодняшняя, как показали сотрудники Института социологии, – это совсем разные люди с разной ментальностью. Или: большой город тогда и сегодня – это совершенно разные экономические, культурные, институциональные и все другие среды.

Во-вторых, потому, что в большинстве массовых опросов нет главного: ключевых акторов истории – элит всех уровней, силовых структур, теневых и криминальных лидеров. Они существуют, но если и высказываются, то очень неохотно и дипломатично.

В-третьих, в такого рода исследованиях чрезвычайно трудно уловить коренные исторические сдвиги: модернизации и демодернизации, соотношения сил государства и гражданского общества, движения в сторону европейской культуры или возрождения архаики и права сильного. И отечественные, и западные историки, основываясь на знании культуры и социальных институтов России, говорят о предстоящих трудностях, нарастающем кризисе, о риске выпадения России из европейской цивилизации. Социологи редко обсуждают такие ключевые для судьбы страны вопросы.

Наконец, еще один недостаток: столичная социология продолжает довлеть. Может быть, только несколько социологических журналов стараются охватить все постсоветское пространство. В результате региональные журналы

все чаще обсуждают свои региональные проблемы без оглядки на “центр”. Откройте, например, журнал “Эксперт Сибири” – и вы увидите, что там, за Уралом, актуальны совсем другие сюжеты и делаются совсем иные акценты, чем в столице. Сегодня государство наконец озабочилось судьбой Сибири и Дальнего Востока, этого ключевого для существования России макро-региона, точнее, совокупности регионов, столь разных по своим природным условиям, уровню развития, ментальности жителей и геополитическому положению. Как будем действовать дальше: будем его “обживать”, как предлагают А.И. Солженицын, региональные эксперты и ваш покорный слуга, или же “осваивать”, то есть попросту говоря, колонизировать вахтовым методом, как предлагают наши либералы от экономики и политики? На мой взгляд, отечественная социология пока что ответа на этот вопрос не имеет.

Итак, два вывода: российская социология представляет собой сообщество, обособленное от исторической науки, и, следовательно, новейшая история страны и текущие социологические исследования почти не стыкуются. Где же выход?

Мосты и связи

Если приглядеться к исследовательскому инструментарию двух наук, то мосты между ними все же обнаруживаются. Назову некоторые из них. Во-первых, это исследовательский ход “через знаковые фигуры”, то есть использование мнений и оценок, даваемых экспертами, политиками в отставке (они более откровенны), сторонними наблюдателями (послами, разведчиками, путешественниками) и вообще – много знающими и широко мыслящими людьми, прежде всего журналистами высокого класса. Оценок, касающихся в первую очередь политики и ее носителей – политической и военной элиты. Здесь прежде всего цитируются социологи, занимающиеся элитой, — О.В. Крыштановская и другие. Но и теоретики-социологи в последнее время апеллируют к мнению выдающихся российских историков и историков-социологов

Н.А. Бердяева, В.О. Ключевского, В.С. Соловьева, Г.П. Федотова, С.Л. Франка.

Далее, это метод включенного наблюдения. Например, в 1990-х годах, когда Россия стала “открытой”, то есть по милости наших “демократов” превратилась в проходной двор, ко мне в руки попал любопытный документ. Один иностранец, хорошо знающий русский, просто курсировал в поезде Владивосток–Москва и записывал разговоры пассажиров. Этот текст давал гораздо более полное представление о ситуации в стране и настроениях ее граждан, чем иной массовый опрос. Дешево и сердито! Впрочем, чему удивляться: А.П. Чехов ездил на Сахалин, а И.А. Бунин вообще объехал почти полмира.

В-третьих, это общая для российской исторической и культурологической мысли традиция опоры на мнения и оценки великих русских писателей – М.А. Булгакова, И.А. Бунина, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.П. Платонова. Это вполне естественно, так как в России художественная литература XIX–XX веков была этически и граждански ориентирована. Сыграло роль и то обстоятельство, что в отличие от трудов социологов и историков художественная литература была не только гораздо более доступна и понятна широкому читателю (она в то время была средством массовой коммуникации), но и играла ключевую роль в просвещении и образовании, выполняемых тремя центральными институтами социализации: семьей, школой и вузом. С моей точки зрения, прогностическая сила некоторых художественных произведений (вероятно, ввиду меньшей политической ангажированности их авторов) была на несколько порядков выше, чем у профессиональных прогнозистов и политиков.

Очень важный “мост” – это изучение политических и социальных институтов. Историки традиционно глубоко вовлечены в исследования динамики ключевых институтов: форм собственности, эволюции властных структур, и прежде всего – российского государства и его ветвей и т. д. К сожалению, я пока не знаю ни одного социологического исследования, в котором были бы изучены институциональные и человеческие последствия недавних изменений

в жилищном, земельном, водном или лесном кодексе. А ведь это – ключевые ресурсы жизни народа, причем катастрофические последствия некоторых статей из названных кодексов уже налицо. Есть лишь одно исследование последствий введения градостроительного кодекса, но и то носящее лишь экспертный характер (В. Глазычев). Силовое предпринимательство – да, изучалось (В. Радаев, В. Волков), но институт “права по понятиям” или “силового права” – практически никогда.

Не менее, а может быть, еще более важный “мост” между рассматриваемыми дисциплинами – это изучение общественных (социальных) движений. Я не берусь даже просто перечислить фигуры мировой социологии, которые считали их движущей силой мировой истории. Тут можно называть имена от К. Маркса до Ч. Тилли, А. Турэна, М. Кастельса и еще многих других. В российской социологии эта тематика, кроме, может быть, экологического и женского движений, малопопулярна. Тем не менее общественные движения – жилищное, самоуправление, весь спектр национальных и национально-освободительных движений, равно как и радикальных – в той или иной форме существуют, действуют, собирают под свои знамена людей, и не признавать их, не изучать – значит оказать плохую услугу и обществу, и нашей науке.

Однако если в программах международных и европейских конференций и конгрессов эта тематика всегда присутствует, уже много лет существуют международные сети социологов, изучающих социальные движения, то о России этого сказать нельзя. Социология политических процессов и организаций есть, а социологии социальных движений практически нет. Между тем такие движения способны в корне изменить структуру и характер всей социальной динамики – что и произошло в годы перестройки. Одни называли этот процесс великой либеральной, другие – великой криминальной революцией. Кстати, в западной социологии революции числятся по разряду социальных движений (К. Маркс, Ч. Тилли и др.).

Наконец, еще о двух линиях связи между социологией и исторической наукой – линиях

существующих, но в социологии отодвинутых на второй план. Одна – это метод “изучения случая”, прекрасно известный социологам, но очень редко ввиду его трудоемкости и длительности используемый в полном объеме. Глубоко ошибочно мнение, что, изучая “случай”, мы получаем лишь единичное знание, на котором нельзя построить даже теории среднего уровня. Историки, помещая некоторое “событие” в центр своего интереса (называя его просто “событием” или обозначая его через ключевую фигуру, знаковое движение или даже не называя никак), идут от него кругами вширь и вглубь, связывая воедино как эволюцию институтов, так и динамику человеческих сообществ и отдельных личностей (а затем ищут в архивах недостающие или пропущенные звенья). Метод “изучения случая” есть один из инвариантов storytelling, то есть истории развития конкретного конфликта в конкретных обстоятельствах места и времени. Вот почему хроника событий, связывающая все переплетение сугубо местных и транслокальных событий во временную цепь, – важнейший момент этой методики. Или, с гносеологической точки зрения, процесс “вырастания” типичного из локального.

Другая, тесно связанная с первой, линия – это “хроники событий”. Речь отнюдь не идет о хронологиях, к которым мы привыкли еще со школы, хотя они также имеют важное значение для изучения исторического процесса. Речь в данном случае идет о распространившемся со второй половины прошлого века методе хроник, получившем наименование “устной истории” (oral history), который вскорости нашел признание и в нашей стране. Метод личных свидетельств – и у нас, и во всем мире – внес огромный вклад в прояснение того, “как это было на самом деле”. Конечно, речь всегда идет об интерпретациях, но это – важнейший “мост” между историческим и социологическим исследованием, ориентированный на познание человеческой истории через изучение мнений и поступков рядовых граждан (a history of everyday life). Такие свидетельства, подкрепленные данными из разных источников, в том числе архивными материалами (письмами, дневниковыми

записями, копиями случайно сохранившихся протоколов собраний, резолюций или допросов), часто меняли картину уже “однозначно оцененных” исторических событий.

В частности, метод, позволяющий связать прошлое и настоящее, текущее, – это детализированные хроники созревания и течения социального конфликта. Практически вся наша жизнь является цепью конфликтов или, если угодно, возникновений и разрешения проблем между человеком и обществом, обществом и государством, государством и его окружением. Сегодня мы наблюдаем растущий по значимости конфликт между обществом и природой. Если удастся хронологически отследить и зафиксировать такое “течение”, то и социолог, и историк обретают ценнейший материал для интерпретации социальной динамики в соединении ее макро-, мега- и микропроцессов.

Исследователь, получая “линию”, русло течения конфликта, одновременно получает возможность отследить все его ответвления и побочные эффекты, многие из которых позже становятся главными. Он выявляет достаточно полный состав участников процесса, их отношения и связи, культурную и иную обусловленность принимаемых ими решений, проводит мониторинг их реализации и многое другое. Мой многолетний опыт изучения “случаев” через их подробные детализированные хроники показывает, что течение социальных конфликтов редко бывает линейным, это скорее колебательный процесс, состоящий из множества поступательных и возвратных движений. О чем, собственно говоря, писали и пишут русские и современные российские историки (С.М. Соловьев, М.В. Довнар-Запольский, А.С. Ахиезер, В.К. Кантор и многие другие).

Метод построения хроник натолкнул меня – сначала эмпирически, а потом уже и на теоретическом уровне – на мысль о близости исследования и расследования. В самом деле, что есть историческое исследование, ведущееся при помощи изучения архивных документов, как не *расследование*, приближающееся по своему характеру к процессуальным методам гражданского или уголовного следствия, только “рас-

спрашиваются” не живые фигуранты, а их показания, свидетельства потерпевших, просьбы и доносы. Но если взять социальную журналистику, журналистское расследование (по общему признанию, самый опасный вид этой деятельности), то мы получим еще один живой “мост” между социологией и исторической наукой. Эти три названные профессии в данном случае роднит максимальное приближение к первоисточникам информации о событиях и конфликтах. Скажу еще раз: метод трудоемкий, но в результате исследователь получает развернутую во времени и в физическом и социокультурном пространстве картину этого процесса. Но хроники – это уже интерпретации. Основой всего являются архивы. Ничто так строго не охраняется государством и частными фондами и не может быть более ценным для исследователя, чем архивы. Социолог скажет: но я же не могу ждать, мне нужен ответ сейчас! На это могу ответить только одно: собирайте архивы сегодня и берегите их, потому что новейшая история столь скоротечна, что они могут понадобиться вам уже завтра.

Наконец, есть еще одна связь между социологией и исторической наукой, которая, однако,

сегодня быстро меняется. Европейская традиция Просвещения означала движение “сверху вниз”, когда наука открывала законы природы и общества, а затем просвещала народ. Такое “хождение в народ” было особенно характерно для русской науки. Этим занимались не только великие ученые, такие как Д.И. Менделеев, но и писатели, как Л.Н. Толстой.

Сегодня это “вертикальное” движение знания постепенно вытесняется “горизонтальным”, то есть интерактивным. Как писал Латур: “Наука есть определенность, исследование – неопределенность. Предполагается, что наука холодна, прямолинейна и отстранена; исследование же – теплое, вовлеченное и рискованное занятие. Наука кладет конец капризам человеческих мнений; исследование порождает контроверзы. Наука продуцирует объективность, избавляясь насколько возможно от идеологических оков, страстей и эмоций; исследование дает пищу всем им, чтобы сделать объекты исследования близкими и понятными”. Это означает, что культура исследования становится более плюралистической и открытой непрофессионалам. Иными словами, “социальное” абсорбируется “научным”. ■

МЕЖДУ ПРОЧИМ

Так говорил респондент...

– По Вашему мнению, какие меры следует принять правительству, чтобы уровень рождаемости в России повышался?

– Надо беседовать с молодежью, чтобы девочки выходили замуж, а не занимались сексом. Благоустраивать дворы.

– Почему Вы считаете, что, выходя замуж, женщина обязательно должна брать фамилию мужа?

– Иметь мужскую фамилию.

– Почему Вы одобряете решение давать матери не налич-

ные деньги, а сертификат, который можно использовать только на определенные цели?

– Сертификат будет содействовать выводу ребенка в люди.

– Какие меры предосторожности Вы принимаете, чтобы избежать заражения инфекционными заболеваниями?

– Чеснок, презервативы, пью сок, стараюсь вести здоровый образ жизни.

– Какие события прошедшей недели, о которых сообщалось в средствах массовой информа-

ции, больше всего заинтересовали Вас, привлекли Ваше внимание?

– Одних голых женщин показывать, запомнить ничего не могу.

– Перечислите, пожалуйста, несколько высказываний, решений и действий В. Путина за прошедшую неделю, которые Вам запомнились и не понравились, вызвали возражения.

– Старых женщин бабками называл.

(Из опросов ФОМа)

WAGTIEPCKVAR

И. Климов

“Сырое и приготовленное”, или К апологии рецензий*

Есть замечательный афоризм: если вам кажется, что вы совершили открытие, это означает только одно – что вы мало читали. В этом афоризме важен не столько его смысл, сколько методология, в нем заложенная: мы способны понимать наблюдаемое только в том случае, когда обладаем инструментами для распознавания статуса увиденного (факт или фантом) и его значения (феномен / эпифеномен). То есть мы должны не просто пристально следить за тем, что мы изучаем, надеясь, что реальность сама подскажет какие-то объяснительные конструкции, – нам необходимо иметь систему различений и обоснований, помогающих понимать, что же такое мы увидели, получили, пощупали. А эта система различений не может быть порождена только нашими собственными интеллектуальными ресурсами, нашим автономным усилием. Нужно отдавать себе отчет в том, что научная деятельность связана не только и не столько с открытиями, сколько с нудными процедурами обоснования и легитимации вывода. Исследователь не имеет права использовать аргумент “я так вижу” в обоснование своего утверждения о реальности. Достаточно вспомнить парадокс П. Лазарсфельда – парадокс здравого смысла: любому сочетанию фак-

тов, любому событию и даже любой версии события мы можем адресовать множество правдоподобных объяснений, потому что наше мышление управляется “системой естественной логики”. И как правило, человек, вне зависимости от своего опыта, знаний и статуса не в состоянии из множества правдоподобных утверждений выбрать наиболее релевантное, наиболее полно и точно воспроизводящее действительное положение дел.

М. Могильнер в книге “Мифология подпольного человека” несколько с другого ракурса, но также указывает на эту проблему. Автор говорит о том, что самая большая опасность для исследователя, производящего реконструкцию и описание неких ситуаций, процессов, событий, это подпасть под обаяние и под влияние идей и концепций тех людей, которых ты изучаешь, особенно если эти концепции жанрово связаны с культуртрегерством и литературным творчеством. Соответственно, когда мы говорим о *прочитывании* текста и его *убедительности*, критическое отношение к материалу (устному или письменному) превращается в один из основных компонентов практики научного чтения. Однако здесь не все так просто, как может показаться на первый взгляд.

* Текст подготовлен при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта “«Социологический журнал»: от печатного издания к электронной информационной системе” (№ 05-03-12311в.)

Социальные науки, по замечанию Г. Батыгина, существуют между Сциллой и Харибдой двух идейных сред, двух Проектов. Один Проект – *описание* реальности, и, что важно, описание *внетекстовой* реальности. Другой Проект подчинен идее *преобразования* социальной действительности. В своем стремлении к социальному преобразению социальные науки создают текстовые конструкторы, описывающие существующую реальность не “позитивистским”, а имажинативным, фантазийным способом. “Социальные науки подчинены здесь задаче социального преобразования и, соответственно, освобождены от тривиальных «позитивистских» проблематизаций, обнаруживающих значимость в безыскусности факта и тем самым ставящих свое предзнаменование в зависимость от сопротивления материала. Избавленные от фактичности, социальные науки (равно как и идеологии) выполняют не денотативную функцию (описание реальности), а функцию фигуративную, связанную с производством репрезентаций – превращени-

ем внетекстовой реальности в текстовую социальность” [Батыгин. 2005. С. 8]. В итоге такая двойственность познавательных устремлений социальных наук открывает принципиальную возможность для “конструирования социальной реальности”. И очень важным здесь оказывается использование приемов и методов, принятых в профессиональном сообществе: научный статус факту сообщает “научность метода”.

Ирония заключается в том, что *описание* фактов означает *производство текстовых конструкций и конструкторов*. То есть, производя текст, сообщество социальных ученых утверждает существование внетекстовой реальности и претендует на ее репрезентацию. Однако такая – преобразованная – реальность создает проблемы

для оценки точности и надежности преобразования и т. д. И зачастую эта реальность оказывается непроницаемой для усилий пытливого читателя отличить три ее возможных статуса – “реальная реальность”, “вымышленная реальность”, “воображаемая реальность”. “Вымысел играет существенную роль в производстве научного знания, – пишет Батыгин, – но литературный вымысел своей вымышленности не скрывает. Соответственно, требуется и определенное отношение к тексту как вымыслу. А в социальных науках вымысел приобретает промежуточную форму *точки зрения*, социальные науки отличаются от литературы тем, что сохраняют естественную установку на существование реального мира” [Батыгин. 2005. С. 11].

Есть еще одно обстоятельство, которое отнюдь не облегчает понимание сложной связи реальности, профессиональной работы и текста. Речь идет о способах существования в обществе профессиональных сообществ. Очень часто их границы имеют ценностную, или идеологиче-

Производя текст, сообщество социальных ученых утверждает существование внетекстовой реальности и претендует на ее репрезентацию. Однако такая – преобразованная – реальность создает проблемы для оценки точности и надежности преобразования и зачастую оказывается непроницаемой для усилий пытливого читателя отличить три ее возможных статуса: “реальная”, “вымышленная”, “воображаемая”

скую, или же организационную природу, а не методологическую или предметную. Соответственно научная коммуникация становится не способом поиска истины, а инструментом клановой идентификации “свой – чужой”. В качестве одной из главных проблем Г. Батыгин называет структурную неотграниченность социальных наук от публичного общественно-политического дискурса и медийной “повестки дня” [Батыгин. 2005. С. 10]. Это приводит к тематическому, стилистическому и более того – терминологическому наложению, если не симбиозу, разных по своей исходной природе систем знания. Погружение научной речи в публичный социально-политический дискурс приводит не только к смещениям в природе актуальности на-

учной темы (актуальность объяснительной способности vs актуальность общественного интереса), к метафоризации научного языка, но также и к смещениям в функциональности научных процедур. Цитирование и рецензирование в этом контексте начинают играть совершенно особую, специфически измененную роль. Они превращаются в процедуру распознавания и конструирования “своего” и “чужого”, и приоритет здесь отдается маркированию границы и дискурсивному ее укреплению максимально приспособленными для этого и эффективными средствами, а не критике или развитию аргументов сообразно с принципами эволюционной эпистемологии.

Составная часть этой проблемы – ослабленность корпоративного контроля (внутренняя экспертиза, рецензирование, формы организованной критики и состязательной доказательности). Их выхолощенность и ослабленность (формальность, партикулярность) приводят, в частности, к изменениям и в нормативной системе, управляющей производством научного текста [Батыгин. 2005. С. 12–13; Интервью с Батыгиным. 2006. С. 89]. Это выражается в том, что на фоне диффузности и фактической относительности правил текстообразования формируются новые форматы профессионального дискурса, письменной речи, которые в меньшей степени ориентируются на корпоративную, проводимую профессионалами экспертизу, а в первую очередь – на “внешние” формы признания¹. Проблема, как отмечает Батыгин, заключается не столько в нарушении норм производства знания, сколько в их подмене и в утверждении – де-

факто – *взаимозаменяемости* норм [Батыгин. 2005. С. 13]. Когда нарушение осознается, это только подтверждает существование нормативного порядка. Если же производство научного текста начинает управляться литературными нормами, нормами публицистики или политического дискурса, утверждается принцип необязательности, взаимозаменяемости институциональных нормативных систем и происходит их релятивизация.

И вот здесь в функциональном пространстве научной деятельности и скрывается тема, обсуждение которой мы хотели бы начать. Это тематика рецензий и ре-

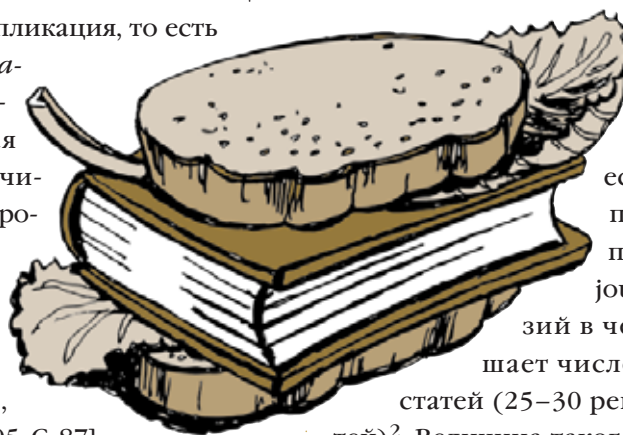
цензионной речи, это размышление о том, какие функции они выполняют и должны выполнять в повседневной практике профессиональных сообществ.

Рецензионную речь мы бы предложили понимать как трехсоставное действие: профессиональное чтение – формирование суждения – высказывание. Это не просто разновидность научной коммуникации и не просто формальный или ритуальный акт в публичной деятельности научного сообщества, каковы защита диссертации, презентация новой книги или подготовка журнальной статьи. Эта практика в целом и ее ситуативные специфические свойства связаны, во-первых, с методологией исследовательских программ, реализуемых тем или иным сообществом профессионалов, с другой стороны – с процессами формирования и функционирования научных сообществ. Бытование рецензионной речи, равно как и практика цитирования, оказываются одновременно и индикаторами,

¹ “Поиск этих образцов реализуется, как правило, по схеме масс-коммуникативного воздействия, где “скандал”, “сенсация” и интеллектуальная (а также светская) жизнь “героя-звезды” являются функциональными эквивалентами восприимчивости (успеха)” [Батыгин. 2005. С. 13].

и результатом текущего положения дел [Shadish, Tolliver, Gray, Gupta. 1995; Касимова. 1999; Даудрих. 2005]. Многие исследователи отмечают специфику формирования профессиональных сообществ в сфере социальных наук и развития практик научной работы в нашей стране. В частности, говорится о неразвитости научной коммуникации, ее ритуальности, об отграниченности, а порой и о "клановости" профессиональных сообществ, что приводит к "фрагментированности совокупного текста социальной науки" [Батыгин. 2005. С. 87]. Неудивительно, что основной формой бытования текста социальных наук остается репликация, то есть *заимствующее копирование*, а отнюдь не трансмиссия, не критическая оценка знания на устойчивость и достоверность, с проверкой обоснованности вывода, обобщающих идей, методологии, понятийного аппарата и т. д. [Салтыков. 1996; Гудков, Дубин. 2001; Батыгин. 2005. С. 87].

В ситуации размытости и относительности нормативных предписаний, управляющих производством научных текстов, также изменяется и статус рецензии: рецензионная речь становится либо способом повышения идейной (идеологической) значимости текста и его автора, либо разновидностью личностной атаки, аргументации *ad hominem*, а не аргументацией по существу.

Функциональный же смысл этого действия смещается с задачи предъявления и поддержки системы норм профессии к демонстрации анклавной лояльности, к формированию тематических, понятийных, парадигмальных и в конечном итоге социальных разграничений, имеющих выраженный охранительный характер. Очевидно, что это создает непроницаемые для циркулирования идей границы между корпорациями профессионалов.

Те, кто занимается социологией науки, отмечают очевидную неразвитость и непопулярность жанра рецензий в отечественной практике социальных наук. Это становится особо наглядным, когда есть с чем сравнивать: например, численность публикуемых в "American journal of sociology" рецензий в четыре-пять раз превышает численность тематических статей (25–30 рецензий против 5–6 статей)². Величина такого различия – примерно такая же, как между "сырым" и "приготовленным", если пользоваться методологическим аппаратом структурной антропологии. Это не просто разница норм и практик профессиональной деятельности, это разная культура (профессиональной) кухни, и на каждом из полюсов – *иная идея продукта и иная культура употребления его*³.

² Западная традиция обзоров и рецензий заметно более развита – технологически, организационно, тематически, – чем аналогичная практика в нашей стране. Наиболее известный специализированный справочник по социологии – "Sociological Abstracts", который издается Международной социологической ассоциацией. Важная его особенность – исключительно информативные аннотации (эбстракты) по 33 разделам социологии. Они содержат сведения о гипотезах, инструментарии, объекте исследования и выводах. Центром документации по социальным и гуманитарным наукам ЮНЕСКО (UNESCO Social and Human Science Documentation Centre) издается "Международный указатель периодических изданий по социальным наукам" (World List of Social Science Periodicals). Справочник охватывает около 4,5 тысяч наименований периодических изданий и снабжен предметным указателем. Среди важнейших справочников специального назначения – "Annual Review of Sociology". Это ежегодник, содержащий развернутые тематические обзоры по 12 основным разделам социологии, и готовятся они социологами первой величины. Также рецензионная традиция поддерживается и на уровне периодики. В упомянутом "American journal of sociology" кроме "штатных" рецензий дополнительно на последних страницах публикуются библиографические списки, а также короткие, в 30–40 слов, аннотации вышедших книг.

³ Г. Батыгин сравнивал ситуацию вырожденности жанра рецензий с отсутствием карты боевых действий – непонятно, кто куда наступает, кто какие цели перед собой ставит; регулярная армия распадается на партизанские отряды [Интервью с Батыгиным. 2006].

Если же говорить *в принципе*, возникает вопрос: какие задачи призван решать этот род текстов, каковы его функции в жизни научных сообществ?

Обилие выходящей литературы таково, что для специалистов в области социальных наук востребованным оказывается не только и не столько последовательное прочтение книг по специальности, но главным образом – поддержание информированности, содержательной включенности в публикационный поток, купирование необходимости самостоятельно знакомиться с большим объемом литературы по смежным областям. Это – базовая функция рецензионной практики. Однако этим перечень не исчерпывается. Попробуем выделить и другие функции рецензий.

1) Поддержание понятийной и терминологической компетентности специалистов в тех областях, которые находятся за пределами их профессиональной специализации и не входят у них в повседневную практику разного рода занятий – от исследований до преподавания.

2) Создание практики и привычки к внутренней экспертизе и оппонированию. Это происходит, с одной стороны, в менее жестких формах, чем, например, официальные ритуалы оппонирования, с другой стороны, в более систематическом виде, нежели высказывание при относительно неформальной встрече и обсуждении.

3) Компетентное различение “своего” и “чужого” – темы, подхода, методологии, опыта и т. д., различение, основанное не на отстранении, а на участии, на переносе идей и текстов через разного рода границы – языковые, понятийные, дисциплинарные, парадигмальные.

4) Это форма столкновения парадигм и один из способов формирования научных школ через позиционирование в отношении идей, методологии, и кроме того – по отношению к формам и содержанию аргументации.

5) Рецензия, как и цитация, – это интерпретативный акт. Если даже в тексте рецензии и отсутствует

явная интерпретация и личная оценка, то само реферативное изложение невозможно без селекции “значимого” и “незначимого”, что, собственно, и является одним из приемов истолкования.

6) Рецензионная речь в максимальной степени приближена к задаче экспликации и провозглашения нормы, системы норм. Особенность такой речи состоит в том, что делается это не в форме манифестации или поучения, а с опорой на аргументацию и систему обоснований выводов, и зачастую – не в виде прямой оценки, а как сопутствующий аргументации вывод. На наш взгляд, наиболее важным, хотя и трудноразличимым трендом в утверждении норм научной коммуникации является влияние рецензионной письменной речи на рецензионную и оппонирующую риторику, речевое поведение.

7) Тематическая разметка актуального пространства науки, пространства постановки проблем и определения стратегий действия. Батыгин называл это “разметкой театра боевых действий” на фронтах науки, где основными критериями являются активность действий и качество усилий. Благодаря этому преодолевается анклавная фрагментация тематического пространства науки при одновременном сохранении – от-refлексированном сохранении – парадигмальных делений и различий.

8) Маркирование статуса, точнее – статусов, поскольку рецензия наделяет определенными характеристиками как рецензируемого, так и рецензента.

Безусловно, предложенное описание не только неполно, но и недостаточно: как и любые другие формы бытования знания, рецензионная речь имеет свои особенности в конкретных сообществах. Предложенное описание лишь отчасти помогает реконструировать их. Например, система статусов при той или иной организации научной деятельности напрямую влияет как на характер утверждаемых норм, так и на функциональность

рецензионного подтверждения статуса в профессии. Однако рассмотрение этого вопроса выходит за рамки задач нашего текста.

Рецензия – ритуальный жанр, наполненный не только содержательным, но также и социоморфным (воспроизводящим сообщество) смыслом. Речь идет не только о развитии профессиональной коммуникации и о формировании научных школ и сообществ. В бытовании рецензий и рецензионной речи, безусловно, существует еще и дидактический компонент. Рецензии в своей массе по большей части относятся к разновидности служебных текстов, и получение навыков их подготовки и освоение структуры таких текстов оказываются необходимым элементом профессионального образования: как минимум это необходимо при подготовке

Рецензия – ритуальный жанр, наполненный не только содержательным, но также и социоморфным (воспроизводящим сообщество) смыслом

выпускных квалификационных работ. Кроме того, освоение практики рецензирования не только делает явными нормы научной коммуникации, исследовательской работы, аргументации и обоснования научного вывода и облегчает освоение образцов деятельности в своей профессии, но также участвует в формировании профессиональной идентичности специалиста – наряду с навыками преподавательской деятельности, умением планировать и проводить собственное исследование и умением предъявлять и защищать результаты своей работы.

Рецензионная речь – неотъемлемый элемент не просто научной коммуникации, но и исследовательской деятельности. Эта деятельность не в последнюю очередь включает в себя библиографический поиск и чтение – ведь без этого горизонт актуальных (для данной дисциплины) проблем и релевантных идей коллапсирует и рецензионная речь становится если не невозможной, то безусловно выхолощенной.

Библиографический поиск представляет собой особое умение. Каждый год выходит множество публикаций по общественным наукам – не одна сотня тысяч. При этом – теоретически – исследователь обязан знать все, что написано по его теме. Хотя исполнить это требование невозможно, но решать такую задачу необходимо. “Прежде чем высказать свое суждение о предмете, социолог обязан прочитать максимум того, что написано его предшественниками и коллегами. Осведомленность в специальной литературе – основной критерий профессиональной компетентности, и ссылки на недоступность источника, языковые затруднения и загруженность работой обычно не воспринимаются в качестве серьезного оправдания. Знакомство с интеллектуальной книжной традицией позволяет социологу считаться своим человеком в профессиональном сообществе” [Батыгин. 1995. С. 84]. ■

Литература

- Sbadish W. R., Tolliver D., Gray M., Gupta S. K. S.* Author judgments about works they cite: three studies from psychology journals // *Social Studies of Science*, 1995. V. 25.
- Батыгин Г. С.* Социальные ученые в условиях кризиса // *Социальные науки в постсоветской России* / Под ред. Г. С. Батыгина, Л. А. Козловой, Э. М. Свицерского. М.: Академический Проект, 2005.
- Гудков Л. Д., Дубин Б. В.* Раздвоение ножа или диалектика желания // *Новое литературное обозрение*. 2001. № 49.
- Даудрих Н. И.* Рецепция социального знания и типы цитирования в научной периодике // *Социальные науки в постсоветской России* / Под ред. Г. С. Батыгина, Л. А. Козловой, Э. М. Свицерского. М.: Академический Проект, 2005.
- Интервью с Г. С. Батыгиным // *Социальная реальность*. 2006. № 11.
- Касимова Р. Г.* Трансформация языковой среды в науке // *Вестник Российской Академии наук*, 1999. Том 69. № 11.
- Салтыков Б. Г.* Российская наука в условиях социальных перемен // *Проблемы деятельности ученого и научных коллективов*. Вып. X. / Под ред. С. А. Кутеля. СПб.: СПбГТУ, 1996.

Н. Харламов

О книге Э. Амина и Н. Трифта “Города: переосмысливая городское”*

Многочисленные изменения, которые происходят в тканях общества, приводят к тому, что старые концепции и подходы к социальной реальности требуют пересмотра. Существующие же системы понятий и подходов переживают кризис, который можно назвать *позитивным*, так как он приводит к активному переосмыслению реальности и познавательного аппарата и к формированию новых подходов и концепций. В кризисе находятся многие области социальной науки. Одной из таких областей являются *исследования города*. Традиционные дисциплинарные членения, существовавшие здесь, – на городскую географию, социологию города, психологию городской жизни, архитектуру и планирование и другие – ставятся под сомнение, и вместо них формируется подход к городу, который можно назвать *объектным*, то есть предполагающим примат объекта и проблем над дисциплинарными, предметными, методологическими и методическими границами. Одним из следствий такого кризиса границ становится то, что социология города в последние 15 лет оказалась под серьезнейшим

влиянием *географии*. Множество работ, которые обращаются по сути к социологической проблематике, пишутся географами (например, лос-анжелесская школа исследований города в значительной мере представлена географами – такими, как Эдвард Соха [Edward Soja] – и специалистами по городскому планированию).

В настоящей рецензии¹ мы обращаемся к работе британских географов Эша Амина [Ash Amin] и Найджела Трифта [Nigel Thrift] “Города: переосмысливая городское”, вышедшей в 2002 году на английском языке². Вначале будет кратко изложена основная идея книги и то, как она развивается в ее главах, а затем предложены некоторые критические суждения.

Амин и Трифт видят своей задачей внесение некоторого вклада в новое знание о “городском”, которое формируется в последние годы. *Новый урбанизм*, как его можно назвать, характеризуется вниманием к городам как к сложным, обладающим различными формами и наполненным различным содержанием сущностям, которые включены в многочисленные сети взаимосвязей и включают в себя такие сети.

* Amin A. and Thrift N. 2002. *Cities: Reimagining the Urban*. Cambridge: Polity. ISBN 0-745-624146. vii+184 pp.

¹ Данный текст частично опирается на рецензию М. Севиджа (Savage M. 2003. Review of *Cities: Reimagining the Urban* by A. Amin and N. Thrift. *Sociology*, Vol. 37. No. 4).

² Первая глава книги переведена С. П. Баньковской и опубликована: Амин Э., Трифт Н. Внятность повседневного города // Логос. 2002. №34. www.ruthenia.ru/logos/number/34/14.pdf. Цитаты из первой главы даются по русскому переводу.

Кроме того, в новом урбанизме наблюдается выраженный “пространственный поворот”, внимание к городскому пространству, его устройству, созданию и реконструкции.

Оригинальный подход, который предлагают авторы, направлен на рассмотрение повседневности городского существования, его *обыденности*, того, как эта обыденность существует во множестве контекстов и, с одной стороны, ограничивается и задается ими, а с другой – содержит в себе бесконечное число возможностей выйти за рамки таких ограничений. В этом серьезное отличие предлагаемого подхода от многих современных работ по новому урбанизму, таких как работы Э. Сохи, М. Касельса, С. Сассен [Saskia Sassen], М. Дира [Michael Dear] и др. Этот подход находится в русле исследований повседневности (А. Лефевр, М. де Серто [Michel de Certeau], В. Беньямин), которые совмещаются с современными сетевыми подходами – в особенности с теорией актор-сетей (Б. Латур [Bruno Latour]) и социологией социальной мобильности (Дж. Урри [John Urry]).

Книга состоит из шести глав. Первая глава – “Внятность повседневного города” [The Legibility of the Everyday City] – посвящена рассмотрению общего подхода к теме. Амин и Трифт отталкиваются от трех направлений исследования и понимания городской повседневности, которые представляются в виде “метафор”: *фланерства* (В. Беньямин), *ритм-анализа* (А. Лефевр), *отпечатка города* (Д. Мэсси [Doreen Massey] и др.). Авторы не удовлетворяются этими подходами, справедливо указывая на то, что они 1) представляют городское пространство как пространство безграничной свободы, не уделяя должного внимания ограничениям, структурам, институтам; 2) ориентируются на гуманизм, то есть на центральность че-

ловека, и не уделяют внимание не-человеческим сущностям – объектам, технологиям, органической жизни; 3) рассматривают город в его пространственной и временной ограниченности, не учитывая включенности его в сложнейшие сети связей глобального и локального (26–27)³.

Элементарная *онтология* города, как ее видят Амин и Трифт, в качестве базовой составляющей социальной реальности предполагает “*столкновение*” (encounter), сосуществование материальных и нематериальных, условно человеческих (human) – и не-человеческих (non-human – машины, дома, животные) объектов. Как указывают авторы, в городе на наиболее базовом уровне существует “просто жизнь”, в рассмотрении которой они предлагают двигаться по трем направлениям. Город есть *экологическая среда*, состоящая из множества видов; процессы в городе организуются вокруг практики *биополитики* (термин восходит к работам М. Фуко), определяемой как “практика формирования тела и ощущений (жизни вообще), имеющая целью производство управляемых субъектов” (28); *ощущения* являются ключевым элементом жизни в городской среде. Собственно столкновения происходят от флюидных

пересечений множества “сетей” участия агентов (в широком смысле слова). Сеть также понимается в широком смысле слова, и подчеркивается ее динамичность: сети “всегда наталкиваются на другие сети, соприкасаются с ними, борются, кооперируют, паразитируют, игнорируют – вариации могут быть бесконечными” (30).

Вторая глава – “Близость и поток в городе” [Proximity and Flow in the City] – посвящена ключевому вопросу о *сообществе* (community) в современном городе. Авторы излагают классический подход к сообществу в городе, утверждающий, что наступление эпохи *модерна* раз-

Новый урбанизм характеризуется вниманием к городам как к сложным, обладающим различными формами и наполненным различным содержанием сущностям, которые включены в многочисленные сети взаимосвязей и включают в себя такие сети

³ Цифры в скобках означают страницы англоязычного издания.

рушает “аутентичный город, который внутренне скрепляется взаимодействиями лицом-к-лицу” (32). Вслед за Зиммелем и Беньямином они выделяют *четыре “удара”*, которые наносит эпоха модерна по аутентичному городу: всеобщее распространение денег, придающее всему калкулируемость, привносящее безразличие и разрушение личностных связей; овеществление, которое превращает культурные человеческие феномены в вещи; ускорение ритма жизни; распространение средств массовой информации. В пределе вместе с физической и “информационной” дистанцией “человеческая” близость вообще исчезает как таковая.

Однако, по мнению Амина и Трифта, эти процессы на самом деле не столь однозначны. Авторы указывают, что сообщество в современном мире не отмирает как категория: существует множество видов сообществ, которые изменяются и живут. Они указывают на *пять типов современных городских сообществ*. Это сообщества, спланированные через технологии управления (автомобилисты, жильцы района).

Постсоциальные сообщества, в формировании которых участвуют не-человеческие технологии (например, технологические объекты, такие как компьютеры). Новые формы человеческой социальности, охватывающие изменившиеся реципрокности, цели, связи (это сообщества “легкой социальности”, на короткое время создающиеся вокруг некоей цели; сообщества по конкретным интересам – например, владельцы собак; дружеские сообщества; этнические диаспоры). Повседневная жизнь как таковая, если ее понимать как форму сообщества, объединяющего людей в их обыденном существовании. Формы дистанцированной симпатии, которые способны производить особые сообщества (Amin and Thrift 2002: 41-48).

В третьей главе – “Города в дистанцированном хозяйстве” [Cities in a Distanciated Economy] – Амин и Трифт обсуждают современную *глобализованную хозяйственную систему* и приходят к выводу, что понимание города как ограниченного локуса хозяйственной жизни, который бы содержал эту жизнь в самом себе независимо от глобальных сетей, неадекватно, так же, как неадекватно и представление, что города как таковые не играют специфической роли в функционировании глобального хозяйства. Авторы рассматривают историю понимания роли города в мировом хозяйстве, начиная с 1950-х годов, и выделяют два основных современных понимания. Это роль городов как *локусов конкурентного производства* в мировом масштабе (конкуренция основывается в первую очередь на том, что городское хозяйство характеризуется пространственной близостью элементов производственного процесса и эффектом отдачи от масштаба) и роль городов как *локусов постиндустриальной экономики знания* (города обладают тем необходимым культурным ресурсом, который позволяет такой экономике существовать и развиваться).

Обе эти концептуализации хозяйственной роли города видятся Амину и Трифту недостаточными, и авторы обращаются к рассмотрению города как *площадки (site) в хозяйственной системе*. Такие “площадки в растянутых в пространстве хозяйственных отношениях” (63) являются пространственными локализациями пересечений частей сетей производства, производства и потребления. В частности, они играют эту роль в отношении транснациональных корпораций, отраслей “креативной” промышленности (например рекламы) и электронного делового пространства виртуальных сетей.

Во всех этих случаях, полагают Амин и Трифт, городское пространство является местом *соеди-*

нения глобального и “виртуального”, локального и “реального”, то есть сами по себе локальные или глобальные феномены существовать не могут, но объединяются они именно в городе. Кроме того, города являются местами, в которых сосредоточено потребление и в которых оно ежедневно осуществляется на повседневном уровне. Наконец, города являются комплексами, обеспечивающими бизнесу *поддержку* в виде “легких институтов”, которые создают контекст функционирования бизнеса и без которых такое функционирование сегодня невозможно. Амин и Трифт выделяют, в частности, три вида таких легких институтов: это сопровождающие бизнес услуги (юристов, транспортных, финансовых агентств); места для встреч разной степени формальности; институты, обеспечивающие соединение и столкновение разных пластов и видов знания – от формального, академического и кодифицированного до наиболее неформального.

Таким образом, города сами по себе не являются агентами экономической системы: они являются локусом, где глобальная хозяйственная система реализуется в пространстве и где хозяйственные агенты сталкиваются и взаимодействуют между собой.

В четвертой и пятой главах Амин и Трифт предлагают свои пути для конструирования новых способов высказываний о городе – нового понятийного корпуса.

В главе 4 – “Машинный город” [The Machinic City] – авторы рассматривают город как – в значительной мере – как *машину*: люди живут и взаимодействуют в среде, включающей не-человеческие (non-human) феномены, которые обладают агентскими свойствами (agency). Это и инструменты, и технологические артефакты, и системы хозяйственных процессов, и многое другое. Машины и техника социальны.

Амин и Трифт обращают внимание на то, что города по своей сути являются мощными средствами “*инженерии*” столкновений (engineering of encounter): они влияют на паттерны циркуляции, мобильности, потоков людей, машин, вещей. Далее, города являются своего рода “силовыми полями”, в которых *пересекается действие* множества агентов – действие, вызывающее

страсть (passions). Источники последней, по мнению Амина и Трифта, организуются в три основные категории: это человеческое *тело*, которое не сводится к сознанию, но само по себе обладает агентскими характеристиками, с сознанием связанными, но ему не тождественными; это *объекты*; и это *биологическая сфера*, включающая все не-человеческое множество организмов, с которыми человек сосуществует в городе. Однако нестабильность и неопределенность города ограничивается сложными формами *инженерии определенности* (engineering of certainty), которые задают рамки для свободы столкновений, некоторые возможности и ограничения. В городе действуют процессы *менеджмента* времени (часы, дневники), информации (почта, массмедиа), мобильности и потоков.

В пятой главе – “Властные города” [Powerful Cities] – авторами рассматриваются множественные силы и группы, которые осуществляют *власть*. Эту власть можно определить как действующую по ряду направлений, для чего Амин и Трифт обращаются к понятию “*диаграммы власти*” (diagrams of power) у М. Фуко и Ж. Делеза. Самые важные из них – диаграммы бюрократии, производства, ощущений и чувств, воображения. Эти диаграммы власти являются направлениями осуществления власти, *стремлением* (но не жестким алгоритмом) к выстраиванию мира в определенном ключе. Они претендуют на *тотальность*, всеохватность социальной реальности, проникновение во все ее клетки. Однако, как пишут Амин и Трифт, “формы управленчества (governmentality) могут быть тотализирующими проектами, но они не являются тотализациями. Таким образом, городское население может избежать некоторых их намерений и притязаний и найти новые углы отказа от них” (108).

К таким *попыткам бегства* (escape attempts) Амин и Трифт относят, в частности, специфическую ночную жизнь города, которая обладает своими режимами власти; специфические режимы чувств, которые характерны или нехарактерны для диаграмм власти и с которыми эти диаграммы, соответственно, могут или не могут работать (например, до недавнего времени основное внимание власти уделялось визуальному

порядку, тогда как аудиальный, звуковой порядок практически игнорировался); пространства имажинации, воображения, где городские существования ускользают от контроля и ограничения. Пространства же бегства, в свою очередь, могут быть "колонизированы" и поставлены под особые условия, например, экономическими институтами капитализма.

Здесь, как и вообще в подходе Амина и Трифта, речь идет о сложной флюидной динамике сетей и агентов. "Сети контроля, чьи пути пролегают через города, с необходимостью олигоптические, а не паноптические:

они не совмещаются воедино [в общую тотальную систему власти и насилия]" (128). Во-первых, они не достигают всех уголков пространств и времен, а сами эти пространства и времена постоянно переустраиваются. Во-вторых, практически все сети власти на самом деле подвижны, изменчивы, сами по себе подвергаются разрушению, ремонту и уничтожению. В-третьих, сами сети власти содержат внутренние возможности к импровизации и инновации. В-четвертых, управляющие системы, чтобы выживать, вынуждены опираться на инновативные творческие способности агентов и зависеть от них. Наконец, если охарактеризовать предыдущие четыре характеристики в несколько иной форме, "городские сети сложны: они взаимодействуют и влияют друг на друга непредсказуемым образом, что производит эмерджентные формы социальной организации, не поддающиеся предвидению" (129).

Шестая глава – "Демократический город" [The Democratic City] – посвящена обсуждению городов и городской среды в перспективе современной демократии и прав человека. Амин и Трифт отрицают, что современный город соответствует распространенным идеям модерно-

вого города как антисоциального, антидемократического явления, и говорят о том, что в современных городах демократия приобретает новые смыслы и пространства реализации. Они обсуждают усилия американских интеллектуалов и политических деятелей рубежа XIX–XX веков по созданию специфически городских демократических механизмов, в частности расширенных систем общественного образования, возрождению пространств агоры, то есть публичной коммуникации, и других.

Далее Амин и Трифт переходят к рассмотрению современного понимания демократических городских процессов и выделяют три основных видения городской демократии. Это представление, что город содержит пространства публичной сферы; представление, что современные города являются основной для коммуникации, достижения компромисса и консенсуса между заинтересованными сторонами; представление о городе как о пространстве радикальной демократии прямого коллективного действия (подчеркивается составляющая честной, открытой

борьбы и противостояния).

Для Амина и Трифта эти подходы выглядят не совсем адекватными и полными, поэтому они предлагают свое видение городской демократии, исходящее из работ, в частности, А. Лефевра. Авторы полагают, что фундаментальным правом, о котором идет речь, является право на город (right to the city) и на доступ ко всем тем ресурсам и благам, которые городская среда предоставляет своим жителям. Основным фокусом здесь являются такие понятия, как предоставляемые городской средой возможности (capabilities), в первую очередь – образования и обуче-

ния, и перспективы социализации (socialization), которые открываются перед городским жителем в области свободной публичной коммуникации, свободного и неформализованного политического взаимодействия и диалога, гражданской ответственности и обязанностей. Для Амина и Трифта города являются не создающими некую специфическую форму демократии и гражданского общества, но скорее локу-

Оригинальный подход, который предлагают Амин и Трифт, направлен на рассмотрение повседневности городского существования, его обыденности, того, как эта обыденность существует во множестве контекстов и, с одной стороны, ограничивается и задается ими, а с другой – содержит в себе бесконечное число возможностей выйти за рамки таких ограничений

сом, местом повседневной практики демократии. Авторы полагают, что ключевым образом современной городской демократии является мобильность, то есть основным ресурсом для демократии в городе является обеспечение сосуществования различий (differences), различных групп и феноменов, которое постоянно реконфигурируется и перестраивается в ходе городской жизни, обеспечивая всем ее участникам возможность свободного самовыражения.

Резюмируя, Амин и Трифт предлагают подход, который обращен к повседневному существованию человека здесь-и-сейчас, на уровне живой реальности и живого бытия – столкновения, и предоставляет возможности для описания того, как эта жизнь проходит и каковы возможности и ограничения, которые существуют по отношению к ней в повседневной среде. Авторы отказываются от представления о зафиксированном определении города и от понимания городского как чего-то ограниченного и четко отделимого от негородского (а многие классические работы по социологии города с этого и начинались). Это базовое представление о городе,

изложенное в первой главе, они развивают в пяти последующих главах на материалах различных областей городской жизни.

Сама книга позиционируется как *проект*, первая постановка проблем, и можно сказать, что эта постановка действительно новаторская и заслуживает внимания и использования. В силу этого объем книги достаточно невелик, и рассматриваемые схемы излагаются в порядке постановки проблем, без детального обоснования эмпирическим материалом. Однако следует отметить ряд недостатков, которые присущи этой книге.

Во-первых, в ней наблюдается определенная *несвязанность* между отдельными темами, в первую очередь на уровне словаря. Введенная в первой главе схема имплицитно прочитывается за построениями авторов на протяжении всей книги, но прямой связи между темами и общей элементарной онтологией авторы не устанавливают и не выводят на уровне применения схемы к теме. В результате требуются известные усилия для того, чтобы вывести общую рамку подхода и увязать конкретные суждения с этой рамкой. Вероятно, здесь могло бы помочь более четкое прописывание терминологии столкновения и более строгое и последовательное применение этой терминологии в ходе рассуждений.

Во-вторых, предложенная схема и ее обсуждение в том виде, в котором оно имеется в тексте, еще требует дальнейшей проработки для применения схемы к действительному *"полевому"* исследованию городской среды. Это опять-таки является чертой проблемно-проектного характера книги, но в то же время ограничивает ее доступность для широкого круга исследователей и студентов.

В-третьих, присутствующее в книге *обсуждение современной теории городской жизни* и круг авторов, на работы которых опираются Амин и Трифт, в известной мере смещены в *филологическую и культурологическую сторону*. Многие авторы, работающие в социологическом ключе, такие как М. Кастельс, и школы исследований, например лос-анджелесская школа социологии города (Э. Соха, М. Дир, М. Дэвис и др.), упоминаются во введении, однако дальнейшего обращения к их работам не происходит. Особен-

но характерна в этом отношении, как нам видится, недостаточная опора Амина и Трифта в ходе обсуждения роли городов в мировой хозяйственной системе на исследования глобальных и мировых городов, в первую очередь на работы С. Сассен, задавшие в этом отношении самостоятельную политико-экономическую ветвь социологии города. Одним из продуктивных направлений дальнейших исследований, в том числе и развивающих концепцию Амина и Трифта, является более строгая увязка изучения городского хозяйства и повседневного бытия человека, для которого это хозяйство составляет один из контекстов, рамок.

В-четвертых, следует отметить известный разрыв между шестой и остальными главами книги. Представленное авторами обсуждение демократического города, как нам кажется, проводится в несколько проективном и нормативном ключе и в недостаточной мере включает широкое понимание политического, властного и взаимодействия политического и властного. В особенности это проявляется в наблюдающемся разрыве между обсуждением власти в городской среде, которое Амин и Трифт проводят в пятой главе, и их рассуждениями о демократическом проекте городской жизни в главе шестой. Здесь следует отметить, что это обсуждение могло бы, по нашему мнению, много выиграть от рассмотрения современных социальных движений в самом широком смысле слова, например, анти- и альтерглобалистских, экологических, религиозных, пространственным локусом действия которых чаще всего становится именно городская среда⁴.

Наконец, хотелось бы отметить, что в работе Амина и Трифта практически не затрагиваются вопросы этнических, религиозных, расовых взаимодействий, составляющие значительную часть корпуса работ как классической, так и новейшей теории и исследований городской жизни, а также очень косвенно рассматриваются культурные феномены современного города.

Несмотря на эти недостатки, книга Амина и Трифта является важным вкладом в развитие

современных городских исследований, а проект, который они предлагают, заслуживает внимания и развития. В особенности это касается современной России, где существует специфическая конфигурация глобального, регионального и локального в аспекте городской среды. Например, статус Москвы как современного мирового города и ключевого если не глобального, то регионального центра, уже давно очевиден (по современной численности населения Москва буквально за два десятилетия вышла на достойное место в двадцатке самых населенных городов мира). Однако конкретных исследований того, через какие трансформации российские города – и не только Москва, но и многие другие, от Петербурга до Владивостока, – проходят в ходе их резчайшего включения в сети локальных, региональных и глобальных экономических, полити-

Для Амина и Трифта города являются не создающими некую специфическую форму демократии и гражданского общества, но скорее локусом повседневной практики демократии. По их мнению, основным ресурсом для демократии в городе является обеспечение сосуществования различных групп и феноменов, которое постоянно реконфигурируется и перестраивается в ходе городской жизни, обеспечивая всем ее участникам возможность свободного самовыражения

ческих, культурных, миграционных потоков после развала СССР, крайне мало. Интереснейший вопрос здесь – это то, как трансформируется городская повседневность в этом специфическом социокультурном контексте. Вероятно, обсуждаемая книга Амина и Трифта могла бы много внести в дальнейшие российские исследования городской жизни. ■

⁴ Из уже упомянутых авторов это, например, подробно рассматривает в работе “Сила идентичности” (второй том трилогии “Информационная эпоха”) М. Кастельс; в последних своих работах к тем же проблемам в контексте глобальных городов обращается С. Сассен.

Н. Фархатдинов

О книге Л. Мальковой “Современность как история: реализация мифа в документальном кино”

Одной из особенностей гуманитарного знания позднесоветского и постсоветского периодов является его уклон в сторону деидеологизации. Исследователи стремились использовать те источники и возможности, которые ранее были недоступны по причине цензуры и иных ограничений. Сегодня накал страстей в этой области заметно поутих. В таком, спокойном, ключе и написана книга Л. Мальковой “Современность как история: реализация мифа в документальном кино”.

В чем привлекательность этой книги для современного читателя, гуманитария и социолога в частности? Попробуем ответить на этот вопрос, попутно обращая внимание на те проблемы, которые возникают в ходе знакомства с книгой.

Л. Малькова исследует становление кинематографа как инструмента пропаганды. Автор – доктор искусствоведения, поэтому анализирует кино скорее с исторических и эстетических позиций. Анализируются фильмы, призванные популяризировать те аспекты, которые власть считала ключевыми в конкретной политической ситуации. В 20-е годы, например, шла, по выражению автора книги, “расправа с прошлым”, поэтому в кино основной упор делался на противопоставление прошлого и настояще-

го будущему, а в 30-е акцент сместился в сторону настоящего.

“Просвещение масс” не ограничивалось трансляцией идеалов. Кинематограф играл и более важную роль – формировал у аудитории *представления о должном*: как нужно относиться к “врагам народа”, друзьям, вождям, труду, прошлому.

В книге описывается процесс формирования мифов в самом кино, дается ответ на вопрос, каким образом внешние факторы (к которым Л. Малькова относит литературный аспект и идеологическую пропаганду) оказали влияние на характер и содержание документальных кинолент.

В центре внимания Л. Мальковой оказывается понятие “правды”. “Правда” как элемент документального кино присутствует в кинолентах и 20–30-х годов, и “новейшего времени”. Автор показывает инструментальный характер этого понятия, что существенно отличает книгу от других работ, затрагивающих проблемы взаимоотношений власти и искусства. Другими словами, “правда” – это “принцип, определяющий соответствие мыслей, и чувств, и поступков человека”.

Подобная постановка проблемы позволяет автору избавиться от соблазна искать соответствия между реальностью, которую формирует ки-

* Малькова Л. Современность как история: реализация мифа в документальном кино. М.: Материк, 2006. 224 с.

нематограф, и действительностью, картину которой можно восстановить по историческим источникам. Если бы проблема была поставлена в традиционном ключе – как вопрос о соответствии продуктов кинотворчества действительности, – это привело бы к банальному разоблачению кинематографа, показало бы его подверженность политической конъюнктуре, но не приблизило бы к пониманию феномена кино в новом государстве.

“Правда” в трактовке Л. Мальковой выступает как равнозначный образ – наряду с образами героя, труженика, врага, власти и т. п. Именно с этих позиций автор пытается, основываясь на документальном киноматериале, реконструировать образ “правды”, параллельно обращаясь к другим образам. Через обращение к этому образу Л. Малькова показывает процесс трансформации современности в историю, отображенную на экране. По сути, это и является настоящим предметом исследования.

Таким образом, основной целью автора является реконструкция *процесса* трансформации современности в историю. Для решения поставленной задачи автор обращается к понятиям “миф” и “архетип”. Через анализ киноматериала 20–30-х годов Л. Малькова показывает архетипические элементы, присутствовавшие в коллективном сознании народа. В работе с понятием “архетип” исследователь опирается на труды К.Г. Юнга, хотя ни ссылок (за исключением нескольких косвенных), ни интерпретаций работы психолога Л. Малькова не приводит.

Второе понятие, на которое опирается исследователь, – это “миф”. Однако автор не дает ни определений, ни ссылок на ту традицию, в которой работает, хотя упоминается имя Р. Барта (в связи с чем можно предположить, что именно понимание мифа по Барту и является доминирующим).

Таким образом, в книге нет предварительного анализа понятий и определений, исходя из которых реконструиру-

ется процесс трансформации современности в историю в документальном кино. В этом заключена определенная трудность, с которой сталкивается читатель.

Книга состоит из пяти частей. Во “Введении” Л. Малькова вкратце обозначает проблемное поле, с которым она в дальнейшем работает, а также намечает некоторые общетеоретические и методологические подходы, используемые

Роль кинематографа в “просвещении масс” не ограничивалась трансляцией идеалов. Он также формировал у аудитории представления о должном: как нужно относиться к “врагам народа”, друзьям, вождям, труду, прошлому

в исследовании. Далее идут непосредственно главы (их всего три), каждая из которых призвана раскрыть общую тенденцию реализации мифа в определенный период советской истории. Завершается анализ “Заключением”.

В первой главе анализируется киноматериал 20-х годов. Здесь автор, опираясь на обозначенные во “Введении” принципы, говорит о кинореальности, которую формирует документальное кино. Исследуя этот период в истории советской кинодокументалистики, Л. Малькова обращается главным образом к киноработам Д. Вертова и его дневникам. Значительная часть главы посвящена истории возникновения кинохроники.

Автор придерживается той точки зрения, что влияние среды и киноматериала взаимно. То есть, по мнению исследователя, в отношении конструирования образов кинематограф был до определенной степени самостоятельным. В 20-е годы образ “правды”

строился вокруг, с одной стороны, настоящего, происходившего на глазах у зрителей, с другой же стороны – прошлого, противопоставляемого настоящему.

Вторая глава посвящена анализу кинодокументалистики 30-х годов. Здесь представлен уже более широкий эмпирический материал. Вероятно, это обусловлено историческими причинами: оценив эффективность кино как инструмента пропаганды, в 30-е годы власть стала уделять ему больше внимания, нежели в 20-е. Можно сказать, что эпоха одного режиссера сменилась эпохой массового производства документальной кинопродукции. В этот период акцент смещается с прошлого на настоящее, которое становится объектом режиссерских «киноисследований». Через кинореальность создаются образы труда, врагов, героев, власти и других атрибутов времени.

В третьей главе Л. Малькова обращается уже к современности. В этой части исследования анализируется само понятие «документальность» и прослеживается его трансформация по мере распространения телевидения. Рассматриваются проблемы, связанные уже не столько с кинодокументалистикой, сколько с тележурналистикой. Непонятным остается, почему автор оставила без внимания другие периоды. Возможно, это было сделано для того, чтобы подчеркнуть основные тенденции развития документального кино и зафиксировать современное его состояние.

Следует отметить также отсутствие логического перехода между «Введением» и основной частью книги – это вторая трудность, с которой сталкивается читатель. Таким переходом могла бы стать теоретико-методологическая глава, посвященная работе с понятиями.

Третья трудность касается определения характера исследования с точки зрения того, на какие области знания оно опирается. Его можно было бы назвать междисциплинарным, если бы были обозначены дисциплины, с которыми работает автор. Но ввиду отсутствия соответствующих отсылок больше всего работе Л. Мальковой подошла бы, на наш взгляд, характеристика «комплексное исследование» – то есть такое, которое рассматривает объект изучения с различных позиций. В книге мы обнаруживаем анализ исторических, социальных, политических и технических условий кинопроизводства. Наряду с историко-киноведческим анализом произведений экранной документалистики.

Книга может быть полезна социологам (и, шире, специалистам гуманитарного профиля). Это один из тех случаев, когда анализ кинематографа не ограничивается его социальным функционированием, с одной стороны, и техническим анализом кинематографического материала – с другой. Исследование сосредоточено, можно сказать, на другой реальности, которая находится в тесной связи и с техническими элементами, и с социальным окружением, но трансформирует то и другое в образы и мифы, каковые и анализируются автором. И эта реальность, которая формируется кинообразами (а сейчас – и телеобразами), является предметом исследования современной социологии, поскольку современное общество – это прежде всего общество множественных реальностей.

Несмотря на имеющиеся недостатки, книга Л. Мальковой может послужить хорошим примером работы с историческим материалом и стать отправным пунктом для других исследований в намеченном автором направлении. ■

Социальная реальность

Подписка – 2008

Каталог “Пресса России”,
раздел “Социология”, стр. 444, индекс 86301.
Стоимость одного номера, включая НДС, – 200 руб.

Подписка через агентство “Книга-сервис”.
Тел. секретариата: 680-9088.
Стоимость одного номера, включая НДС, – 200 руб.

Каталог “Подписка за рабочим столом”.
Агентство “Книга-сервис” и “Агентство
по распространению зарубежных изданий”
 (“АРЗИ”), стр. 50, индекс А86301.
Стоимость одного номера, включая НДС, – 215 руб.

Каталог “Республика Казахстан.
Российская пресса”. Каталог ОАО “Казпочта”
и “АРЗИ”, стр. 26, индекс 86301.

Каталог “Библиотечный каталог”
агентство “Книга-сервис” и “АРЗИ”,
стр. 33, индекс К86301.
Стоимость одного номера, включая НДС, – 200 руб.

Авторы номера...

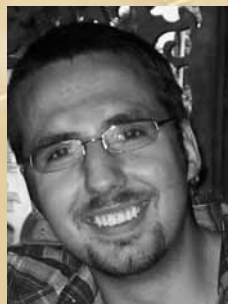
Борис Докторов
Доктор философских наук,
профессор, независимый
аналитик и консультант

Елена Вовк
Старший специалист
аналитического отдела
Фонда “Общественное
мнение”

Денис Стребков
Кандидат
социологических наук.
Доцент кафедры
экономической
социологии ГУ-ВШЭ.
Начальник отдела
маркетинга ООО “АТОН”

Павел Лебедев
Ведущий специалист Фонда
“Общественное мнение”,
магистр социологии
ГУ-ВШЭ, аспирант ИС РАН

Никита Харламов
Сотрудник Центра
фундаментальной
социологии ИГИТИ
ГУ-ВШЭ. Магистрант
факультета социологии
МВШСЭН

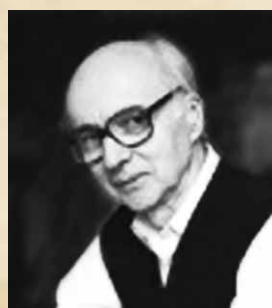
Наиль Фархатдинов
Сотрудник Центра
фундаментальной
социологии ИГИТИ
ГУ-ВШЭ. Магистрант
факультета социологии
МВШСЭН

Ирина Шмерлина
Кандидат
философских наук.
Старший специалист
Фонда “Общественное
мнение”. Старший
научный сотрудник
Института социологии
РАН

Андрей Шевчук
Кандидат
экономических
наук, доцент кафедры
экономической
социологии ГУ-ВШЭ

Олег Яницкий
Доктор философских
наук, профессор,
заведующий сектором
социально-
экономических
исследований ИС РАН